

Новосибирск ИБ НГТУ

LIBRARY 1200991779

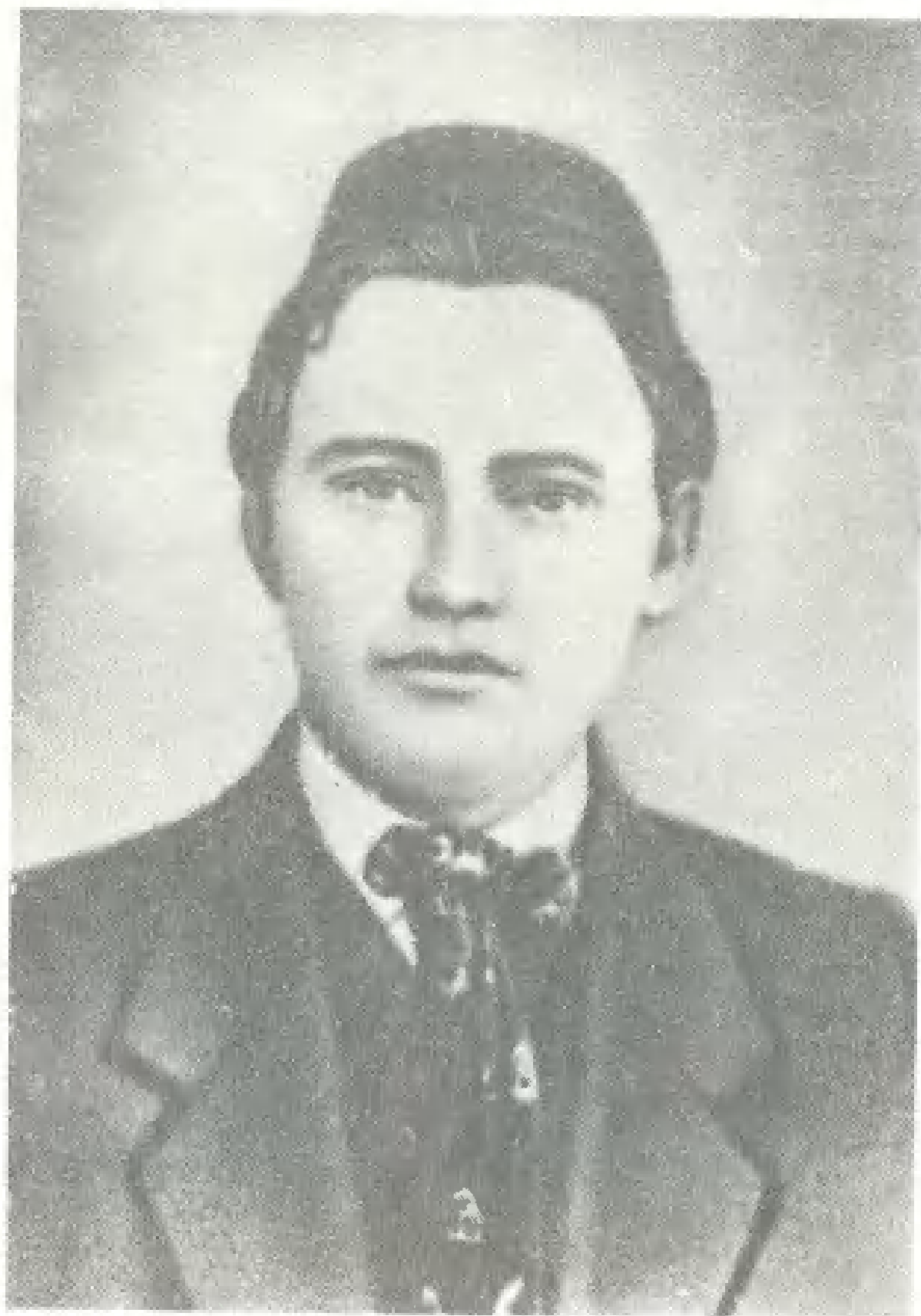
ГАБДУЛЛА ТУКАЙ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

ГАБДУЛЛА
ТУКАЙ

Ch

Q

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА
основана
Максимом Горьким
в 1931 году

Малая серия
Издание четвертое

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

НГПУ
проверено
19 5 г.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ 1988

84/21
ББК.84.Тат.1
Т 819

Редакционная коллегия

Ю А. АНДРЕЕВ
(главный редактор)

И В АБАШИДЗЕ, Г П БЕРДНИКОВ,
А Н БОЛДЫРЕВ, Н М ГРИБАЧЕВ,
Р Г ГАМЗАТОВ, М А ДУДИН,
А В ЗАПADOB, Е А ИСАЕВ,
М К КАНОАТ, Д С ЛИХАЧЕВ,
Э Б МЕЖЕЛАЙТИС, А А МИХАЙЛОВ,
Л М МКРТЧЯН, Д М МУЛДАГАЛИЕВ,
Б И ОЛЕЙНИК, А И ПАВЛОВСКИЙ,
С А РУСТАМ, Н Н СКАГОВ,
М ТАНК

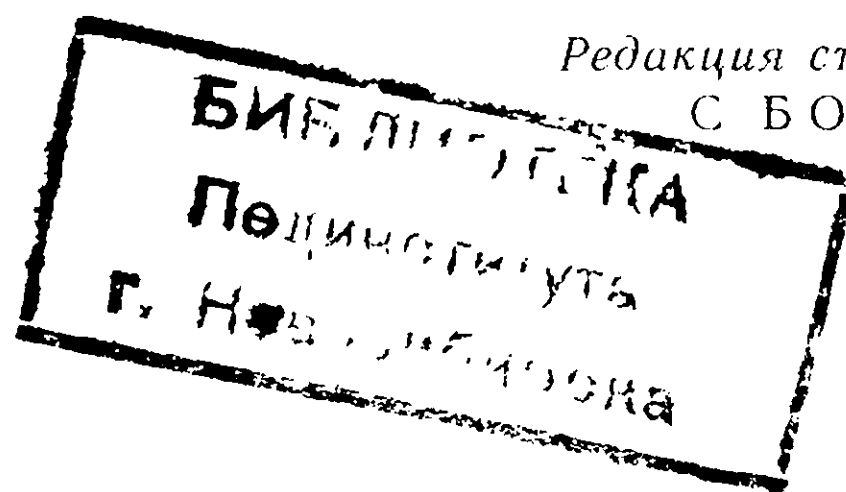
480413

Вступительная статья
Г ХАЛИТА

Составление
В ГАНИЕВА

Примечания
Р ДАУТОВА

Редакция стихотворных переводов
С БОТВИННИКА

Редактор Л С Гейро

Т $\frac{4702510000-308}{083(02)-88}$ 435—86

ISBN 5—265—00269—3

© Издательство
«Советский писатель»

Габдулла Тукай

Габдулла Тукай вошел в историю татарской литературы как великий народный поэт, заложивший основу новой национальной поэзии и создавший ее классический стиль. Уже при жизни своей он был признан певцом сокровенных чаяний обездоленных масс. Один из его современников и близких друзей, известный писатель Ф. Амирхан писал: «Даже личные враги Тукая не могли отрицать народного духа, народной гармонии, народной музыки в его стихотворениях, ибо это выглядело бы просто нарочитым упрямством: народ признал его своим, знал его стихи наизусть». Трудно найти в татарской литературе начала XX века другого писателя, для которого понятия «народ» и «поэт» были бы столь же неотделимы друг от друга, как для Тукая.

Действительно, Тукай, можно сказать, первым в татарской литературе открыл тайну народности в полном смысле этого слова. Только еще вступая на литературное поприще, он вдохновенно провозгласил:

Лишь тебе, народ,
Служенье!
Раздувайте
Пламя горна!
Нас не сломят
Униженья,
Мы вперед
Пойдем упорно!

*(«Что рассказывают шакирды,
покинувшие медресе», 1907)*

Габдулла Тукай (Тукаев Габдулла Мухаммедгарифович) родился 14 (26) апреля 1886 года в деревне Кушлауч Казанской губернии (ныне Арского района Татарской АССР) в семье приходского муллы. Когда ему было пять месяцев, умер отец. Позднее мать, оставив трехлетнего мальчика бедной старушке на воспитание, вышла замуж и переехала в другую деревню. Через некоторое время мать взяла малыша к себе, но вскоре умерла, и четырехлетний Габдулла остался круглым сиротой. Так началась его горькая жизнь «в людях».

Сперва приютил мальчика дед по материнской линии, Зиннатулла, в многодетной и полуголодной семье которого Габдулла оказался просто лишним ртом. В конце концов дед отправил его в Казань, где на Сенном базаре Габдулла взял на воспитание кустарь Мухаммедвали. В его семье впервые улыбнулось мальчику счастье. Однако вскоре грянула вездесущая беда: новые родители вдруг заболели и потому решили вернуть сироту в деревню Училе к деду, которому через некоторое время удалось отдать Габдулла крестьянину Сагди из соседней деревни Кырлай. В 1892—1895 годы жизнь его проходит в семье Сагди, где не было нужды в куске хлеба. Здесь Габдулла начал приобщаться к крестьянскому труду. Именно в кырлайский период он впервые осознал чувство любви к трудовому народу и родной земле. «Деревня Кырлай открыла мне глаза на жизнь», — писал поэт потом в своих воспоминаниях («Что я помню о себе», 1909). Впечатления кырлайской поры оставили в его творчестве неизгладимый след.

В Кырлае Габдулла начал учиться. Однако и тут ему было суждено пережить тяжелые дни. Взрослые дочери Сагди умерли от разных болезней, а сам хозяин неожиданно стал калекой. Его суеверная жена все эти несчастья связывала с пребыванием в своем доме сироты. Когда у нее родился сын, ее отношение к приемышу вовсе ухудшилось. Хотя отец продолжал любить Габдулла, но мальчик все равно лишился материнской ласки. К счастью для него, в начале зимы 1895 года он был взят в семью сестры своего родного отца, Газизы Забировой (Усмановой), в Уральск. Здесь Габдулла продолжал учиться в медресе «Мутыгия», одновременно посещая русский класс при нем. Хотя это медресе было учебным заведением старого типа, но

шакирдская молодежь не бездействовала. Ей была здесь предоставлена относительная свобода. Шакирдам разрешалось знакомиться с периодической литературой на восточных языках и обучаться русскому. Под влиянием национального просветительского движения учащаяся молодежь требует обновления учебных программ и стремится к светским знаниям.

Тукай-шакирд всем сердцем возненавидел схоластическую учебу. «Тукай эфенди в медресе считался самым образованным, бойким и сметливым шакирдом», — говорится в воспоминаниях знаменитого артиста Г. Кариева, близкого друга поэта. Несомненно, Тукай обладал сильной волей и большим врожденным талантом. Новые веяния, предвещавшие подъем революционного движения, оказывали на него заметное влияние в условиях медресе. При активном непосредственном участии Тукая выпускается рукописный журнал «Эль-гаср-эль-джадид» («Новый век»), в котором он публикует свои первые ученические стихи и статьи. Переводит басни Крылова и предлагает их к изданию. Впервые они были опубликованы в прозаическом переводе в 1906—1907 годах в журнале «Эль-гаср-эль-джадид» под названием «Мажмугай мофидо» («Полезный сборник»), а потом, в 1909 году, в Казани были выпущены отдельной книгой под названием «Энже бертеклэре» («Жемчужины»). В предисловии было сказано: «Это вольные переводы занимательных произведений мудрого и известного писателя Крылова». В сборнике «Жемчужины» 77 басен, больше половины которых переведено из Крылова.

Начавшаяся в стране революция 1905 года всколыхнула жизнь и в таком небольшом городке, как Уральск. Здесь появились первые татарские газеты и журналы: «Фикер» («Мысль»), «Эль-гаср-эль-джадид», «Уклар» («Стрелы») и др. В них Тукай сотрудничает и выступает с многочисленными стихами и статьями на темы, поднятые и поставленные революцией, участвует в демонстрациях, волной прошедших по городу. «„Да здравствует свобода! Довольно превращать в золото народную кровь!“ — такие возгласы сотрясали весь город...» — пишет Тукай в статье «Праздник свободы в Уральске» (1906). Все его творчество пронизывается боевым духом возвеличения и защиты демократических идеалов. В одном из первых стихотворений, «Слово друзьям» (1905), поэт писал:

Паук-чиновник нашу кровь пил много лет.
 Те годы не вернутся вновь, простыл их след!
 Дней лучезарных ясен свет, прекрасен свет
 Свободы солнце греет нас лучом теперь.

В первую очередь именно идеалы демократической свободы ознаменовали собою то новое начало — пусть даже на первых порах риторически и дидактически выраженное, — которое обусловило интенсивное развитие татарской литературы по пути сближения с народной жизнью. Отчетливой стала в ней ненависть к самодержавно-бюрократическому строю и ко всем реакционным силам. Со всей ясностью это проявилось в тукаевском творчестве.

Продолжая лучшие традиции национального просветительства, нашедшего яркое выражение в творчестве Ш. Марджани, К. Насыри, М. Акджигита, Р. Фахрутдинова и других писателей и ученых предшествующего поколения, ратовавших за национальный прогресс на почве русско-европейской цивилизации, Тукай повел решительную борьбу против невежества и духовного фанатизма, веками державшего татарское общество в оцепенении. Эта проблематика особенно ярко воплощена в его ранней сатире — как публицистической, так и стихотворной. Поэт быстро овладел искусством социального памфлета. Под его пером как бы стираются тематические и традиционно-лексические грани между поэзией и публицистикой. Он вводит в национальную поэзию социально-политические понятия и общественные проблемы времени. Таким образом, раннее творчество Тукая явило собою первый образец страстного гражданского вторжения татарской литературы в повседневность эпохи, осуществляемого с демократических позиций.

В начале 1907 года Тукай покинул медресе «Мутыгия». Началась его «вольная» жизнь. Стихотворение «Что рассказывают шакирды..» (январь 1907) явилось декларацией поэта, призывавшей молодежь идти в жизнь, на помощь народу, наперекор фанатизму и реакции. Немало трудностей лежало на его пути. Революция шла на убыль. В начале 1907 года власти запретили издания органов татарской печати, в которых сотрудничал и работал Тукай. Третьеиюньский переворот 1907 года означал решительное наступление реакции на демократию.

Боевым откликом на это было стихотворение Тукая «Не уйдем!» В его ярких строках прозвучал голос поэта-борца, зовущего до конца стоять за честь Родины и торжество демократии. Такие высокохудожественные произведения Тукая, как «Шурале», «Пара лошадей», «Родной земле», написанные одновременно с «Не уйдем!», были посвящены теме Родины. Патриотические и гражданские чувства, питавшие публицистический пафос «Не уйдем!», в них раскрываются в лирико-психологическом плане.

Размышления о Родине, об отношении поэта к жизни и народу с особой силой отразились в тукаевской поэзии уже в начале реакции. Стихотворение «Приятелю, который просит совета, стоит ли жить на свете» (1907) проникнуто ощущением того, насколько сложна действительность и как тяжело жить в ней простому человеку:

Жить тяжело, если ты не молишься мощне,
Поклоны ей не бьешь, не предан ей вполне.
Блаженствуй, если ты — реакции слуга,
«Прямое» говоришь о явной кривизне.

Осенью 1907 года Тукай приехал в Казань — в колыбель национальной культуры и истории, чтобы посвятить свою деятельность новым общественным и творческим задачам. Ярko выражая свои надежды, связанные с этим событием, в стихотворении «Пара лошадей» он писал

Здесь деянья дедов наших, здесь священные места,
Здесь счастливец ожидают милой гурии уста

Здесь науки, здесь искусства, просвещения очаг,
Здесь живет моя подруга, райский свет в ее очах.

Появление Тукая в Казани и его первые стихотворные сборники «Габдулла Тукаевтигырьлэре» («Стихотворения Габдуллы Тукаева», I и II части) были встречены демократической интеллигенцией с большим сочувствием. Поэт входит в литературные круги и сближается с молодежью, группировавшейся вокруг газеты «Аль-Ислах» («Реформа»). В Казани он с большим воодушевлением отдался творческой работе. Его никогда

не покидала мысль о необходимости продолжить традиции свободной национальной печати, служащей «своей любимой идее». Частично это осуществлялось в издании сатирических журналов, сперва «Яшен» («Молния»), затем «Ялт-йолт» («Зарница»). Все свои творческие возможности Тукай посвятил этим журналам. Печатаясь в них, он яростно боролся со всевозможными проявлениями реакции. Его главным девизом стало:

С кем только жизнь в злой распре не бывала?
В борьбе ты ей не уступай нисколько!

(«Жизнь», 1908)

Эти строки, можно сказать, являются своего рода эпиграфом к творческой деятельности поэта в условиях реакции.

2

Творчество Тукая было выражением громадного перелома, происходившего в сознании художественной интеллигенции на пути формирования и дифференциации ее национальных чувств и социального мироощущения. Сущность этого перелома в конечном счете коренилась в отношении интеллигенции к народу. Именно этот вопрос со всей резкостью был поднят М. Горьким в известной его статье «Разрушение личности» (1909), в первых же строках которой было провозглашено: «Народ — не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры».

В 1910 году в своей знаменитой лекции «Народная литература» татарский поэт в один голос с Горьким утверждал: «По правде говоря, народ велик, он могуч, он страстен, он музыкален, он писатель, он поэт. Пока он находится под гнетом каких-то темных сил. Но такое состояние, как временная болезнь, преходяще». В этих словах с исключительной ясностью и убежденностью выражена великая правда, которой чуждалась

значительная часть интеллигенции того времени, не выдержавшая напора реакции после первой русской революции или же по своей классовой природе далекая от народа

Уже ранний период творчества Тукая был отмечен страстной проповедью бескорыстного служения народу, хотя при этом у него преобладала еще риторика любви к нации. Поэт быстро перерос просветительскую романтику, все глубже проникая в реальный и духовный мир народа

Позднее, в условиях жестокой политической реакции, поэт с болью видел, как бесчинствующее в стране зло подтачивает «душу народа, силы народа». Поэтому он первым долгом возмущался: «Если хочешь волновать народную душу, Пусть будет полон напев твой горькой печалью» («Без заглавия», 1909. Подстрочный перевод). В пореволюционном творчестве Тукая возникает целый цикл высокохудожественных поэтических и очерково-публицистических произведений, в которых исчерпывающе ясно и глубоко выражено отношение поэта к народу. Такие его стихотворения, как «Осенние встры» (1911), «Гнет» (1911), «Дача» (1911), «Чего же не хватает сельскому люду?» (1912), «Надежды народа...» (1913) и др., являются классическими образцами гражданской и социальной лирики, в которых с потрясающей силой реализма раскрыта трагедия народных масс в капиталистическом обществе независимо от их национальной принадлежности. Мир обездоленных предстал в его творениях во всей страшной правде.

Татарский поэт был весьма далек от слепой идеализации народа. Любя его, он не хотел прощать ему темноты, невежества, духовной подавленности, покорности судьбе, не мог пройти мимо этих вековых болезней («Гнет», «Религия и народ», «Даже «Звезды» боится», «Рассказ с печки» и др.). В умении различать и оценивать сильные и слабые стороны в народном сознании сказалось революционно-демократическое отношение к народу.

В разгар первой русской революции в статье «Национальные чувства» (1906) Тукай писал: «Наша нация нуждается и в джигитах, которые, как сыны других наций, отстаивали бы интересы беззащитного, обездоленного бедного и рабочего народа, сами бы понимали и смогли бы объяснить, что прошли те времена, когда можно было пять бедняков менять на одну собаку. И наша нация нуждается в Пушкиных, Толстых, Лермонтовых». Татарский поэт глубоко проникся убеждением, что наступила эпоха героев, жертвующих собою ради торжества свободы

и счастья трудового человека. И в дальнейшем он неустанно пел о своей неиссякаемой любви к борцам за народную долю. Его близкая дружба с первым татарским большевиком-ленинцем Хусаном Ямашевым (1882—1912) и прекрасное стихотворение, посвященное его памяти («Светлой памяти Хусайна», 1912), ярко свидетельствуют, сколь искреннее сочувствие поэт питал к своим революционным современникам и благоговел перед их неподкупной человеческой совестью и духовным благородством:

Не шел ты с поклонами в роскошь палаг,
А грел неимущих лучистый твой взгляд

Ты молодость отдал священной борьбе,
И грязные комья не лили к тебе.

Был светел твой путь, было сердце светло
Нечестных насмешкой карал ты за зло.

Трудился, как солнце, а солнце, смеясь,
Умеет высушивать лужи и грязь

«Очень желательно,— говорил Тукай одному из своих современников, вспоминая Х. Ямашева,— чтобы каждый из нас вот так же определил свое направление и действительно служил народу и Родине» (газета «Сибиряк», 1913, 26 мая). Несомненно, образ революционера, созданный Тукаем, является одной из выдающихся вех в исканиях татарской поэзии начала XX века, в ее стремлении воплотить черты идеального героя, связанного с народом. Естественно, такой образ включал в себя элементы идеализации и романтизации. Справедливо мнение современной исследовательницы Ю. Г. Нигматуллиной, что «образ Ямашева, созданный в высоком романтическом стиле, близок к образам Белинского, Чернышевского, Добролюбова и Шевченко в поэзии Некрасова».

В облике идеального героя Тукай хотел видеть духовный, нравственный образец для себя и для своих современников. Им владела радостная надежда, что татарская молодежь вновь выйдет на арену борьбы, оставленную большевиком Ямашевым. В том же 1912 году, уже будучи больным, поэт в стихотворении

Татарская молодежь» горячо приветствовал молодое, верное
освободительному идеалу поколение

Пусть мрачны над нами тучи — грянет гром, дожди пойдут
И мечанья молодежи к нам на землю упадут.

По вершинам, по долинам зашумят потоки вод
Грянут битвы за свободу, сотрясая небосвод

Пусть народ наш твердо верит всей измученной душой.
Заблестят кинжалы скоро, близок день борьбы святой

Все это подтверждает, что неиссякаемая вера в народ и его честных сынов служила той идейной энергией, которая оплодотворяла думы и чувства поэта, согревала его душу и освещала путь его короткой жизни, прошедшей в высоком творческом напряжении и горении. Именно в этой же вере — основной источник его исторического оптимизма и гуманизма. В то же время эту веру невозможно понять, как выражался сам поэт, «без всесильной, отрезвляющей и побеждающей любую черную силу ненависти народа».

Ненависть Тукая к угнетающему человека миру, его протест против социального и нравственного зла были отражением народной ненависти, отражением народной позиции. На этой почве сформировалась и тукаевская сатира в различных ее формах и жанрах. Ставшая полноправной в татарской литературе начала XX века, сатира выражала зрелость национального эстетического мышления и свидетельствовала о выходе национальной литературы на реалистический путь развития. Тукай был первым среди тех татарских писателей, кто отдал свои творческие силы этому развитию.

Отвергая попытки принизить роль гоголевской «натуральной школы» в разоблачении темных, неприглядных сторон русской действительности, В. Г. Белинский в статье «Ответ „Москвитянину“» заявил, что литература, обходящая недостатки своего народа, пороки окружающей его действительности, не помогает обществу двигаться вперед и что, наоборот, народ, понимающий свои недостатки, и литература, показывающая их, вдохновляют общественность на новые деяния и движение вперед. И передовое татарское общество, осмыслившее первую русскую революцию, осознало эту истину как свой

высокий национальный и гражданский долг в борьбе за социальный прогресс. Тукай вышел на литературное поприще как глашатай общенародной борьбы за уничтожение самодержавно-капиталистического деспотизма. «Пока не рухнет капиталистическая система, не установится социалистический строй и капитал не перестанет быть завесой истины,— говорил он,— я не вижу никакого смысла в том, чтобы быть мусульманами. Я хочу сказать, что тот, кто в душе доволен этой действительностью, тот и не правоверный, и не мусульманин, и не человек» («Условия», 1906).

Тукай очень рано понял, что общественный смысл художественного слова — это служение борьбе за красоту и добро на земле против зла и угнетения человека человеком.

От добра я, как воск, размягчаюсь и таю,
И, хваля справедливость, я мед источаю.
Но увижу недоброе дело — бранюсь,
Ух, и злюсь я, как только я подлость встречаю! —

так уже в одном из первых тукаевских стихотворений «Размышления одного татарского поэта» (1907) был сформулирован важнейший идейно-эстетический принцип, прошедший через все его творчество. Он зорко распознавал и выставлял на всенародное осуждение любые силы, стоявшие поперек пути к свободе и счастью народа. Значение сатирической литературы сам поэт оценивал очень высоко. «Сатира настолько сильна, что может даже отрезанную голову снова посадить на шею»,— говорил он («Три головы», 1911) и смотрел на сатиру «с надеждой посрамить зло злом» («Так-сяк», 1906). Вся поэзия и публицистика Тукая насквозь пронизаны сатирой и юмором. В этом отношении его поэзия и публицистика тесно связаны между собою. Самым крупным его поэтическим опытом в разоблачении реакционных столпов старой Казани явилась поэма «Сенной базар, или Новый Кисекбаш» (конец 1908). Она знаменовала собой новую ступень в развитии сатирического жанра в татарской литературе. В рецензии на «Новый Кисекбаш» Ф. Амирхан очень верно заметил: «Это поистине самое совершенное произведение в татарской стихотворной сатире, хорошо отвечающее своей цели...»

Будучи одной из форм переоценки художественного наследия прошлого, пародия часто служит средством превращения

трагического в комическое. Тукай вполне и широко использовал возможности литературной пародии. Если автор древнего «Кисекбаша» хотел показать борьбу за веру в высоких, трагических тонах, то под пером Тукая эта борьба представала как комическое столкновение уходящих из жизни реакционных сил. В древней поэме неизвестного автора «Кисекбаш китабы» («Книга о Кисекбаше», предположительно ее относят к XIV—XV вв.) повествуется о том, как пророк Мухаммед и его сподвижник Али совершили священный поход против дива — нечистого духа, превратившего правоверного мусульманина в отрезанную голову (Кисекбаш), а его близких — в своих рабов. Див содержал пленных мусульман в глубоком колодце, куда Али спускается, расправляется со злым духом и освобождает его рабов. Мухаммед превращает Кисекбаша в нормального человека. Используя сюжетные ходы и ситуации старого «Кисекбаша», Тукай вложил в них факты из жизни современной ему Казани и заменил религиозно-фантастические образы прототипами из современной ему действительности. Герои «Нового Кисекбаша» — обобщенные сатирические характеры. Создавая их, поэт разоблачал всю религиозно-националистическую среду, процветавшую в годы реакции. Размах тукаевской сатиры был очень широк: она бичевала как реакционеров, так и либералов различных мастей. Тукаевская сатира удостоена высокой оценки в прошлом и в настоящем. Один из современников поэта, впоследствии известный советский писатель и литературовед Ф. Сайфи-Казанлы, в исследовании «Пародия, сатира, ирония и юмор в произведениях Г. Тукая» (1931) так отзывался о деятельности Тукая-сатирика: «Нужен был смех горький, понизывающий сердца, смех до слез, смех уничтожающий, смех ураганный, переворачивающий вверх дном прогнившую татарскую жизнь. Известно, что в таком случае юмор в виде безгрешного, беззубого, шаловливо-игривого смеха не окажет большого воздействия! В борьбе против такого явления нужны были сатира, не взирающая ни на что, сарказм убийственный, памфлет язвительный. Нужна была ирония беспощадная. Именно так высмеял Тукай татарский мир старых, феодальных пережитков».

Когда мы говорим о народности Тукая, невозможно судить о ней без такого качества его творчества, как присущее поэту высоко осознанное чувство патриотизма. Для поэта понятие Родины было воплощением истории народа — его прошлого, настоящего и будущего, воплощением народной

судьбы в целом. В тукаевском сознании народ и история родной земли были нерасторжимы. Они составляли органическое художественное наполнение его патриотизма. Любовь к Родине, как и его любовь к народу и свободе, превратилась в глубокую поэтическую потребность, стала животворным источником вдохновения. Она неотрывна от тех сугубо жизненных атрибутов и реалий, в которых выступает историческое бытие народа: его труда, родных полей, лесов, жаркого лета, суровой зимы, языка, песен, сказок и многих других явлений, образующих конкретные черты образа Родины и народа. Можно сказать, впервые именно в тукаевской поэзии такие стихотворения, как «Родной земле», «Пара лошадей», «Не уйдем!», с исключительной художественной силой и полнотой раскрыли интимный и социальный смысл любви к Родине. Поэтому и «Шурале» в тукаевском поэтическом перевоплощении не столько простая сказка, сколько лирическая поэма, воспевающая красоту родного края, полная аромата его лесов и полей, зеленого шума, восхваляющая храбрость джигитов-тружеников. Все эти произведения были написаны в конце 1907 года, в дни, когда в России наступала на демократию столыпинская реакция. Это было время, когда определенная часть интеллигенции отходила от идеалов демократии, поддавалась индивидуалистическим и националистическим настроениям. Тукай не мог мириться с теми, кто в той или иной форме стремился принизить идеал служения народу и Родине. Прекрасный пример тому — стихотворение «Не уйдем!», где отповедь черносотенным шовинистам, грозившим татарам изгнанием из России, поднялась до высокого идейного, политического звучания и где национально-патриотические чувства органически слились с идеалом борьбы за свободную для всех народов Россию.

До конца своих дней поэт оставался твердо убежденным в том, что лишь в единстве с другими народами России татарский народ сможет обрести свое счастье. Он с уверенностью говорил: «Когда начинают веять ветры прогресса, то нации, как бы преодолев разъединявшие их основы, собираются вместе» («По случаю юбилея», 1913). Стихотворение «Великий юбилей» и связанные с ним чаяния народа» (1913), по существу посвященное не царскому юбилею, а многовековой дружбе русского и татарского народов на одной земле, утверждало необратимость их совместного исторического движения к общей заветной цели.

Великому конца не будет единенью:
Мы вместе родились Одной цепи мы звенья

Именно идея исторического единства народов служила краеугольным камнем народности, патриотизма и интернационализма татарского поэта

3

Русское революционно-демократическое движение начала XX века вызвало небывалый подъем и внутреннее усложнение татарской литературы. Укрепление ее демократических основ, осознанное стремление к народности и реализму — все это намного раздвигало ее национальные рамки, решительно ломая ее прежнюю восточную замкнутость и приобщая к русско-европейскому эстетическому процессу. Такая тенденция высоко подняла прогрессивную роль татарской демократической литературы, обогатила ее гуманистическое содержание активным идейным началом и обострила ее критическую направленность. В центре этого процесса, несомненно, стоял Тукай.

Татарской литературе начала XX века приходилось развиваться в очень сложной обстановке с точки зрения ее идейно-эстетического содержания. В ней сталкивались и скрещивались различные традиции и тенденции, которые воспринимались и переосмысливались в свете новых исторических явлений и идейно-духовных потребностей. Говоря, что великим завоеванием татарской литературы XX века был реализм, невозможно умалять значение и роль романтизма в становлении национальной литературы. Это было естественно, ибо в период, отмеченный революционными потрясениями и подъемом национально-освободительного движения и борьбы за свободу угнетенной личности, трудно представить литературу без романтизма.

Как известно, в формировании татарского прогрессивного романтизма немаловажную роль сыграли традиции таких великих представителей русского и западноевропейского романтизма, как Пушкин и Лермонтов, Байрон и Гейне. Тукай испытывал к ним глубочайшее уважение. Он сумел понять связь прогрессивного романтизма с человеком и эпохой, его гуманистическую природу, полную, как он отозвался о байронизме, «великих, возвышенных и прекрасных» чувств. Поэтому татар-

ский поэт уделял немало внимания переводам лучших образцов русской и мировой романтической литературы на родной язык.

Тукай также воспевал гордый образ поэта-гуманиста, противостоящего миру чистогана, обмана и несправедливости. Явна была здесь его перекличка со своими великими учителями — Пушкиным и Лермонтовым. Обращаясь к поэту-современнику, он писал:

Ты живи своею жизнью, избегая суеты,—
Шум бесплодный чужд поэту, от него скрывайся ты!

. Не сгибайся! Ты огромен в этом мире мелкоты.
Падишах ты! Пусть в поклоне мир согнется, а не ты.

(«На память», 1908)

Несомненна близость этого героя к образу поэта-гражданина у Пушкина и Лермонтова. Образ тукаевского лирического героя также был овеян высоким романтическим порывом к свободе, «презрением к брэнному миру»:

Я устремляюсь в высоту, в безмерность, в бесконечность,
К бессмертной, вечной красоте, в сияющую вечность!

Я вечно юным быть хочу, рождая радость всюду
Пусть гаснет солнце в небесах, я новым солнцем буду!

(«Иду своим путем», 1912)

Пробуждение поэтической личности, формирование лирического героя в татарской литературе начала века отмечены значительными трудностями и противоречиями. В них отразился драматический и трагический мир личности, прошедшей через водовороты социальной действительности, исторические кризисы и катаклизмы. На этом фоне особенно выделялась тукаевская лирика. В ней предстала духовная история молодого человека, порывающегося перестроить свой внутренний мир, перевоспитать себя и открыть в самой действительности красоту, величие тех идеалов, которым он готов следовать. В этой лирике запечатлелось стремление уловить требование современности и грядущего и жить, отвечая этим требованиям,

гореть и творить во имя торжества справедливости на родной земле. Это была история борьбы за творческую честность и за чистоту человеческой совести, история борьбы с социальным злом и духовной тьмой. Так утверждался идеал борьбы за раскованность человеческого духа. И важно то, что именно Тукаю было дано первым в татарской лирике так сильно и искренне сказать о пробуждении у себя и своего современника высокого гражданского сознания и чувства долга перед обществом, народом и историей. Его лирический мир находился в постоянном движении, изменении, преодолении крутых подъемов и падений, в напряженных идейных исканиях. Поэтому динамика эмоциональных ситуаций в его лирике чрезвычайно наглядна.

Тукай быстро и высоко поднялся над закостеневшими метафизическими нормами дидактической поэзии и открыл тайны поэтического изображения человеческих дум и чувств на почве исторического отношения к действительности. Такое отношение дало поэту широту мироощущения, разносторонность эстетических и разнообразие общественно-литературных интересов. В одном из писем к известному поэту-романтику С. Рамиеву Тукай дал себе следующую характеристику: «Я ведь не только чистый поэт, как ты. Я ведь и дипломат, и общественный деятель. Мои глаза видят многое, мои уши слышат многое». И современники поэта подчеркивали именно эти свойства его таланта: «Темперамент Тукая, — писал, например, один из них, — был излишне чувствителен и быстро реагировал на изменения в окружающей жизни».

Именно углубление интереса к изменчивости и разнообразию жизненных явлений, событий, человеческих переживаний, умение вобрать их в свой мир и претворить в поэзию лежали в реалистической глубине тукаевского мироощущения, что свидетельствовало об идейной и психологической активности восприятия поэтом действительности.

В 1916 году М. Горький в одном из своих писем заметил: «Большинство современных поэтов живет точно на необитаемых островах, вне жизни, вне ее хаоса. Это, конечно, более легко и удобно, чем жить в хаосе действительности, но это значит — ограбить себя. Не надо быть Робинзоном, не надо! Надо — жить, кричать, смеяться, ругаться, любить!»

Из всех татарских поэтов именно о Тукае меньше всего можно было сказать, что он живет на необитаемом острове; он

жил в самой жизни, в ее хаосе – кричал, смеялся, ругался, любил

Тукай одним из первых в татарской литературе глубоко драматически выразил идею личной ответственности художника перед обществом, перед своим народом. Он высоко поднял знамя борьбы за укрепление общественной и нравственной роли национального искусства в воспитании современника. В его творчестве ярко выражена связь эстетики и этики. Поэт с болью сознавал, что в капиталистическом обществе «вынуждают поэтов воспевать разного рода вредных людей» («Условия»), эстетические и этические нормы запятнаны корыстью и принижены до пошлости. И любовь, и поэзия равно служат здесь предметом купли-продажи («Комментарии к любви», 1912, «Казань и Заказанье», 1912, «Специальная статья», 1912, и др.).

Горячо преданный прогрессу, Тукай благоговел перед величием человеческого ума. Поэтические образы разума, солнца, утренней звезды, надежды, вдохновения, восходящие к восточной и русской классической поэзии, становятся как бы духовными спутниками поэта и его лирического героя.

Через тукаевское творчество проходят тревожные раздумья о судьбе молодого поколения («Молодежь», 1910, и др.). Он отрицал всякую пассивность, проповедь бессилия, позицию мещанского равнодушия к жизни и страдающему человеку. Разумеется, тяжесть реакции не могла не вызвать у него горьких переживаний. Болью глубоких ран полны стихи «Отчаянье», 1910, «Сожаление», 1910, «Разбитая надежда», 1910, «Неведомая душа», 1910, и др. Однако, отвергая сентиментально-бездейственное сострадание, поэт говорил о муках любви к человеку, рождаемой в гневе. Резкое столкновение чувств любви и ненависти очень характерно для его лирического героя. Оно составляет как бы основную коллизию его психологического драматизма, проистекающего из реального столкновения человека с миром угнетения. В этом столкновении побеждает то светлое начало, которое мы называем тукаевским гуманизмом.

Сколь бы трагически ни звучали мотивы скорби и печали в лирике Тукая, они не были возведены в проповедь обреченности перед злом. Тукаевский пессимизм, говоря словами Горького, «это глубокая печаль о людской судьбе», одно из проявлений «того социального пессимизма, источник которого восходит

к гуманизму». Горький дал верное определение сущности трагизма, имевшего место в мировоззрении Тукая: Вы «жалуетесь,— писал он С. Н. Сергееву-Ценскому,— что «проповедники хватают за горло художников» Дорогой С. Н., это ведь всегда было. Мир этот — не для художников,— им всегда было тесно и неловко в нем — тем почтеннее и героичней их роль.

Очень хорошо сказал один казанский татарин — поэт, умирая от голода и чахотки: „Из железной клетки улетает, улетает юная душа моя“» Любопытно, что поэт и сам пытался осмыслить социальные и исторические причины своего пессимизма: «Ветры, играющие сейчас в России, и атмосфера России довели до такого духовного состояния всех наших коллег», — писал он в 1912 году («Специальная статья»)

Мужественно заступаясь за народ и защищая гуманистические устои, Тукай входил в глубокий конфликт с капиталистическим обществом и неутомимо искал ответ на вопрос: как установить справедливость и равенство? Однако его ответ содержал еще очень много противоречивого в понимании социально-классовых отношений и путей к избавлению народа от существующего тяжелого положения. В его творчестве давали знать о себе иллюзорные представления о моральном усовершенствовании людей, противопоставленном господству золота, капитала, которые в какой-то мере перекликались с толстовскими взглядами («Слова Толстого», 1913, «Золото», «Нищий», «Наставление», 1910, и др.) Противоречивость тукаевского мировоззрения сказалась также в отношении к религии. Беспощадно разоблачая ее, поэт в то же время видел в ней некое нравственное начало, извращенное и опошленное впоследствии невежественным духовенством и политикой угнетения человека человеком («Условия», «Трутням», 1906, «Муллы», 1909, «Гнет», «Религия и народ» и др.) Если тукаевские рецепты нравственно-религиозного усовершенствования человека были связаны с патриархальным прошлым, то его критика всего, что угнетает человека, исходила из народно-гуманистического идеала справедливого общества.

4

Народность не могла стать органическим качеством татарской литературы без формирования литературного языка на национально-народной основе. Для Тукая и его современников

вопрос этот стоял куда острее, чем для предшествующих поколений. Пришло время решать, как и в какой форме татарской литературе необходимо освободиться от устаревших восточных языковых и изобразительных средств. С презрением отвергая отуречивание, к которому призывали пантюркисты, и вполне трезво относясь к попыткам пуристов вернуться к «исконно» тюркскому языку, Тукай, в противовес всем подобным тенденциям, утверждал: «Казань я считаю нашей столицей, а татар Заказанья — коренным татарским народом, который не утратил до наших дней свою национальную особенность и не утратит ее в будущем. Я хочу, чтобы наша национальная литература была в их духе и на их языке» (письмо С. Сунчелею от 9 ноября 1910 года). И поэт вдохновенно воспевал величие и красоту родного языка:

О, как хорош родной язык, отца и матери язык,
Я в жизни множество вещей через тебя навек постиг!
Родной язык, ты мне помог понять и радость с малых лет,
И боль души, когда в глазах темнеет, меркнет ясный свет
(«Родной язык», 1909)

Преодолевая отживающие языковые, стилевые и поэтические традиции, Тукай превращал богатство и красоту родного языка в решающий фактор национальной поэзии, глубоко отразившей сложный внутренний мир лирического героя и окружающую его действительность.

В формировании национально-народных основ тукаевской поэзии большое значение имели традиции народного поэтического творчества. Поэт через мир народного искусства учился постигать исторический и социальный опыт народа, его психику и эстетическое мироощущение. «Надо помнить, — говорил он, — что народные песни — никогда не тускнеющее, чистое и прозрачное зеркало народной души» («Народная литература», 1910). Из подобных суждений вытекало, что эстетика народной поэзии служит правдивому отражению духовных богатств народа и что именно в ней коренится источник реалистического искусства. Исходя прежде всего из своего собственного опыта, поэт утверждал, что татарская поэзия будет понята народом, усвоена им лишь в том случае, если она создана «в народном духе, народна по форме и ритму».

Несомненно, Тукай создал классический стиль новой национальной поэзии на народной основе. Это имело непреходящее

значение для дальнейшего развития не только поэзии, но и всей татарской литературы

Не только в лексике, но и в экспрессивных средствах Тукай раздвигал, «разрушал» грани и преграды, лежавшие между поэтическим языком и разговорной речью. Это следует понимать прежде всего в смысле внедрения в татарскую поэзию «смелых выражений», снятия традиционных тематических ограничений, воздвигнутых между поэзией и публицистикой, в смысле смешения, слияния стихотворного и прозаического лексических пластов, тесного сближения издавна бытовавших изобразительно-стилевых средств живой простой речи. Скажем, иронические и сатирические элементы, вплетавшиеся Тукаем в канву совершенно иного поэтического контекста — допустим, лирического, пейзажного, элегического, — можно сравнить с теми приемами, которые использовал Пушкин для контрастных эффектов и резкого «приземления» поэтических ассоциаций в борьбе против традиционно-романтической пышности и возвышенности. Точно так же и у Тукая подобные контрасты противостояли традиционно-восточному «высокому» поэтическому стилю. В тукаевском творчестве получили эстетический смысл и значение и те жизненные, бытовые «мелочи», которые обычно оставались в стороне от поэтического изображения.

Поэтический стиль Тукая складывался вместе с формированием татарского литературного языка на народно-национальной основе. Чем больше опирался поэт на народный язык и народное творчество, тем ярче и стройнее становился его поэтический стиль в разных художественно-экспрессивных границах. «Как бы ни был специфичен и своеобразен строй стиха, этот строй принадлежит языку и неповторим за пределами национальных форм речи», — справедливо писал Б. В. Томашевский в книге «Стих и язык» (1959). Татарская поэзия начала века всецело развивалась на собственной национальной почве, новаторски продолжая тюркские и русские поэтические традиции. В этом процессе Тукай сыграл исключительную роль. В его зрелой поэзии воедино слились народно-фольклорное, восточно-классическое и русское поэтические начала, образовав новый национальный стиховой сплав.

Тукаевская лирика вышла на широкий путь, проложенный русско-европейской классической поэзией: она проникла в духовный мир личности, то есть поднялась до психологического анализа в смысле изображения жизненного разнообразия, сложности и противоречивости человеческих переживаний и

раздумий. Татарский поэт следовал главному принципу реализма — принципу раскрытия связей личности с социальной средой, принципу достижения единства чувств и мыслей в поэтическом контексте.

Исследователи утверждают, что психологическая антитеза в тукаевской лирике восходит к древнетюркским поэтическим традициям, в которых отражается столкновение, противоборство противоречивых чувств в человеческой душе. Лирический психологизм восточной классики явился для многих поколений поэтов величайшим образцом воплощения переливов и отливов духовного мира человека, который первоначально в суфийской поэзии выражал мистический экстаз, но по мере усиления земных жизненных идей и настроений в поэзии становился тем поэтическим элементом, в котором находила свое выражение кульминация переживаний и размышлений лирического героя. В данном случае мы имеем в виду момент «хал». В татарской поэзии начала века этот классический поэтический прием возродили Тукай, С. Рамиев и их некоторые современники. В их лирике исключительно резко сказались противоречивые переживания личности, рвущейся через тьму безвременья к светлому идеалу, к звезде надежды и счастья. Таким образом, с момента «хал» был сброшен бывший суфийский покров, и он стал служить выражению сугубо земных, светских идей и настроений поэтической личности. В изображении текучести живых человеческих чувств и эмоциональных состояний в татарской лирике начала XX века появились новые, более совершенные эстетические приемы и психологические средства. С этой стороны весьма интересен, например, лирический стих с эмоциональной завязкой. Как замечает современный исследователь Х. Усманов, этот вид «стиха является, по-видимому, признаком новой ступени в историческом развитии нашей поэзии». Первым поэтом, давшим образцы такого стиха, также был Тукай. Известно, что поэтическое новаторство становится жизнеспособным и стойким, вызывает эстетический переворот в художественном сознании тогда, когда оно возрождает к новой жизни самые лучшие традиции прошлого. Творчество Тукая — один из классических примеров, подтверждающих эту истину. В его поэзии осуществились и заблистали заветы Хафиза, Хайяма, Навои и других корифеев поэзии Востока.

С другой стороны, Тукай, более чем кто-либо из его современников — татарских поэтов, считал себя учеником русских поэтов-классиков. «Образцами мне Пушкин и Лермонтов слу-

жаи», — заявил он уже в начале своего творческого пути («Размышления одного татарского поэта», 1907) и с высоким вдохновением воспел светлый образ Пушкина:

Моя душа не знает тьмы: ты жизнь в нее вселяешь,
Как солнце -- мир, так душу ты стихами озаряешь!

(«Пушкину», 1906)

Первые же шаги Тукая на литературном поприще четко отмечены ориентацией на русскую классическую литературу. По мере своего творческого роста он неизменно продолжал осваивать ее традиции, утверждавшиеся на принципах народности и реализма. Его великими учителями были Пушкин, Лермонтов и Лев Толстой. Они оставили свой глубокий след в идейно-эстетическом развитии Тукая. Как известно, некрасовская поэтическая школа сложилась на традициях Пушкина, Лермонтова и Кольцова. На этих же традициях формировалась и тукаевская поэтическая школа, перекликающаяся с некрасовской. Поэтому вполне естественно, что в круг творческих интересов татарского поэта попали и современники Некрасова: Плещеев, Майков, Никитин, Полонский и др. Возникновение поэтической школы, сходной с некрасовской, было исторической и эстетической необходимостью не только в татарской, но и во многих национальных литературах России, особенно в конце XIX — начале XX века, в эпоху, когда революционно-демократическое движение как никогда ранее втянуло угнетенные низы в борьбу за свободу.

Тема «Тукай и русская литература» является одной из составных частей проблемы западно-восточного синтеза. Интересно, что русские и западноевропейские поэтические традиции вошли в творчество Тукая не врозь, а в определенном единстве через русский язык и еще прочнее сплелись в его идейно-эстетическом восприятии, сплетаясь с восточно-национальным компонентом. Укажем хотя бы на тот факт, что в тукаевской поэзии происходит взаимопроникновение жанров газели, касыды, элегии и думы. На почве традиционных форм возникла новая жанровая разновидность. («Пара лошадей», 1907, «Родной земле», 1907, «Надежда», 1908, «Любовь», 1908, «Осенние ветры» и др.) Беря пример с русской поэзии, Тукай ввел в татарский стих так называемые переносы и периоды и тем самым раздвинул его традиционные нормы, можно сказать, освободил

поэтический синтаксис, ограниченный одним стихом, одним бейтом. Это давало возможность разворачивать стих и даже строфу в соответствии со структурой живой речи, логикой поэтической мысли. Расширились смысловое наполнение и ритмическое биение, дыхание стиха. Это открытие Тукая было подхвачено и развито другими татарскими поэтами.

В основе тукаевской поэзии лежит не разговорная, а напевная интонация. Поэтому к ней нетрудно найти соответствующий музыкальный ключ. Конечно, напевность тукаевского стиха — признак не абсолютный. Его можно читать и без напева. Но в ритмике, цезуре и интонации его нормы каждый раз остаются неизменными. Традиционным силлабическим нормам татарского стиха Тукай придал особенное ритмико-музыкальное совершенство. Однако из этого не следует делать вывод, что он отвергал попытки некоторых поэтов — своих современников (например, С. Рамиева) обогатить разговорной интонацией татарское стихосложение. Тукай утверждал, что «беда невелика, что размеры, ритмика, гармония различны. Важен только смысл и умение в совершенной форме пояснить этот смысл... Кроме того, разве написанное без каких-либо размеров произведение Тургенева «Отцы и дети» — проза? В нем нет стихотворных рамок. А между прочим — поэзия!» (Письмо С. Сунчелею от 1 января 1911 года). Как бы ни был Тукай привержен к напевному стиху, он не отрицал и свободных поэтических форм, если они вызывались к жизни реальным идейным содержанием.

5

Тяжело переживал Тукай трагедию безвременья.

Духота какая! Нечем мне дышать.
Что мне дальше делать, надобно решать.

Если хватит силы — мрак тюрьмы покинь,
А не хватит силы — сдайся, сдохни, сгинь! —

(«Сожаление», 1910)

писал он, напрягая все свои духовные силы в борьбе с натиском реакции. Поэт считал своим гражданским долгом поддержи-

вать живые связи с теми немногочисленными представителями национальной интеллигенции, которые остались верны демократии.

В годы реакции было подорвано здоровье Тукая. Он находился в бедственном материальном положении. Коммерческое отношение книгоиздателей к его произведениям и незаинтересованность самого поэта в личном благополучии, несомненно, сыграли при этом немалую роль. Он вынужден был влачить нищенское существование в холодных номерах гостиниц.

Царские власти не выпускали поэта из-под своего бдительного надзора. Они понимали, что Тукай — один из тех, чья поэзия проникнута пафосом вчерашней социальной бури, грозящей разразиться вновь. Прокурору Казанской судебной палаты Временный комитет по делам печати в 1911 году доложил, что в произведениях татарского поэта «комитет усматривает возбуждение к ниспровержению существующего в государстве общественного строя».

На происки реакции Тукай ответил стихами, исполненными гнева:

Вкруг меня со злобой змеи извиваются, шипят,
Мне желают только горя, днем и ночью копят яд.

Мало им, что мрак повсюду, счастья нет, покоя нет —
Заслонить хотят от взора даже самый жалкий свет.

(«Враги», 1912)

Реакция не в силах была подавить той веры в исторический прогресс и народ, которой была одухотворена передовая национальная литература. Период нового революционного подъема еще раз воочию подтвердил закономерность ее исторического оптимизма. В этот период и в сознании Тукая по-новому встает вопрос об активности народных масс и интеллигенции, переосмыслиется опыт прошедшей революции («Сознание» и др.). В стихотворениях «Светлой памяти Хусаина» и «Татарская молодежь» (1912) прозвучала уверенность поэта в торжестве справедливости. Вдумчиво прислушивается поэт к тому, что происходит в народной жизни, в стране и за рубежом. Большинство его стихотворений и путевых очерков, опубликованных в 1912 году, написано под впечатлениями посещения деревни Заказанье — родных мест поэта. В них запечатлена реальная действительность, оцененная с позиции заступника народа.

Отвергая пресловутую «деревенскую идиллию», Тукай трезво смотрел на сельскую реальность, стремясь охватить социальные контрасты ее будней («Чего же не хватает сельскому люду?» 1912, «Гнет», «Возвращение в Казань» и др.). Его взору рисовались картины бесправья, обнищания, темноты и духовного фанатизма в деревне.

В пору нового революционного подъема происходят значительные изменения и в жизни поэта. Несмотря на резкое ухудшение здоровья, в 1911—1912 годах он совершает путешествия, имевшие для него большое значение. В начале мая 1911 года пароходом приехал в Астрахань, по пути знакомясь с жизнью Поволжья («Дача», очерк «Маленькое путешествие»). Здесь он был гостем своего друга — поэта С. Рамиева, встретился с азербайджанским общественным деятелем и писателем Нариманом Наримановым, сосланным сюда за революционную деятельность в родном краю, и принял участие в маевке, где с речью о празднике 1 Мая выступил Нариманов.

Весной 1912 года Тукай решается на более значительные путешествия по маршруту Уфа — Петербург. В Уфе он встречается с Мажитом Гафури. Эта встреча оставила глубокий след в жизни обоих народных писателей, укрепила их симпатии друг к другу. Они еще раз убедились в своей идейной и творческой близости. О впечатлениях этой встречи М. Гафури писал: «Простые душевные слова Тукая, его недовольство этой жизнью и своей средой произвели на меня весьма сильное впечатление. На глазах у нас обоих тогда сверкали невольно появившиеся слезы» («Тукай в Уфе», 1914).

Петербург встречает Тукая холодно. Здесь он не находит людей, подобных Гафури. Становилось очевидным, что петербургские «национальные интеллигенты» пригласили его лишь как «модную знаменитость» и вовсе не интересуются изданием новых татарских газет и журналов.

Разумеется, передовая национальная интеллигенция Петербурга не осталась равнодушной к приезду любимого поэта. Узнав о нем с опозданием, она стремилась окружить поэта своим вниманием. Среди демократической молодежи был, видимо, и Мулланур Вахитов, тогда студент, впоследствии видный революционер. Надо полагать, что стихотворение «Татарская молодежь» написано Тукаем под впечатлением встречи с такими представителями национальной демократической молодежи. Именно в этих кругах он увидел, как молодым людям дороги

память и образ Ямашева, убедился в том, что они верны его заветам.

Прожив в Петербурге 13 дней, 6 (19) мая Тукай покинул столицу и отправился в Троицк, в середине июня он очутился в казахской степи, где надеялся поправить кумысом свое здоровье. Из этой поездки поэт вернулся в Казань в начале августа. Даже будучи гяжелом больным, он продолжал работать в типографии, дыша воздухом, насыщенным свинцовыми испарениями, и писать несмотря ни на что.

Последние годы жизни и деятельности свидетельствуют, что писатель, все ближе становясь к народной действительности, резко ощущал разлад с враждебным народу обществом и беспощадно осуждал все то, что могло оскорбить его гражданскую совесть («Первое мое дело после пробуждения», «Великий юбилей и связанные с ним чаяния народа», 1913, и др.). Несомненно, поэт вынужден был вести постоянную непримиримую борьбу не только с жестокой жизнью, но и с собственными заблуждениями и иллюзиями, которые рождались в мучительных поисках правды и справедливости. В одном из последних стихотворений он ясно выразил свое творческое кредо в следующих словах:

На моем пути врагов было больше, чем собак,
Ибо с гнетом я вовек примириться бы не смог.

(«Сил своих на черный день. »)

2 (15) апреля 1913 года в 20 часов 15 минут Габдуллы Тукая не стало. Он погиб в расцвете молодости и таланта.

«Татары в лице Тукаева потеряли величайшего национального поэта», — писала казанская русская пресса.

* * *

Габдулла Тукай — из тех художников слова, которые открывали новые горизонты и новые перспективы перед национальной литературой. В многогранном творческом наследии Тукая непреходящие художественно-эстетические ценности содержатся прежде всего и больше всего в его поэзии. Его творчество показало, как велики возможности национальной литературы, связавшей себя с борьбой народных масс за свободу и традициями передовой русской литературы. Поэтому, как

писал И. С. Брагинский, «поэзия Габдуллы Тукая, по мастерству своему поднявшаяся до общеевропейского уровня, насыщенная революционным содержанием, стала могучим фактором воздействия на литературы восточных народов России». Тукай был признан великим народным поэтом не только за передовые идейные мотивы, но и за то, что смог свершить исторический перелом, шаг вперед в художественном развитии не только татарской, но и всей тюркоязычной литературы. Вот что говорит по этому поводу известный казахский советский писатель Сабит Муканов: «Габдуллу Тукая, великого поборника свободы и счастья трудовых людей, далеко не одни татары считают своим родным поэтом: ведь он сыграл огромную роль в развитии культуры и литературы всех тюркоязычных народов нашей страны в первом десятилетии XX века... Благодаря условиям, в которых было суждено жить и творить большим писателям и поэтам национальных окраин царской России, все они оставались в узких границах своей нации. На долю великого Тукая выпало в данном случае счастливое исключение».

Тукай вошел в нашу эпоху через социалистическую революцию и остается нашим современником, переживающим вместе с народом великие испытания времени. Он вместе с нашим обществом идет вперед, борясь за счастье, свободу и прогресс человечества.

Гали Халит

• -

О свободе

Куда цензуры делся гнет,
Гоненья, рабство и разброд?
Как далеко за этот год
Все унеслись невзгоды!

Татарин, русский ли — взгляни:
Теперь права у всех одни;
Зипун и фартук в наши дни
Узнали вкус свободы.

Закрит цензурный комитет,
Чернилам красным сбыта нет,
И обанкротились вослед
Чернильные заводы

Немало в стычках боевых
Джигитов гибло молодых,
Запомнит мир, что кровью их
Политы воли всходы

Студенты — львы родной земли
За вас на виселицы шли,
Навечно славу обрели,
Сражаясь в эти годы.

Шли гордо, жертвуя собой,
Не плачем — песней боевой
В час оглашались роковой
Их казематов своды.

Уже не надо нам молчать —
Ведь с наших уст снята печать,
И соловьев своих опять
Услышали народы.

Свободны перья и умы.
Всем павшим благодарны мы,
Восставшим против зла и тьмы
Борцам стальной породы.

Мир благородным душам их!
Ценой великих мук земных
Они для нас — для всех живых
Зажгли зарю свободы.

1905

В саду знаний

В цветнике науки, братья, не пора ли нам гулять,
Чтоб людей и даже духов нашим счастьем удивлять?!

Чтоб народа светлый разум до восьмого неба мог
Вознестись и нас навеки осчастливил грозный бог?!

Будем каяться, татары! Долгий сон прервется пусть.
Мы должны вступить, о братья, на прогресса мудрый
путь.

В список диких и отсталых пусть никто нас не внесет,
Мы в порыве благородном будем двигаться вперед.

Есть у нас права, о братья, так скорей докажем их!
Только доводами можно в этом убедить других.

Пусть поверят все народы в то, что есть булгар земля.
Пусть от зависти бледнеют, наши доблести хваля!

Мы, усиля умножая, будем книги выпускать,
Побеждая светлой силой темноты слепую рать.

Пусть растут труды науки с каждым днем —
во много раз,
Пусть на ниве просвещения увенчает слава нас!

Чтение газет полезно — это знают все давно
Так давайте жить как люди — и достойно и умно!

Только знания правят миром, им не правят дети тьмы.
Прочь, невежество и спячка! Пробуждаемся и мы

Вас, друзья, благословляю, дети века своего,
Века знания питомцы и хозяева его

Наши юные герои за перо взялись уже,
И следов бывшего горя не найти в моей душе

1905

Слово друзьям

Послушайте, друзья, вы речь мою,
И на мотив «Йусуф-Ягкуб» я вам спою.
Прорехи нации родной я все зашью.
Чернила — нить моя, перо — игла теперь.

Возьмемся за руки, друзья, вперед пойдем —
И как живет другой народ, тогда пойдем,
Чтоб мир культуры был и нам — родимый дом,
Трудна дорога, но вперед шагнем теперь

Не будем походить на скот, чей разум спит.
Взобраться на тропу свою нам долг велит
Томиться жаждой у воды — позор и стыд.
Простор свободных вод шумит, как гром, теперь

Паук-чиновник нашу кровь пил много лет.
Те годы не вернутся вновь, простыл их след!
Дней лучезарных ясен свет, прекрасен свет.
Свободы солнце греет нас лучом теперь.

У всех народов на уме теперь одно:
Шлют депутатов в Петербург — так решено.
И вот дошел до нас черед, и нам дано
Избрать посланца, — мы его пошлем теперь.

Мы зорких изберем людей — наш долг таков,
Не много царский манифест нам дать готов
Хоть цену знаем мы ему, без лишних слов,—
Всё то, что мы сумеем взять, возьмем теперь

Мы наших мулл не затрудним в таких делах
Немало дел им поручил своих аллах.

Мы не оставим дел мирских у них в руках,
Джигитов просвещенных мы найдем теперь.

Свобода гордо распахнет нам дверь свою,
И будем мы тогда в счастливом жить краю,
Увидим мы народа дружную семью,
И знайте — в этот рай земной войдем теперь

1905

О единстве

Его величеством царем
От мук все спасены кругом:
Встревожен смутой, мятежом,
Царь волю дал навеки

Пусть нам свобода впрок пойдет!
Зазнайство — прочь! Пускай народ
Разумно пользу извлечет
Из равенства навеки.

О мой народ, глаза раскрой:
Мир изменяет облик свой!
Довольно спать! Над головой
Заря взошла навеки

Упрямых жалко мне слепцов:
Прозрейте вы в конце концов!
Услышьте будущего зов,
Ждет счастье нас навеки.

Изгнать вражду пора пришла.
У нас хоть разные тела,
Но души мы, не помня зла,
Объединим навеки.

Свет будет — хоть еще темно!
Мы даже яблоко одно
Должны делить на всех равно,
Дружнсей сплотясь, навеки.

Сойдемся вместе на совет,
Идти вразброд нам смысла нет,
Невежеству — в нем корень бед —
Закроем путь навеки

Доколь татарам в спячке быть,
Друг друга стрелами разить
Взамен того, чтоб укрепить
Союз один навеки?!

Пора избрать единства путь,
Ладони дружески сомкнуть,
Их рукавом одним стянуть
И в братстве жить — навеки!

1905

О нынешнем положении

Зависть, мелочность в татарстве — через край,
Хоть в Макарьеве возами продавай!

Людям пишущим у нас почета нет,
Ради веры труд вершить — охоты нет

Нет у пишущих почтения к перу —
Им одно высокомерье по нутру.

Вы смотрите на слова — торю я путь,—
Сам я плох, чего глядеть, но в том ли суть?

Пусть невежды нас не топчут — ведь, остро,
Всех перечаших ему пронзит перо

А перо над миром властвует земным,
В суре «Нун» всевышний сáм клянется им.

Крепче пишущих — у веры нет основ,
В них спасение от ада двух миров...

Не на них ли опирается ислам?
Не они ль примером в жизни служат нам?

Без писателей написан ли Коран?
Без писателей составлен ли Форкан?

В них, ислам, твои и мощь и сила есть,
В них достоинство народное и честь

Ведь писатель сильным — вождь, а слабым — друг,
Путь укажет он, не счесть его заслуг.

Так давайте знать писателей своих,
Пожелаем же, чтоб больше было их!

Будь, великое перо, вознесено —
Вместо клятвы ты всевышнему дано!

Именитое и славное перо
Боль уймет, печали смочет, в нем — добро!

1905

Шакирд, или Одна встреча

Бродил я по улицам в посвисте вьюг,
И в белой поземке заметил я вдруг:

Какой-то школяр на учебу идет,
Слегка отдохнет на снегу — и вперед;

Шагнет, остановится, снова шагнет,
Мороз его жжет, и метель его гнет.

Он в валенках старых, продрался бешмет;
А все-таки в школу бредет, не одет

Дрожит он в лохмотьях пальто своего,
А ветер насквозь продувает его

Мне стало несчастного мальчика жаль,
Вскипели в душе моей гнев и печаль

Желая хоть чем-то его ободрить,
Таковыми стихами я стал говорить:

«О маленький праведник, ангел земной,
Для нации ставший надеждой одной.

Ты, рваный, своей нищеты не стыдись,
И стоптанных валенок ты не стыдись.

О ласке забудь и о детстве забудь,—
В упорном ученье твой истинный путь.

А бедность пусть гордостью станет твоей,
Не стоит ни плакать, ни думать о ней,

Шли умные люди еще и до нас
Дорогой, которой идешь ты сейчас

Ты знай: этот мир — это мир нищеты,
Неправды, насилия и темноты.

Но счастье в грядущем его озарит,
И путь тебе к этому счастью открыт

Здесь, в этом же мире, средь рабства росли
Писатели — гордость и слава земли.

И может быть, станешь и ты знаменит
И слово твое на весь мир прогремит

О юные,— радость родителей вы,
Надежды и чести хранители вы.

Единства народа спасители вы,
Религии чистой носители вы

Вы ключ, отпирающий знания сундук,
Вы лестница в ясное небо наук!

Откроются вам просвещения сады,
Пусть сердце не стонет, что мало еды...

Беднее богатых себя не считай,
Средь жрущих голодной слюны не глотай

Пусть черная зависть не жжет твою грудь;
Борись, стрекозой-попрыгуньей не будь

Наука и сытость не могут дружить,
А жадный лишь чреву способен служить

О том, что ты голоден, знай про себя,—
Скупой всё равно не накормит тебя;

Ты просьбой пред ним свою честь не унизь,
Надейся на бога, учись и трудись.

Запомни, что жадность — презренный порок,—
Стремящихся к знанию питает сам бог!

Будь горд, унижаться не смей пред скупым,
Во всем согласись с поученьем моим»

Ушел я Но мне и сейчас его жаль,
Жаль сто раз и тысячу раз его жаль!

И шел я в метель по пути своему,
Лишь доброе слово оставив ему.

»

1906

О перо!

О перо! Пусть горе сгинет, светом радости свети!
Помоги, пойдем с тобою мы по верному пути!

Нас, в невежестве погрязших, нас, лентяев с давних
пор,
Поведи к разумной цели,— тяжек долгий наш позор!

Ты возвысило Европу до небесной высоты,
Отчего же нас, злосчастных, опустило низко ты?

Неужели быть такими мы навек обречены
И в постылом униженье жизнь свою влачить должны?

Призови народ к ученью, пусть лучи твои горят!
Объясни глупцам, как вреден беспросветья черный яд!

Сделай так, чтобы считали черным черное у нас!
Чтобы белое признали только белым — без прикрас!

Презирай обиды глупых, презирай проклятья их!
Думай о народном благе, думай о друзьях своих!

Слава наших дней грядущих, о перо,— подарок твой.
И, удвоив силу зренья, мы вперед пойдем с тобой.

Пусть не длятся наши годы в царстве косности
и тьмы!

Пусть из мрака преисподней в царство света
выйдем мы!

Всех краев магометане охают из года в год
«О, за что судьбою черной был наказан наш народ?!»

О перо, опорой нашей и величьем нашим будь!
Пусть исчезнет безвозвратно нищеты и горя путь!

1906

Приход весны

Тает снег. Людям полдень весенний люб:
Можно сбросить тулуп — если есть тулуп;
Можно смело гулять, не имея шуб.
Ведь весна вступила в права теперь.

Отдых валенкам Старым саням — покой,
Трр.. телеги трясутся на мостовой
За каретою — велосипед, другой..
Ездоков не один и не два теперь

На деревья озябшие посмотри!
Вон у почек зеленых листки внутри.
Быть садам и лесам в янтаре зари
Соловьев станет ждать их листва теперь

Из-под талых семи ледяных слоев
Скоро выйдет лягушка. Меж тростников
Будет слышаться в глине, в трясине зов,—
Разнесется повсюду «ква-ква» теперь.

И пойдет лягушиной семьи возня,
Никому не понятная болтовня,—
Изучала, знать, логику вся родня...
Хитроумными стали слова теперь.

День весны! Лишь подумаю я о нем —
Обжигает мне душу печаль огнем,
Вспоминается прошлое — день за днем..
Ах, кружится моя голова теперь.

Льды горами по рекам плывут, плывут,
Птицы в небе высоком поют, поют.
Дай, творец, нам побольше таких минут,
Пусть земля наша будет жива теперь!

1906

В разлуке

Вновь поэзии печальной целиком отдался я,
Потому что с ненаглядной навсегда расстался я.

Я отныне в помощь сердцу взял слагание стихов,
От своей любви к прекрасной за газели взялся я

А она ушла к другому, мое сердце растоптав,
И, когда мой стих писался, кровью обливался я.

Ты возлюбленной злодея стала, бросив нас в слезах,
Красоты твоей лучами жил и восторгался я.

Страсть к тебе меня, поэта, вдохновляла каждый миг.
Что бы мною ни писалось, милой вдохновлялся я

Став возлюбленной другого, на смех выставила нас,
Я горю огнем разлуки, вовсе исстрадался я.

Рухнули земля и небо, как тебя я потерял,
Погубив и тот и этот мир, один остался я.

Но, тобою одержимый, за обиду я не мщу,
Наслаждаюсь я страданьем — счастья не дождался я.

Твое имя написал бы — так узнал бы целый мир,
Потому его всё время утаить старался я.

Не только для газеты «Фикер» («Мысль»)

Ваши мысли соберите, нанизав одну к другой.
Будем думать, громко плача над скупой своей судьбой.

В «Мысль» несите ваши мысли, их в печать
отправим мы.

Мысли нашего народа на простор направим мы...

Всенародную трибуну предоставит вам печать.

Нашу «Мысль» «Букетом мыслей»

мы осмелились назвать.

За перо! Да будут мысли освещать пути умам.

Ваши мысли — наши мысли, наши — дороги и вам.

Пусть печатною строкою ваши мысли потекут,

Пусть все раны исцелятся, пусть сольются мысль и
труд.

Если мысль у нас родится — быть делам наверняка.

Мы на том стоим. Известно́ это вам наверняка.

Наша мысль была убогой, наша мысль в плену жила.

И скупая безнадежность с нами в старину жила.

Но пришло иное время: те силки сломать пора!

Пробудившись, на свободе крылья

расправлять пора.

Если мысль не притупится, всё пойдёт у нас на лад.
Прочь от нас, лихая ссора! Прочь раздор от наших врат!

К единению народа наши мысли держат путь.
Не позволим ветру ссоры между нами злобно дуть

1906

Голос с кладбища мюридов

Ишаны губят наш народ, а я не знал об этом.
Они не любят наш народ, а я не знал об этом.

Ишаны — нации враги, и уважать должны мы
Того, кто их не признает, а я не знал об этом.

Кто смело выступил, борясь
за их уничтожение,—
Тот за народ борьбу ведет, а я не знал об этом.

Кто их пером карает — лев, а кто в их святость
верит —
Трусливый, жалкий заяц тот, а я не знал об этом.

Тот, кто им руку подает, склоняясь раболепно,—
Шайтан, позорящий народ, а я не знал об этом.

Тот глуп, кто почитает их поборниками правды;
Коран нас к истине зовет, а я не знал об этом.

Всё их учение — обман, язычество сплошное,
Слепое заблужденья плод, а я не знал об этом.

Они народ на части рвут, питаюсь мертвечиной,
Ишан — шакал, он падаль жрет, а я не знал об этом

Их ревностных учеников грызущаяся свора —
Все шарлатаны, гнусный сброд, а я не знал об этом

Суфием я себя считал, мечтал о светлом рае,
А был собакой у ворот — и сам не знал об этом!

1906

О, эта любовь!

Хоть я бедняк, но пожелай — тебе я душу подарю.
Приди, и я, как мотылек, в твоём огне сгорю, сгорю.

О, вразуми меня, аллах! Мне плен грозит, грозит
тюрьма,
Ведь эта девушка меня свела с ума, свела с ума.

Как высшей милости прошу: моя красавица, приди!
С улыбкой ласковой в глаза мне погляди, о погляди!

От чар твоих спасенья нет, мне суждено от них
пропасть.
И по рукам и по ногам меня навек связала страсть.

Сбрось покрывало прочь с лица, мир освети красой
своей!
Начну и я сиять в огне твоих лучей, твоих лучей.

Иссох я весь, бескровным стал, недуг живет в моей
груди.
О, милосердна будь ко мне, мое здоровье возврати!

Безумцу радость подари, позволь прилечь у этих ног,
Молю тебя, позволь мне быть добычей, пойманной в
силок!

Как тихо-тихо боль мою качает страсти колыбель,
Навеки я принадлежу любви, неведомой досель.

Я до могилы пьян тобой, покоя нету для меня,
Мой бедный свет рожден твоим, как свет луны —
светилом дня.

1906

Пушкину

Себе ты равных не имел, поэт вольнолюбивый!
Всегда душе моей близки твоей души порывы.

Деревья, камни — всё живет, твоим согрето светом,
А если так, то, значит, был ты истинным поэтом

Я с ярким солнцем бы сравнил твои стихотворенья
Бог столько сил в тебя вложил, исполнил вдохновенья!

Моя душа не знает тьмы: ты жизнь в нее вселяешь,
Как солнце — мир, так душу ты стихами озаряешь!

Я наизусть твердить готов твои произведения,
Вкушать плоды твоих садов, влюбляться в их цветенье.

От деревца до деревца я теми брел садами
И восхищался без конца твоими соловьями

От слов твоих исходит свет, и ты в веках прославлен,
И, значит, памятник, поэт, тебе не зря поставлен!

Идти повсюду за тобой — мой долг, мое стремленье,
А то, что веры ты другой, имеет ли значенье?

Моя душа близка твоей, но так различны силы!
О, если бы такой талант судьба мне подарила!

Разве я не скорбящий?

Яль в ответе? Моей скорби нет предела, что
поделать?

Весь беда я — и душа в беде, и тело, что поделать?

Что поделать, моя сущность вся основана на скорби,
От рожденья отдан скорби я всецело, что поделать?

Если в Кербеле собою люди жертвовали богу,
То себя любви принес я в жертву смело, что поделать?

Что поделать, войском скорби окружен я от рожденья,
В пасть дракона я смотрю оцепенело, что поделать?

И в скорбях своих, и в горе превзошел я мир
скорбящий,
Быть истоком всех печалей жизнь велела, что поделать?

Да видала ли другого ты, подобного мне в горе?
Полководцем скорби признан я недаром, что поделать?

Госпожа моя, уверуй, что я твой слуга — скорбящий,
Всё твое, ты мною властно завладела, что поделать?

В жизни не было и в мыслях никого, одна была ты,
Лишь к тебе в мечтах стремился я несмело, что
поделать?

Мне, влюбленному, средь многих не возвыситься
вовсеки,
Я — лишь прах, и нет другого мне удела, что
поделать?

1906

Газетным наборщикам

Мысли нации усердно собирающие — вы,
От тяжелой хвори средство составляющие — вы.

Вы строке даете силу, вдохновение — творцу,
Дело пишущих всемерно поощряющие — вы.

Это вы всю жизнь народу посвятили своему.
От невежества и мрака избавляющие — вы!

Как ребенок, что прекрасен — и не ведает о том,
Роль свою, свое значенье умаляющие — вы.

Хоть наборщикам беспутство, непотребство ни к чему,
Но нередко и дурное совершающие — вы!

Вред несут работе вашей и гульба и мотовство,
А себе проступки эти разрешающие — вы!

Хоть творите вы порою некрасивые дела,
Все ж потом свои ошибки исправляющие — вы!

Это вы — всегда в дороге, не смыкающие глаз,
На ногах весь день стоите, муки знающие — вы

Не печальтесь. одобренья ваш достоин честный труд,
Нас писать неустомимо заставляющие — вы!

*

Этот стих для вас написан, он согрет мечтой высокой,
Вас, наборщики, хвалю я с благодарностью глубокой.

Говорю я в заключение: будьте счастливы, здоровы,
Как могу и как умею я составил это слово!

1906

Где муллы, что хотят омусульманить
Японию?

Вы, чалмоносцы, до сих пор нам навевали сна
Дорогу к свету затмевал учений ваших злой туман,
дурман,

На протяжении веков, молитвы ложные творя,
Болезни заклинали вы, пророчеств сеяли обман.

Вы осчастливливали нас: таскались вечно по гостям
И обжирались, как скоты, позоря свой духовный сан.

В базар мечети превратив, намазом торговали вы,
Заране продавая рай, вы набивали свой карман.

Стервятники, вы сыновей учили падаль пожирать,
Безмерной жадности порок от вас им по наследству
дан.

Всю жизнь обуревали вас слепая зависть и корысть,—
Не знаю, почему ваш брат высокомерьем обуян?

Вы переписывали нам легенд еврейских старый хлам,
И как религию отцов его всучал нам шарлатан

Вы развратили наш народ. Его достойнейших сынов
За вольнодумство проклинал и отлучал ваш злобный
стан.

Разнесся слух: микадо сам задумал перейти в ислам.
Так отправляйтесь — вас к себе зовет Японии султан!

Узнайте, что там за народ, чего от вас японцы ждут,
Что их прельщает: ваш чапан иль ваша вера, ваш
Коран!

Обдумайте, под силу ль вам сей подвиг совершить
святой?
Пророчество пойдет ли в ход иль догмы хитростный
капкан?

И там вы будете учить усы до ниточки сбривать?
И там преподнесете вы народу голода аркан?

Ужель питомцы Бухары и там главенствовать начнут?
Ужели их и там сочтут примером истых мусульман?

Бесстыдники! Довольно лгать! Зачем шумите вы, крича:
«Пускай японец на себя теперь напялит наш чапан!»

1906

В память о «Бакыргане»

Вот городская чайхана,
Сынками байскими она
Полным-полна, полным-полна.
Кому же как не мне страдать?

Они гуляют широко,
Пьют пиво, режутся в «очко»,
За счет отцов кутить легко!
Кому же как не мне страдать?

Здесь папиросами «Дюшес»
Дымит компания повес,
Разврата их попутал бес...
Кому же как не мне страдать?

Невежеству их края нет,
Журналов им неведом свет,
Объял их сон во цвете лет.
Кому же как не мне страдать?

Зачем идут они в кабак
И, жизнь растрачивая так,
У русских учатся гуляк?
Кому же как не мне страдать?

А сверх сыновних кутежей
Ишанам платит богатей.
Ишан — вот язва наших дней!
Кому же как не мне страдать?

Нашли святоши легкий труд:
В гостях на дню раз десять жрут,
А с бедняков семь шкур дерут
Кому же как не мне страдать?

Друзья! Пойдем путем прямым,
Святош ишанов разгромим!
Порвем их сеть, да так, чтоб им
Уж не сплести ее опять!

1906

Трутням

В нашей знати каждый — трутень, толстобрюхий
негодяй,
Ну и жрут обжоры эти, поражаюсь, ай-ай-ай!

Каждый — словно губернатор, громко он привык рыгать,
Он нажрется и плюется, в брюхе сала — через край!

Пусть народ утонет, сгинет — только брюхо бы росло;
Пасть разинет: что имеешь, всё отдай, отдай, отдай!

Это брюхо нас задавит, если будем мы молчать;
Ах ты, брюхо, ух ты, брюхо, заслонило мир, вай-вай!

С Каф-горой, с хребтом Кавказским это брюхо я
сравню;
Что пожрало это брюхо, знаешь, Минлибай-бабай?!

Будет чудно, если встанем против этих животов;
Друг, пока еще ты молод, их распарывай, сражай!

Мы распорем их, распорем, только в этом к счастью
путь,
Наше будущее слопать толстобрюхим не давай.

Так довольно же, довольно, засучи-ка рукава,
Без борьбы надежды нету, ты смелей в нее вступай!

На ишанов, этих трутней, мы должны скорей напасть,—
Так дави, кончай, сметай их с громовым: «ура!»,
«банзай!».

Где же вера от пророка, где же чистый наш ислам?
К нам пришла иная вера, где же наша — ай-ай-ай?!

От нее следов не сыщешь, мир язычниками полн,—
Видя это, кто же скажет: «Мусульманин, не страдай!»?

В жрущих трутней я вонзился, как отточенный кинжал,
Ремесло их — брать да грабить пострашней вороных
стай...

Не пиши, Тукай, довольно, для таких остроги есть,
А прикажут — могут вздернуть, и виси тогда, Тукай!

Нет, писать не перестану, их нисколько не боюсь,
Не пугают их угрозы, не страшит их злобный лай.

Душу, малую как мошка, я отдам за новый путь —
Лишь путем социалистов, говорю себе, ступай!

Этот путь — правдивый самый, он спасет тебя от зла,
И на нем тебя не сломят низкий лжец и красnobай!

Кому верить?

Кому, кому отдашь души мятежной страсть?
И если сам падешь, кому не дашь упасть?

Когда недуг сразит, кто о тебе скорбит?
И если смерть грозит, кто о тебе скорбит?

И кто от бед спасет тебя в постылый час?
Спасет и вознесет тебя в постылый час?

Скажи, кому тебя в часы страданий жаль?
Скажи, скажи, кого томит твоя печаль?

Кто друга не продаст? — Как я узнать смогу?
Кто друга не предаст исконному врагу?

Кто счастьем дорожит твоим?! — Живи скорбя!
И лей, как слезы, кровь,— кому жалеть тебя?!

Кто из друзей порой тебе не докучал?
В ком подлости порой нежданно не встречал?

Кто в жизни шел всегда одной тропой с тобой?
И кто делил свою судьбу с твоей судьбой?

О, тщетно не ищи, не нападешь на след!
О, не ищи того, чего на свете нет!

Послушайся меня, я всё постиг теперь:
Лишь совести своей неугасимой верь.

1906

Татарским девушкам

Люблю ваши брови — как стрелы они,
На кудри смотрел бы я целые дни.
Отраду слова ваши в душу мне льют,
Глаза ваши светятся, как изумруд.
О сладкие губы, я так вас люблю!
Всё кажется: мало красавиц хвалю..
Как тонкий и стройный ваш стан не любить!
Не знаю я, девушки, с чем вас сравнить!
Люблю вашу грудь я, вздыхаю порой:
Сравнить ее с солнцем? Сравнить ли с луной?
И шей ваших мрамор ласкать я люблю,
И жаркие ваши объятья люблю.
Люблю в вашем лепете каждый я звук,
Как ласково вы говорите «мой друг!».
Люблю вашу вежливость и простоту.
Люблю целомудренность и чистоту.
Как мил ваш чуть сдвинутый набок калфак,
Гляжу — не могу наглядеться никак!
И если в час смерти премудрый хазрет
Мне в райские кущи добудет билет —
Пусть гурия выйдет навстречу, мила,
И нежно мне скажет: «Привет, Габдулла!»
Не будет такого — я в рай не пойду,
Уж лучше я мучиться буду в аду!

Невежество ваше я так не люблю,
Извечное горе и мрак не люблю,
На жен наших мулл не хочу и взглянуть:
Одно у них в мыслях — как вас обмануть!
Детей вы качаете в доме муллы,
Стираете тряпки и трете полы...
Вас учат: стараются сделать темней!
Неграмотность — спутница всех ваших дней
В телятнике сидя, приходится вам
Священные тексты зубрить по слогам.
Родились вы золотом — стали землей,
Любую тут сделают глухонемой!
Невежды вы, жены и дочери татар,
Ведь вас превратили в продажный товар,
Муллою решается ваша судьба..
Но девушка наша — не скот, не раба!
Достойны вы всех человеческих прав.
Воспряньте же, хищникам когтиломав!
Избавьтесь от гнета, вам страх не к лицу,
Не верьте Сайдашу — невежде, лжецу!

1906

Редактору

Не горюй, не злись, редактор: что их злобный вой
тебе?

Мед неси тому, кто хочет яд подсыпать свой тебе.

А по мне — не нужно вовсе обретать любовь невежд,
Ведь никак нельзя смириться с темнотой людской тебе!

Пусть безбожным вольнодумцем называют Не горюй!
Лишь бы только гнев господний не грозил бедой тебе.

Правдолюб гоним повсюду. Я уверен: день придет —
И любовь свою в награду принесет народ тебе.

Знай, редактор, что невежда — это враг извечный твой
Знай и то, что муж науки предан всей душой тебе

Людам следует гордиться оскорблениями невежд.
Пусть бранят: хула такая лишь звучит хвалой тебе.

Если же их одобренья жаждешь ты — беги в мечеть,
Лицемерь,— уж там не будут докучать враждой тебе!

Правду говори, редактор. Правду не боясь пиши.
Запасись терпением — трудный путь открыт судьбой
тебе!

Четырех газет владелец, с четырех земных сторон
Реки знаний устремляют свой живой поток к тебе.

Глубочайшим морем знания надо стать. Иди вперед.
Пусть тебя просторы манят, пусть претит застой тебе.

1906

Ужель погубишь?

Неужели так поэта погубить бы ты могла
И лишь смерть освобожденье мне б от страсти
принесла?

Будь ко мне добросердечной, не губи моей души,
Если я умру — бесспорно ты виновницей была.

Милый ангел, по натуре ты бы мягче быть должна,
Ведь не схожа с Азраилом ты, а душу унесла.

Соловей оценит розу, жемчуг ценят знатоки,
Я не верю, что невежду ты поэту предпочла.

О прекрасная! Немало я сказал тебе стихов,
Хоть бы раз в тебе крупца благосклонности взошла!

Мне любовь твоя — как церковь, я ж, подобно
звонарю,
Задыхаясь и стеная, бью во все колокола.

Темным пологом разлуки от тебя я отделен,
Подними ж, аллах, завесу, что меж нами пролегла!

От моей болезни средство — обручение иль смерть,
Исцелит меня любое, что бы ты ни поднесла.

Или стань мой душою, или душу отними —
Ты бы мне у ног прекрасных счастье умереть дала!

1906

Братское наставление

Чужие мысли заковать тираны мира, нет, не в силах.
И неудача погасить надежды яркий свет не в силах.
Не для тебя ли изрекал всевышний: «Дух крепи
надеждой!»?
Нет, младотурок целовать султана черный след не в
силах.
Не видно только лишь слепцу: светило для тебя
восходит.
Не думай, что оно сверкать в дни тяжких ваших бед не
в силах.

А кто родился храбрецом, молчать, кривя душой, не в
силах.
Стоять на месте, истлевать, как пень в глуши лесной, не в
силах.
Умри же,— но в бою умри, и пусть не знают, где упал
ты.
Терпеть двуличие во всем отважный и прямой не в
силах.
Душой боец не покривит и изменять вовек не будет.
Кто светлой истиной влеком, идти иной тропой не в
силах.

Отвергнет истина того, кто быть ее щитом не в силах.
 Святая правда и обман идти одним путем не в силах.
 Настанет время, и пробьет султана злого час

последний.

Шайтана, как там ни крути, народ иметь царем не в
 силах.

Боясь, что правда не в чести, ты отступить решил, быть
 может.

Но разве счастлив будет тот, кто в мире быть борцом
 не в силах?

Еще не пробил грозный час. Глядят на вас глаза
 народа.

Ведь вас когда-то видел он в рядах поборников
 свободы.

Отправьте деспота скорей в «Юлдуз», за крепкую
 решетку.

Иного нет для вас пути, так dokonайте же уroda!
 Когда бы вы за свой народ стояли твердо и поныне,
 Не забрели бы вы в тупик, не разглядев прямого хода.
 Увы! поете вы хвалу в честь притеснителя-тирана.
 И ваша писанина вся — одни торжественные оды!

Стеклянная голова

В череп нашего хазрета загляните хоть на миг,
Вьется там ли страсть к наукам, к изученью умных
книг?

Мозг хазрета, как стеклянный, обозрению открыт,
Содержание увидишь — и тебя охватит стыд.

Мысли все — как на рисунке, сделанном карандашом:
Пироги, рубли, копейки да девицы голышом.

Ничего в мозгу другого не увидишь, стало быть,
Занят мозг одной заботой — только бы поесть, попить.

Что ему до нашей чести? Что до нации твоей?
Для него они пустое, честь и нация, ей-ей!

Если ночью у хазрета на супружниц силы есть —
Значит, вот она, отвага, вот и подвиг, вот и честь!

Осень

Друзья, уже осень к нам в гости пришла,
Придет и зима, пышной шубой бела.

Уж начали птицы от нас улетать,
Чтоб в дальних и теплых краях зимовать.

Леса уже стали желты, как шафран,
Не видно в полях ни снопов, ни крестьян.

Как темя татарина, голы поля,
Голодных пернатых не кормит земля.

Лишь юная озимь покрыла простор,
Сверкает она, как зеленый ковер.

И солнце нещедро дарует свой свет —
Всё реже и реже,— и вот его нет.

И ветру покорна пустынная ширь,—
Он дует навстречу, упруг, как пузырь.

О, скучное время — осенние дни,
Могила цветущего сада они.

Кладбищенский вид! Я брожу по полям:
Повсюду зиянье затопленных ям

Хочу я полгода не жить на земле,
Хочу я растаять, как масло в тепле.

О, если сейчас я усну, а траву
Весною увижу опять наяву,

Я буду гораздо счастливей тогда,
Чем шахи и ханы, чем все господа

Когда же, скажи мне, мой бедный народ,
Весна твоя, день твой цветущий придет?

Тогда ли, когда я умру и потом,
Быть может, воскресну, но в мире ином?!

1906

Государственной думе

(На мотив песни «Ой, душенька Наги

Что ж ты быстро пала, Дума,
Землю-волю не дала?
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Что ж ты рано так увяла,
Хоть еще не расцвела?
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Что ж ты нас не пожалела
И оставила в цепях?
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Что ж начальников жестоких
Не разбила в пух и прах?
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Что ж подверглась ты разгону,
Их самих не разогнав?
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Что ж ты гнету покорила
И своих лишилась прав?
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Безземельному бедняге
Говорила: «Не тужи!»
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Обнадежила, сулила
Где ж земля-то? Покажи!
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Полномочных депутатов
Царь, как мошек, разогнал.
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Только кукиш показал им
Самый важный генерал
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Время, братцы, шевелиться,
Верьте, правду мы найдем!
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Час придет, и назовется
Злое — злом, добро — добром.
Ах ты, Дума, Дума, Дума.
Мало дела, много шума!

К народу

Мысли все и днем и ночью о тебе, народ родной!
Я здоров, когда здоров ты, болен ты — и я больной.

Ничего священной нету и дорожке для меня —
На весь мир не променяю свой язык, народ я свой!

Счастлив я, народ прекрасный, что к тебе принадлежу!
Скромным быть хочу поэтом, быть хочу твоим слугой.

Близок сердцу дух народный, я мечтаю, край родной,
Жить с тобой одной печалью или радостью одной.

О твоём мечтаю счастье, в мире нет светлей мечты,
Одержим одной я страстью — сердцем быть всегда
с тобой.

Заслужить хочу бессмертье я поэзией своей...
О создатель, не мечтаю я об участи иной.

Жизнь мою возьми, стихи же для потомков сбереги.
Как мне страшно быть забытым отчей милой стороной!

Пусть умру я сам, но имя люди помнят пусть мое —
В этом цель моя, надежда и удел счастливый мой!

О любви к тебе писал я, верю я, народ родной:
Будешь звать меня ты другом, верю в это всей душой!

Надпись на могильном камне

Ты мертва, но любовь моя в сердце не гаснет еще,
Ты мне дружбу и нежность в душе оставляешь еще

Знай, что смерть твою, друг мой, считаю я смертью
своей

Только вижу твой образ и голос твой слышу еще

Я тобой был, ты — мною, и не было ближе друзей
Всё ушло без следа. Лишь любовь существует еще.

1906

«Стрелы» («Уклар»)

Выходит в свет журнал «Уклар», на удивленье
Старозаветных мулл разит он метко и умело. смелый

«Уклар» высматривает цель, стреляет без заминки.
В полете не сдержат стрелу, что к цели полетела!

Хазреты, помните закон и стрел остерегайтесь
Не то застигнут вас врасплох недремлющие «Стрелы»!

1906

Самому себе

Хочу разумным быть, чистосердечным.
Душа живет стремленьем к свету вечным.

Мне счастье татар дороже жизни,
Дождусь ли я для них хорошей жизни?

До срока думой тяжкою состарен,
Я сам татарин, истинный татарин.

Я дал народу обещаний много.
Исполню ль их — известно только богу.

1906

Бахвалы

Ревет ишан, ревет ишак,
И это неспроста!
Ишак гордится: «Я богат,
Есть у меня узда»

Ишан в ответ: «Ишак, постой,
Я тоже не с сумой,
Есть у меня для воровства
Уздечка под чалмой

Не хвастайся своей уздой,
Пустая голова,—
Кичиться буду я, а ты
Лови мои слова.

Тот, кто ишана чтит во мне,
Тот, как и ты,— осел:
Он верит искренне, что я
Дух святости обрел.

Я граблю жирных богачей,
Я жаден к их добру,
И нет покоя мне, пока
Я их не обдери

Ты скот, невежда, я — вдвойне.
 Но дело не в словах:
 Мое невежество и лень
 Мне ниспослал аллах!

Мы выдаем дурман за мед
 И, свой набив живот,
 Твердим: без пищи и воды
 Терпи, терпи, народ!

Так запрягаю я татар
 И сеть свою плету.
 Чего зевать, когда они
 Привычны к хомуту?

Моя отрыжка — знак святой.
 И знак святой — плевок,
 Чихну — саваб! И да хранит
 Такой порядок бог!

Я так скажу тебе, ишак:
 Всегда со мной дружи!
 Ты будешь лодкой, я — веслом,
 Поплаваем во лжи!

Моим мюридом назовись,
 Будь мне опорой впредь,
 Откроем лавочку молитв,—
 Айда со мной в мечеть!»

*

«Будешь мне слугой исправным, вот дела.
 Будешь ты барану равным, ох, дела!

Но сноси обиды молча, вот дела,
Ты ведь станешь благонравным, ох, дела!»

«О хазрет! — ишак ответил. — Вот дела.
Придержи-ка речи эти, ох, дела!

Ты поправь чалму, чтоб стала, вот дела,
Словно купол у мечети, ох, дела!

О ишан высокочтимый, вот дела,
Верю верой нерушимой, ох, дела! —

За невежество народа, вот дела,
Ты — борец неутомимый, ох, дела!

Знаю, всех ты водишь за нос, вот дела,
Я — осел, ослом останусь, ох, дела!

Назовут меня суфием, вот дела,
Я с тобою не расстанусь, ох, дела!

Хоть проник я в суть обмана, вот дела,
Будем лгать во имя сана, ох, дела!

А твои мюриды глупы, вот дела,
Слепо веруют в ишана, ох, дела!»

Нашей молодежи,
устроившей литературный вечер

Люблю я вас, нет молодежи краше,
Интеллигенты вы, надежда наша.

Всем существом, душой своей и телом
Вам радуюсь я — небывалым, смелым.

Богатыри, чей зрелый разум ясен,
Бесценны вы, ваш замысел прекрасен!

Столетье за столетьем, год от года
Мы ожидали вашего прихода!

Пожалуйте же к нам, ваш облик светел,
Вы — чистота сама, рассветный ветер.

Вы — ослабевшей нации опора,
За девять жертв нам дали вас не скоро. .

Когда б воскрес пророк, когда бы снова
Обрел он душу вдруг, то, право слово,

Он всех бы вас поздравил несомненно,
Одобрил бы, призвал бы вдохновенно:

«Герои вы, дерзайте и творите,
Весь мир своей отвагой удивите!

Ваш труд исполнен зрелости и света,
Общественных пороков в нем и нету...

На молодой ваш мир смотрите шире,
Залог он счастья — в том и в этом мире!

С пути, что вы избрали, не сходите,
Вперед, к прогрессу, нацию ведите!»

Прекрасный вечер видел я воочью,
Его я помнить буду днем и ночью.

1906

Что говорят те, кто сотрудничает
в «Эль-гаср-эль-джадиде»!

Уж, слава богу, год выходит «Новый век»
На путь-дорогу нас выводит «Новый век».

Луч солнца нации сквозь тучи к нам проник,
И напечатали мы много этих книг.

Распространяли свет среди крошечной тьмы,
Умершей нации жизнь возвратили мы

Мы словно Исафил, чей громок трубный глас.
Победу возвестит наш неподкупный глас!

Мы влили в нацию живой воды поток,
А двери к гибели закрыли на замок.

Богатством нации наш кровный стал журнал,
Народу пищею духовной стал журнал.

Уж постарались мы издание начать,
Добились своего: журнал пошел в печать.

Мы все пришли к нему, участвовали в нем,
Все помогли ему — деньгами и пером

Вступив на этот путь, мы душу отдадим,
Но славу нации и честь — мы возродим!

Журнал наш будет жить до Страшного суда,
Мы будем защищать, беречь его всегда

Живи, «Гаср-эль-джадид»! Живи! Ты — наш вожак,
Ты солнце и луна, рассеявшие мрак!

1906

Что рассказывают шакирды,
покинувшие медресе

1

Нас там долго
Обучали,
Мы так мало
Понимали,
Если даже
Вихри дули —
Словно камни
Мы лежали...

2

Мы натягивали
Полог
Даже в солнечное
Лето,
Знать — не знали,
Прочь мы гнали
Всё идущее
От света.

3

На заре
Мы крепко спали,
Завернувшись
В одеяло.
Дум не знали —
Если даже
Солнце счастья
Догорало...

4

Вроде конского
Навоза,
В духоте
Беспечно гнили,
Не боясь,
Что оказаться
Оттого могли
В могиле.

5

Мы зачахли,
Пожелтели,
Мы засохли,
Словно палки.
Дрянь вдыхая,
Наслаждались,
Как червяк
Какой-то жалкий.

6

Правду, Совесть,
Справедливость
Мы из памяти
Изгнали,
Мы испортились
Настолько —
Сатаны
Сквернее стали...

7

Без воды,
Без дров, без пищи
В кельях мы
Впотьмах лежали,
Даже в праздники
Во сне лишь
Омовенье
Совершали.

8

Превратив
Халаты в сумки,
Мы просили
Подаянья,
У заборов
Богатеев
Долго длилось
Ожиданье...

9

Камня,
Дерева дешевле
В отчем крае
Нас считали. .
А в Европе ведь
Студентов
Словно око
Сберегали.

10

Голодали,
Стыд забыли,
Как продажные
Девицы...
Мы завшивели,
Застыли,—
Нам доньше
Голод снится.

11

В палача
Преобразился
Тот, кто быть
Хотел ученым,
Ни мукою стал,
Ни тестом —
Калачом
Недопеченым.

12

Лени в нас —
Захочешь сколько,
Дури в нас —
Захочешь сколько,
А студент
Толковый, дельный
Есть один
На тыщу только...

13

Мы невежеству
Отдали
Годы юные
И души,
Мы цирюльниками
Стали,
Научились
Бить баклуши

14

Богатеи
Нам дарили
Дочерей —
Кривых, увечных, —
Мы для них
Рабами были —
Путь ученых,
Путь беспечных...

15

Если вдов
Встречали старых —
К ним входили
В дом мужьями...
Без грехов
В аду горели —
В преисподней,
В серной яме ..

16

Оскорбленья,
Униженья
От народа
Мы терпели —
От незрячести,
Которой
Он страдает
С колыбели.

17

Наша цель —
Не поношение,
Мы татар
Ругать не будем:
Раз незрячи —
Что и взять с них?
Мы, как все,
Слепых не судим.

18

Не слепых —
Хазретов зрячих
Осудить должны мы
Строго,
Что народ
Не призывают
Жить получше
Хоть немного.

19

У обжор хазретов
Брюхо —
Так ли,
Этак ли припомнишь —
Так огромно,
Так бездонно,
Не насытишь,
Не наполнишь. .

20

О реформе
Мы твердили,
Что не быть реформе —
Знали...
Хоть углы
Нам всем постыли —
Мы из них
Не вылезали.

21

Так прощайте же,
Хазреты,
Лишь добра
От вас мы ждали,
Ждали радости
И света,—
Но уходим
Без печали!

22

Так вперед!
Вперед, смелее!
Шаг держите
Неустанно!
Нас невежество
Держало,
Не избегли
Мы обмана.

23

Лишь тебе, народ,
Служенье!
Раздувайте
Пламя горна!
Нас не сломят
Униженья,
Мы вперед
Пойдем упорно!

Вопросы

Почему ты, о боже, столь разными создал людей?
Почему я ничтожней ничтожнейшей твари твоей?

Почему ты не радость, а горе мне в спутники дал?
Иль во мне и начало и устье потока скорбей?

То горючие слезы, вода ли горчит — не пойму!
Или адское пламя в крови обожженной моей?

Иль в душе у поэта воистину адский огонь?
Слышишь, господи? Я вопрошаю, ответь мне скорей!

Вечных тайн властелин, ты и эту мне тайну открой,
Ибо разум мой темен, не может он справиться с ней.

Неужель потому сам я в черную тьму погружен,
Что судьбина моя самой черной судьбины черней?

Не в моей ли доле злосчастливого мрака исток?
Не родиться бы вовсе — так было б, пожалуй, умней.

Лишь страданье и боль я узнал в этом мире... Ужель
Сам Неджди не видал столько горестей в жизни своей?

К свободе

Вместе со светочем правды зажги равноправия светоч,
Грей нас лучами своими, избавь нас от мрака былого.

У божества справедливости лучше мы будем рабами —
Зря до сих пор о спасенье молили мы бога иного!

Верили мы, повинуюсь тупым истуканам в мундирах:
Идол душой обладает и зрение есть у слепого.

Грянь, очищая Каабу от Лата, Гоззы и Моната,—
Жалких божков растопчи ты стопою Хаттаба святого!

Судьбы народов вершили бездушные ложные боги,
В сумрак вели их дороги, обмана исполнены злого.

Низкий и подлый — возвышен, унижен — высокий
душою.

Пусть твоя воля поставит на место того и другого.

Света конец наступает, и правды светило померкло.
Луны распались, и разум затмился от трубного зова.

Звезды единства низверглись, и, как легендарная
птица,

Ты, человечность, всё дальше от рода людского!

Ружья, и пушки, и сабли, штыки, палачи и казаки
 Справа, и слева, и сзади — кольцом окружают нас
 снова.

Странно: отъявленный грешник свободно в раю
 очутился,
 Тем же, кто рая достоин, — ужасное пекло готово.

Это — о бедствиях нации я написал, содрогаясь,
 Пусть возмутит тебя ропот, внемли моей жалобе новой!

Сжить нас со света решили, спеши же скорее
 на помощь!
 Нам остается одно: удалиться из мира земного.

Попран закон: «Кто возделывал землю — тот ею
 владеет!»
 Жить еще хочешь? На небе средь звезд поищи себе
 кровя!

Магометане отвергли ислам, и Христа — христиане,
 Ибо религии тоже гоненьям подверглись сурово.

Если, как люди, и вера затоптана в прах, что поделать?
 Неотделима религия от человека живого.

Звероподобные люди, как прежде, господствуют
 в мире,
 Злобно на нас нападают, — что сделали мы им плохого?

Кровь нашу пьют они жадно, ведь теплая кровь
 человечья
 Слаще халвы или сахара для кровопийцы такого!

Не отдавай нас язычникам! В Думе заставь депутатов
Вал Искандера построить — ограду от зла векового.

Перед вратами твоими стоим мы голодной толпою,
Лик свой открой нам, дай хлеба — на благо живого

Связан язык у поэта... Свобода, ты дай ему волю,
Пусть о друзьях и о недругах скажет он веское слово!

Сад распахни свой, свобода! Да будет светлей
полнолуния
Нации нашей грядущее, доля народа родного!

Совесть буди, пусть не знают оков наши ноги,
Сбей эти — словно чалмою — обвившие всех нас
оковы!

1907

Если б ты не была...

Не горел бы я, если б ты жгучим огнем не была,
Я не плакал бы, если б ты поводом слез не была.

Я бы грусть позабыл, я оставил бы песни свои,
Если бы ты порождающей горе мое не была.

Волноваться не стало бы пенное море любви,
Если б ты ураганом, вздымающим вал, не была.

Утешался бы я, на луну да на солнце смотря,
Если б ты затмевающей их красоту не была.

Ради жизни покинул бы глушь одиночества я,
Если ты бы стеной между жизнью и мной не была.

От души бы, как дервиш, я богу хвалы возносил,
Если б дьяволом ты, искушеньем моим не была.

Никогда бы погибели я для души не просил,
Если б ты помутившей сознание мое не была.

Как Меджнун, не смеялся бы я в ослепление любви,
Если б ты подшутившею зло надо мной не была.

На стихи походили бы строки пустые мои,
Если б ты отнимающей память мою не была.

Журналу «Детское воспитание»

(Рассказ мусульманского мальчика)

Ты исчез, и душу давит горя целая гора.
Отзовись, отец наш! Где ты, светоч правды и добра?

Дурачок я несмышленный, вдруг остался сиротой;
Как я стану человеком без тебя, наставник мой?

Счастья в жизни мне желая, в путь ты вышел, мой отец.
На тебя напал разбойник... Где он, кто этот подлец?

Где твой чистый дух? В пустыне или в море,
за хребтом?
Где же ты, о, где ты ныне: в этом мире или в том?

Верю я: во власть злодеев не предаст тебя господь,
Ибо он у стражей веры укрепил и дух и плоть

Слово ль молвить на вершину Тур-горы поднялся ты?
Или в мир потусторонний скрылся ты от суеты?

Или же Исе навстречу ты вознесся в высоту
И оставил без защиты горемыку-сироту?

Может, к богу ты явился с жалобой на наш народ: ,
«О аллах, твоих велений сам народ твой не блюдет,
Он твоим любимым детям воспитанья не дает!

Что я мог поделать, боже, коль сородичи мои
Каждого святого дела сторонятся, как змеи?

К тем, кто шлет тебе молитвы,— к людям сел
и городов —
Я взывал тайком и явно, но напрасным был мой зов!

Детям нации стремился указать я светлый путь,
Я хотел ворота рая перед ними распахнуть...»

Ты, отец, мне душу тешил, ты питал рассудок мой.
А родители кормили лишь один желудок мой.

И теперь, тебя лишившись, я уже не человек...
Всем известно: сын ищачий — ишаком пребудет век.

Мусульманским детям — счастье! — думал я до этих
дней,
И себя считал счастливым, и детей моих детей.

Эх, младенцы с бородами — наши деды и отцы,
Могут взрослыми считать их лишь безумцы и лжецы.

1907

Видели?

Вы видели — о стыд и срам! — наш «Мир и бытие»?
Ислам,
Как мы доверили ослам свое родное слово?

И на страничках «Бытия» печатают ослы-друзья,
Что им нахрюкает свинья, наляпает корова.

Уж там добра неprovорот, и всяк топочет и орет —
Айда, читай, честной народ, — ты не читал такого!

Град Оренбург, столичный свет, — ужели там
опричь газет
Уже и места больше нет отхожего другого?!

А просвещения сыны — лгуны, шакирды, шаркуны...
Восходит дерево вины из мрака коренного.

Шумит услужливая тварь, и бедствует родной словарь,
И у поганцев есть главарь, держава и основа.

Она другая, верю я, у мира и у бытия...
О бедная земля моя, владенье дураково!

Весна

Пиши, ясней пиши, перо, и пробуждайся ото сна,
Ведь на земле уже давно весна, лучистая весна!

Пиши, перо мое, пиши, хоть пару строчек напиши,
Чтоб на бумагу перешли волненья сердца и души.

Уже вокруг журчат ручьи весенней радостной поры,
Туман восходит над землей, восходят синие пары...

Они сгущаются, как дым, и взору чудится тогда,
Что заволакивают мир туманы Страшного суда...

Льды воскресают и плывут, несомы черною рекой,
Дробясь, сшибаясь, рвутся вдаль, могильный позабыв
покой!

Внезапно кажется тебе, что в судный час со всех концов
На сборище воскресших душ стремится войско
мертвецов,

Что вдруг потрянул рогами бык и землю удержать не смог,
Что света божьего конец вдруг протрубил могучий рог,

Что все усопшие спешат к порогу Страшного суда:
Какие — в рай, какие — в ад, и неизвестно, кто куда!

Вселенную в зловещий час объемлют ужас и испуг,
Повсюду страшный шум и гам, перемешалось всё вокруг!

Природа в этот грозный миг теряет вид привычный свой,
Как на закате облака — даль стала жуткой и рябой...

Но вскоре истинный свой цвет находят небо и земля,
Готовь зерно, паши и сей, работай, душу веселя!

И солнце сеет с высоты лучи горячие свои,
И прояснился наконец печальный, темный лик земли.

В напрасной ярости зима уходит в стуже и снегах.
И шелковистая трава зазеленела на лугах.

Так обновляется всегда готовый к праведным трудам,
Так воскресает люд земной, чьи предки Ева и Адам.

Так с наступлением весны я размышляю ясным днем —
То о кончине я грущу, то восхищаюсь бытием.

1907

Бесталанному поэту

В пустую мельница кружится, зерно не мелют
жернава,—

Напрасно пыжишься, бедняга, твоя поэзия мертва!

На свете много есть ремесел, трудись иначе как-нибудь!
Своими грязными лаптями зачем ты топчешь чистый
путь?

Пора уже тебе признаться в убогой немощи своей.
Ворона жалкая, о, разве ты можешь петь, как соловей?

Не надевай поэта маску, видна отлично суть твоя.
Не хочешь без хвоста остаться — не суйся в клетку
соловья!

1907

Пара лошадей

Лошадей в упряжке пара, на Казань лежит мой путь,
И готов рукою крепкой кучер вожжи натянуть.

Свет вечерний тих и ласков, под луною всё блестит,
Ветерок прохладный веет и ветвями шевелит.

Тишина кругом, и только мысли что-то шепчут мне,
Дрема мне глаза смыкает, сны витают в тишине.

Вдруг, открыв глаза, я вижу незнакомые поля,—
Что разлукою зовется, то впервые вижу я.

Край родной, не будь в обиде, край любимый, о, прости,
Место, где я жил надеждой людям пользу принести!

О, прощай, родимый город, город детства моего!
Милый дом во мгле растаял — словно не было его.

Скучно мне, тоскует сердце, горько думать о своем.
Нет друзей моих со мною, я и дума — мы вдвоем.

Как на грех, еще и кучер призадумался, притих,
Ни красавиц он не славит, ни колечек золотых.

Мне недостает чего-то, иль я что-то потерял?
Всем богат я, нет лишь близких, сиротой я нынче стал.

Здесь чужие все: кто эти Мингали и Бикмулла,
Биктимир? Кому известны их поступки и дела?

Я с родными разлучился, жить несносно стало мне,
И по милым я скучаю, как по солнцу, по луне

И от этих дум тяжелых головою я поник,
И невольно слезы льются — горя горького родник.

Вдруг ушей моих коснулся голос звонкий, молодой:
«Эй, шакирд, вставай скорее! Вот Казань перед тобой!»

Вздрогнул я, услышав это, и на сердце веселей.
«Ну, айда, быстрее, кучер! Погоняй своих коней!»

Слышу я: призыв к намазу будит утреннюю рань.
О, Казань ты грусть и бодрость! Светозарная Казань!

Здесь деянья дедов наших, здесь священные места,
Здесь счастливец ожидают милой гурии уста.

Здесь науки, здесь искусства, просвещения очаг,
Здесь живет моя подруга, райский свет в ее очах.

1907

О газете «Голос»

Рабочие! Ваш «Голос» вышел, истый друг,
Прислушайтесь, чтоб каждый слышал чистый звук,
Ведь вы остались сиротами без «Зари»,
Вкруг «Голоса» теперь смыкайте дружный круг.

Ведь «Голос» — голос чистой правды, а не лжи,
То голос преданной души, а не ханжи.
Как солнце светит он тебе, рабочий люд,
Не сторонись, святое дело поддержи.

Поймите вы, что этот «Голос» лишь для вас.
Права лишь ваши защитит он в трудный час,
Он будет всех и обо всем судить, как вы, —
Писать он будет честно, прямо, без прикрас.

Кого разжалобите вы своей судьбой?
Никто не ринется за вас в опасный бой.
Иссохли вы, вас гнет беда, гнетет нужда, —
А кто вас пожалел? Кто поднял голос свой?

А «Голос» ваш не утрашит любой удел,
Он взвалит на спину ваш груз — упорен, смел.
Без лишних слов, из-за любви безмерной к вам,
Не зная устали, своротит горы дел!

Греми же, «Голос»! Трудовой с тобой народ!
Потоку мощному доверься — пусть влечет!
Вперед шагай, печаль поглубже затая,
Не мешкай, путь открыт, шагай, шагай вперед!

Борись, рабочий! За права свои дерись!
В безропотных — клыки вонзают... Не мирись!
Бороться за свои права — наш долг святой.
Борись, рабочий! Друг, без устали борись!

1907

В чем сладость?

Наслажденье? В чем, скажите, заключается оно?
Нам хорошего на свете много видеть суждено.

В чем же сладость? В том, чтоб крепко стан девический
обнять?

Иль красавца иноходца что есть духу погонять?

Или в том, чтоб из бутылки пить огонь воды живой,
Чтоб шумел забвенья ветер над хмельною головой?

Или в том, чтобы удача стала спутницей в делах?
Или в том, чтоб стать известным, как почтенный старый
шах?

Иль ишаном шмыгать в гости, угощаться здесь и там,
Чтобы после отрыгалось мясом с перцем пополам?

Или в том, чтоб гармонистом песни разные играть,
Повздыхать в раздумье грустном, а потом начать опять?

Или, будучи торговцем, получать доход вдвойне
И хорошо наживой ночью хвастаться жене?

Или в том, чтоб золотую на войне медаль добыть,
Чью-то кровь пролить рекою, чью-то голову срубить?

Или в том, чтоб с пирогами чай спокойно попивать?
Под себя поджавши ноги брюхо мирно набивать?

Верьте! Истинной улады не найти ни в чем таком.
Испытавший эти вещи с высшим счастьем незнаком.

Лишь служение народу признаю за счастье я,
В этом лучшая отрада, сладость жизни для меня.

1907

Приятелю, который просит совета —
стоит ли жить на свете

На свете стоит жить, лукавя за двоих;
Правдивых не ценя, спеши уйти от них,
От совести своей стремись, как дьявол, прочь.
Чужой не веря лжи, всех обмани других

И, брата позабыв, себе желая благ
И бедного презрев, назвав его «бурлак»,—
Всю жизнь свою одной лишь цели посвяти:
Отращивать живот! Жить стоит только так!

На свете стоит жить, прислуживать пером,
Лаская богача, дрожа пред богачом,
Скрывая истину, не ведая стыда,
Известно: истина не дружит с животом;

Шумя: «Религия!» — не веря ничему;
Вещая: «Бог презрел носящего суму»;
Твердя: «Я полон благ, сановен, домовит,
И мысли свойственны лишь моему уму».

Жить тяжело, если ты не молишься мошне,
Поклоны ей не бьешь, не предан ей вполне.
Блаженствуй, если ты — реакции слуга,
«Прямое» говоришь о явной кривизне.

Забудь об истине. Любить ее — к чему?
 Лги, чтобы не попасть за истину в тюрьму.
 Кути! Голодных — прочь! Раздетых — прочь!
 Прах мира для очей ты преврати в сурьму.

Что справедливость, честь? Кто здесь им будет рад?
 На нужды общие зачем бросать свой взгляд?
 Пристойно ли читать молитвы и Коран
 В жилищах, где царят бесчинства и разврат?

Живи! И совесть ты и веру продавай!
 И, поступая так, все блага дней познай!
 Пусть бытие твое в уладах протечет:
 Плуту и лживому на этом свете — рай.

Нет! Знаю я, что ты отвергнешь мой совет.
 Ты не способен лгать, двурушничать, о нет!
 И, за душу свою, как заяц, трепеща,
 Не станешь ты гасить идей высоких свет.

Ну что ж, тогда умри и вновь землею будь!
 Не лучше ли клинок в свою направить грудь?
 Земля! Как вышло, что для честного милей,
 Чем по тебе бродить, в тебе навек уснуть?

Не на тебе — в тебе клад истины зарыт!
 И сердце хочет вглубь, и сердце нас томит:
 Чтоб вместе с истиной быть до конца миров,
 Умри, умри скорей! С землей будь снова слит!

Прощай же, друг, меня уж виселица ждет.
 Пусть тело мертвое скорее ворон жрет,
 Не хочется мне жить, мне этот свет постыл.
 По глупости еще не свел я с жизнью счет.

Одному противнику прогресса

Ты против волн не плавай — утонешь: Нил глубок.
Не плюй ты против ветра — вернется твой плевок.

Отчаянным героем тебя не назовут,
Не тывкай, ради бога, ты на слона, щенок!

Когда на Гавриила направил лук Немврод,
Стрела назад упала, хоть метким был стрелок.

Евангелие тщились евреи отрицать,
И вечные мученья за это дал им бог.

Страшись: для тех, кто портит и развращает нас,
Местечко в преисподней всевышний приберег.

Быть может, и обидны сравнения мои,
Но ты примеры эти оспорить бы не мог.

Сказать тебе «возвысься!» — пустая трата слов,
Поскольку недоступен свинье высокий слог.

Но, увлечен моею припевкой под гармонь,
Теперь кадриль иную не спляшешь ли, дружок?

Театр

Театр — и зрелище и школа для народа.
Будить сердца людей — вот в чем его природа!
На путь неправедный он не дает свернуть,
Он к свету нас ведет, открыв нам правый путь.

Волнуя и смешая, он заставляет снова
Обдумать прошлое и смысл пережитого.
На сцене увидав правдивый облик свой,
Смеяться будешь ты иль плакать над собой.

Узнаешь: жизнь твоя светла иль непроглядна,
Вот это верно в ней, а это в ней неладно.
Развить захочешь ты достойные черты,—
Так новой мудростью обогатишься ты

И если ты хорош — то только лучше станешь,
А если ты дикарь — из темноты воспрянешь.
В театре рангов нет, в нем так заведено:
Ты господин иль раб — театру всё равно!

Он чист и величав, влечет он к светлым высям,
Свободен и широк, он свят и независим.
Он воспитанья храм, он знания дворец.
Наставник для умов, целитель для сердец.

Но следует ему блюсти одно условие:
Родной народ учить с терпением и с любовью
И с древа мудрости срывать тогда лишь плод,
Когда он красоту и зрелость обретет.

1907

Против золота

Всевышний! Золото с земли, ее жалея, убери!
Сжигающее землю зло, что смерти злее, убери!

Вели ты ангелам своим: пускай с небес они слетят —
От золота очистят мир, швырнут металл презренный
в ад!

Всех желтых дьяволов сожги ты вместе с чертом,
сатаной.
Всего опасней желтый лик червонца в суете земной.

Народу золото вредит, сбивает с верного пути,
Оно блестит, глаза слепит, дразня, шепча: «Кради и
льсти!»

Весь белый свет я исходил, где только в мире не бывал,
А хуже золота беды ни разу в жизни не встречал.

Любой народ — металла раб, душа его слепа, темна.
Как истину он разглядит? Закрыта золотом она.

Святую правду, веру, честь не выше золота все чтут,—
Оно сильнее, чем Коран, Евангелие и Талмуд.

Размышления одного татарского поэта

Я пою, хоть жилье мое тесно и старо,
Не боюсь, хоть любимый народ мой — татары —
Так безжалостно стрелы вонзает в меня.
Я недрогнувшей грудью встречаю удары.

Я шагаю вперед по дорожному праху,
Я преграды пинком устранию с размаху,—
Молодому поэту, коль взял он перо,
Поддаваться нельзя ни боязни, ни страху.

Не страшимся мы вражьего злобного воя,—
Как в Рустаме, живет в нас отвага героя
У поэта бывают и горе и грусть,
Он как море, а море не знает покоя.

От добра я, как воск, размягчаюсь и таю,
И, хваля справедливость, я мед источаю.
Но увижу недоброе дело — бранюсь.
Ух и злюсь я, как только я подлость встречаю!

Зло и гнусность доводят мой гнев до предела —
Будто палкою тычут назойливо в тело.
«Что вы делаете?» — вынуждают кричать.
«Тьфу, глупцы!» — заставляют плевать то и дело.

Пусть в меня иногда и стреляют нежданно,
Не кричу: «Это выстрел из вражьего стана!»
«Ты ошибся, товарищ, стрелу убери»,—
Говорю я, как друг, хоть в груди моей рана...

Горьким вышел мой стих, горечь сердца вбирая..
Плод испекся как будто, а мякоть — сырая.
Соловья ощущаешь в груди, а на свет
Лезет кошка, мяуканьем слух раздирая.

Сладко-горькое блюдо нам кажется вкусным,
Хоть отважно смешал я веселое с грустным,
Хоть и сладость и горечь смешал я в стихах,—
Я свой труд завершу, если буду искусным.

Образцами мне Пушкин и Лермонтов служат.
Я помалу карабкаюсь, сердце не тужит.
До вершины добратся хочу и запеть,
Хоть посмотришь на кручу — и голову кружит.

Путь далек — только к цели меня он доставит.
Не горбат я, не жду, что могила исправит.
Где-то спящие страсти прорвутся на свет,
И небес благодать мои крылья расправит.

1907

Беседа

Когда порой с тобой сижу вдвоем,
Смотря в глаза, как в темный водоем,
Ты речь заводишь, как дитя болтая,
О всем, что видела сегодня днем

Когда я глаз от глаз не отвожу
Молчу и лишь «да, да!» на всё твержу,
Ты думаешь, что всё я понимаю,
Поскольку я как статуя сижу.

Нет! Смысл рассказа темен для меня,
Не слушаю, да и не слышу я.
Обиделась бы ты, узнав про это,
Что целый час рассказывала зря.

Любовь моя! Какой глубокий вздор
Твой бедный повседневный разговор.
О, лучше бы «люблю» ты мне сказала,
Пускай бы это говорил твой взор!

Так ты болтаешь целый час почти,
А от тебя мне глаз не отвести,
И красота твоя в любое время
Меня вольна, как чудо, потрясти.

Не слышу ничего. Гляжу ей в рот
И ловко притворяюсь, что, мол, вот
Как интересно слушать. И мне страшно,
Что всё расскажет, встанет и уйдет.

По-моему, ты ангел. Грязь земли
Не для тебя Но и в земной пыли
Светла ты. Я с тобою рядом низок.
Твой дом на небе, от земли вдали!

Ты создана, чтобы любимой быть,
Чтоб радостно и глубоко любить.
О, как ты, нежная, могла мне сердце
Угрюмой безнадежностью пронзить?

Поверь, цены не знаешь ты себе,
Найдешь лишь горе ты в земной судьбе.
Зачем тебе нужны заботы жизни?
Они не для тебя, не по тебе!

Храню внимательный, спокойный вид,
А сердце рвется, сердце к ней летит,
И тянется рука ее потрогать руку.
«Нельзя!» — рассудок робкий говорит.

Но вот конец блаженству моему.
Уходишь — сердце падает во тьму.
Моей печали безысходной не поймешь ты,
Коль даже догоню и обниму.

1907

Мышь, попавшая в молоко

Подполья жительница — мышь, в чулане шастая
тайком,
Не знаю как и почему, попала в чашу с молоком.

Бедняжка мечется, плывет, по стенам лапками
скользит
И тонет в белом молоке — оно ей гибелью грозит.

Нельзя бездействовать в беде! И мышка, правилу
верна,
Плывет и вдоль и поперек — спастись надеется она.

Не пропадают зря труды. Вот легче, вот совсем легко.
Так долго плавала она, что в масло сбилось молоко.

Теперь, на масло опершись, она встает, а там, глядишь,
Из чаши выпрыгнула вмиг — и убежала в норку мышь.

*

О мой родной! Ты хоть в воде, хоть в молоке ты
утопай,—
Будь терпелив, настойчив, смел — отчаянью не уступай!

О, красавица

(По Лермонтову)

Не ленись, о красавица, в зеркало чаще смотри
На лицо свое ясное, что розовее зари.

Словно звезды глаза, и дугой выгибается бровь.
Эти губы твои, целовал бы их вновь я и вновь.

Погляди и скажи, что не зря тебя хвалит поэт
И что смысл этих строк тебе ясен, как солнечный свет

Посмотри на себя, и твоя улыбнется душа,
Ты невольно вздохнешь и прошепчешь:
«Как я хороша!»

Но, любуясь собою, довольства и счастья полна,
Вдруг встревожишься ты: «Хороша... а кому я нужна?»

Посмотри и пойми, что поэт восторгался не зря
И что плакал не зря он, сердечным волнением горя.

Ты согласна, душа моя? Ты на моей стороне?
Я ведь прав, если даже погибнуть назначено мне

1907

Родной земле

Хоть юнцом с тобой расстался, преданный иной
судьбе,
Заказанье, видишь, снова возвратился я к тебе.

Эти земли луговые, чувства издали маня,
Память мучая, вернули на родной простор меня.

Пусть несчастным сиротою в этом я возрос краю,
Пусть томили униженья юность горькую мою,—

Времена те миновали, птицей улетели прочь,
Дни былые вспоминаю, как с дурными снами ночь.

Хоть твои хлестали волны — не пошел мой челн
на дно,
Хоть твое палило пламя — не сожгло меня оно,

И поэтому я понял, край мой, истину одну,
Что душа равно приемлет и огонь твой, и волну.

Я постиг, что всё священо: и овин твой, и ручей,
И гумно твое, и степи, и дороги средь полей,

И весна твоя, и осень, лето знойное, зима,
Белые чулки, да лапти, да онучи, да сума.

И овчарки, и бараны — вся родная сторона.
Любо мне и то, что плохо, даже то, чем ты бедна.

На нас напраслину возводят

У нас как будто правды нет... Зато обману нет
преград!

Медали с выставки ханжей у многих на груди блестят.

Что чистоты мы не блюдем — бессовестная клевета:
По одному на каждый дом кумганы у татар стоят

Твердят: у нас ученых нет. Но есть немало мудрецов,
Что в Бухаре и Каргалы учились тридцать лет подряд.

А говорить, что у татар нет капиталов, — сущий вздор,
Когда просящими займы у нас все улицы кишат.

Промышленности нет? Навет! Жадней, чем ростовщик-
еврей,
У нас ишан-грабитель есть, чужим имуществом богат.

Твердят: юристов нет у нас. Но выйди на Сенной
базар —
Тебе, как сено и овес, продаст законы адвокат.

«У вас и медицины нет!» — враги охаивают нас
Но это ложь! Больных у нас ясином ревностно морят.

Не уйдем!

Нам черносотенцы твердят: «Покиньте вы свою
страну.
Султан дарует вам права, а здесь вы в рабстве
и плену».

Нет, не уйдем! Нам плохо здесь, но там похуже будет
нам,—
Пусть здесь на каждого — шпион, раз в десять больше
будет там!

Пусть на жандармах фески там, а не фуражки,— ну
и что ж?
Там те же плетки в их руках, от них спасенья не
найдешь!

У нас на воре — вор, и там полно чиновников-хапуг;
И там богач у мужика последний грошик рвет из рук.

И здесь беда, и там беда,— уж лучше нам остаться
здесь;
Зачем из пламени в огонь, зачем из пекла в пекло
лезть?!

Переселяться? Но сперва перенесите вы туда
Все наши прошлые века, селенья наши, города!

Здесь родились мы и росли, здесь смертный обретем
покой.

Нам эту землю дал навек сам бог могучий, всеблагой!

Свободная Россия — вот за что мы бьемся день за днем.
Нет, свора черная, не нам бежать, покинув отчий дом!

Вам, черносотенцы, даем свой ясный письменный ответ:

«К султану убирайтесь вы,
А нам туда дороги нет!»

1907

Богачу, спекулирующему типографией

Я думал: стал он добряком и свет несет невежде...
Но нет, свинья ты — и в грязи со всех сторон, как
прежде!

Он, типографию купив, стал честным — мне казалось...
Какой ты честный человек? Ты пустозвон, как прежде!

Идет он праведным путем, душой он чист — я думал..
А ты не ведаешь стыда и обнажен, как прежде!

Я думал: он теперь боец на ниве просвещения...
Увы, ты на руку нечист, ты загрязнен, как прежде!

Я полагал: он щедр, богат и дело двинет в гору...
Ты жаден, славою своей ты упоен, как прежде!

Своим богатством, думал я, поможет он народу .
А ты бесчувственный Немврод, ты фараон, как прежде!

«Я нужды нации постиг!» — ты хвастаешься ныне...
Увы, ты подлый толстобрюх, ты скорпион, как прежде!

*

Но погоди, придет расчет за ложь и святотатство!
Тебя за гробом не спасет несметное богатство.

Зачем народом ты играл? Зачем ты лгал татарам?
Ты, видно, их считал своим кожаным товаром?

Настанет Судный день, о друг, и грянет гнев
господний,
И ждут прихода твоего жаровни в преисподней.

Там не прельщается судья постыдным звоном злата,
Там ты продажного вовек не встретишь адвоката.

Пусть ноги высохнут твои! Ты нашу честь порочишь,
Ты наше солнце заслонить во имя мрака хочешь.

Ты сам погаснешь, дуралей, а солнце будет ясно
Светить по-прежнему — оно тиранам неподвластно.

Уйди, бумагу не марай! Оставь литературу!
Ты, как собака на стогу, рычишь и лаешь сдуру.

1907

Наставление

(По Лермонтову)

Послушай! Не люби! Храни свободу,
На девушек смотреть не смей ты сроду

Беги же от любви, скорей спасайся
И душу от нее замкнуть старайся!

Она вскружит твой ум, к себе привяжет,
Отнимет волю, быть слугой прикажет,

Лишит дыханья, без души оставит,
Тяжелою горой тебя придавит

И будет всё расти, границ не зная,
Иссохнешь ты — ей пищей кровь живая!

С красавицей тебе соединиться
Дано Блаженство долго не продлится.

С годами станет тяжкою судьбою,
В висках застынет злою сединою,

Что повелит прикрыть печалью веки —
Знак верный расставания навеки

С любимой. В дни, что жить тебе осталось,
Ты ощутишь в себе лишь грусть и жалость.

И вот она лежит на смертном ложе —
Как сморщено лицо старухи, боже!

Ты поглядишь вокруг с мольбой немою,
Польются слезы горькою рекою...

А если ты и вспомнишь, как, бывало,
Когда-то на щеках ее играла

Жизнь юная, так радостно сияя,
Душа рвалась куда-то молодая,

Коль встанут пред глазами все утехи
Тех лет, веселье, счастье и успехи,

То взор твой затуманится невольно,
От мрачных мыслей сердцу станет больно.

Уж лучше без любимой жить на свете
И не делить ни с кем страданья эти!

Ведь веселее, заглянув в могилу,
«Я одинок!» — признаться Азраилу.

И, чтоб душа твоя не так страдала,
Изведать рану одного кинжала.

Коль ты один — не две души теряешь
И дважды смертных мук не испытаешь!

Из жизни редакции одной газеты

Уж праздник на носу, но в кассе и с огнем
Не сыщешь ни гроша — хоть покати шаром
Как волк затравленный, по комнате своей
Издатель мечется. Гоморра и содом!

Вот авторы пришли и гонорара ждут,
Наборщики стоят, и машинисты тут.
Все бая дергают: «Получку поскорей!»
О боже, нас избавь. как страшен этот суд

Тот всё твердит: «Купить я сапоги хочу». .
Другой: «Ребятам я куплю по калачу».
А третий говорит: «Мне непременно дай.
В деревню, говорит, я завтра укачу».

Издателю как быть? Послушал и рукой
Махнул на все дела, от злости сам не свой
Неистово на всех глазами он сверкнул,
Кивнул он писарю сердито головой

«Конторщик, поживей! Выписывай-ка счет.
Талканову отправь, Шалканов пусть пришлет.
Из Петербурга нам, поди, должны купцы.
Как там... Балканова возьми-ка в оборот!»

«Нет, нет, мой господин. Прислали нам давно.
Забыть про те долги мне было бы грешно
Осмелюсь на чаек червонец попросить
Нет дома сахарку, мучение одно».

Беда издателю! Сошелся клином свет.
Как пасека, жужжит просторный кабинет.
Хозяин, изловчась, скорей на волю прыг,
Но целая толпа за ним пустилась вслед.

Пришло и празднество, хвала ему и честь
Народ валит с утра, куда валит — бог весть.
Тот на коня вскочил, кто весел и богат.
А вам, наборщики, в калошу впору сесть.

Бедняги, жалко вас. Так горек ваш удел,
На вашем месте быть никто б не захотел.
Ведь вам и праздники и будни — всё равно.
Смешно ли это всё? Нет, братья, не смешно

Мой друг, татарину вся пресса ни к чему:
Ему трактир нужней, гони вино ему!

1907

Уподобление

Старуха глупая и старая кокетка — в одном обличье
два лица
Немного пудры и в коробочке румяна — таким забавам
нет конца!

1907

Праздник в детстве

Какой не загрустит поэт, припомнив детства дни?
Но нам и грусть о них сладка, так любы нам они.

Печаль моя всего острее предпраздничной порой:
Играть хочу, как встарь играл, с друзьями-детворой.

Припомнишь праздника канун, когда, со сном борясь,
Ждал той зари, что и досель, увы, не занялась.

Припомнишь ичиги, белье, дню торжества под стать,—
Я клал обновки в головы, когда ложился спать.

И как перед зарей всегда тебя вдруг сморит сон...
Но праздник — он с тобой и здесь — и в сновиденье он!

А поутру — о, голос тот! — бывало, будит мать:
«Мой мальчик, праздник наступил, пора, голубчик,
встать».

И я лечу во весь опор, во всю ребячью прыть
Как упоен, как счастлив я! Какое чудо — жить!

Когда с веселою душой я покидал мечеть,
Как вкусен праздничный баран, как пряно пахнет
снедь!

Припомнишь всё, и вдруг глаза становятся влажней,
О, эти слезы, о, пора неизгладимых дней,

Когда, казалось, небеса сияют для земли,
Два солнца вместо одного сейчас над ней взошли!

Убавь года мои, господь, прошу я наконец,—
Кто мне поможет, если ты откажешься, творец? —

Чтоб в праздник показалось мне, что я дитя опять,
Вновь беззаботно я могу смеяться да скакать.

1907

Кодекс одного шейха

Твердим, всевышний, знаешь ты: в добре всей
жизни смысл —
Красотка, курица, каймак, конина и кумыс.

Джадиды упрекают нас, но мы стоим на том.
Пятью благими «К» тебе мы все хвалу поем!

*

Да будет далека от нас соблазнов всех рука
И да пребудут с нами пять, пять вечных этих «К»!

1908

Из турецкого

(Мудрые слова)

Можно стать и слоном, если тело раскармливать в
тушу,
Можно ангелом стать, возвышая учением душу.

1908

Не впервые

Есть такие звездочеты: не посмотрят вниз ни разу,
Только звезды интересны их изысканному глазу

О материях высоких философствуют упрямо,
А не видят под ногами у себя глубокой ямы!

1908

Украденный смысл

Я спросил его однажды: «Как дела твои, поэт?»
— «И не спрашивай, дружище, испытал я столько
бед!»

«Что случилось, мне поведай, горькой правды не таи.
Я хочу узнать скорее, кто обидчики твои?»

«Гадят братья стихотворцы, скажем без обиняков,
Для своих писаний мысли из моих крадут стихов.

Так усердствуют злодеи, что из всех моих поэм
Испарились все идеи, всякий смысл исчез совсем».

От души жалея друга за поруганную честь,
Я решил его творенья для проверки перечесть.

Просмотрел я их прилежно до последнего листа.
Вижу: есть размер и рифмы, но за ними — пустота.

Я воскликнул: «А ведь верно, воры, видно, мастаки:
Не оставили поэту ни одной живой строки!»

Парень и девушка

П а р е н ь

Как мил мне носик твой, твой ковшичек, джаным,
Влюбился, мочи нет, с ума сведен я им.
Твой ротик-ситечко дозволю поцеловать.
Я б жизнью заплатил за эту благодать.

Д е в у ш к а

Подобных пакостей и слушать я не стану.
Ишь, гадкий, иль в самом уж нет ни в чем изъяну?

П а р е н ь

Смени на милость гнев, моя Гайниджамал,
Тебя унижить я нисколько не желал.
Ведь всех красавиц ты милей, моя душа,
Но как в семействе жить без сита и ковша?
Тебя ж заполучив, гроша на них не трачу:
Ведь сито я и ковш беру с тобой в придачу.

1908

Пускай смеется!

«Ты зря гуляешь с девушкой той,
Не любит ведь, смеется над тобой»

«А это, брат, забота не твоя,—
Пускай смеется, счастья не тая!

Пускай блестит зубов ее краса,
И землю озарив и небеса!»

1908

Поэт

Пускай с годами я состарюсь и согнусь,
И поседею я, и сил совсем лишусь,
Но не состарятся душа и юный пыл,
Мой дух останется могучим, полным сил.

Огонь поэзии, гори в душе моей!
Хоть стар — но гору подниму потяжелей.
В душе моей всегда светло, всегда весна,
В душе поэта быть зима и не должна.

Пускай состарюсь, но сидеть не стану, нет,
Молитвы жалкие твердя на склоне лет.
На печку теплую, бог даст, не влезу я —
Согреет пусть меня поэзия моя!

Петь буду я и в час свой смертный — так привык,
Петь буду, даже Азраила видя лик,
«Уходим мы, вы остаетесь!» — буду петь,
Хотя мой прах уже землей покроет смерть.

1908

Правда и Ложь

Говорят, когда на свете лишь одна была вода,
Ложь и Правда на просторе в волнах плавали тогда
И господь двух спорщиц этих наградил одной ладьей.
И они друг против друга сели в лодочке одной
Но плыла совсем недолго рядом с Правдой в лодке
Ложь:

Ведь когда нет дружбы — тотчас все хватаются за нож
Ложь рукой могучей Правду как ударит — ну и нет
Больше Правды: утонула, и ее не видит свет.

1908

В грустную минуту

(На мотив «Все говорят»)

Пропал я, мальчишка,
Эх, горе да беда,
Уж кровь моя горячей
Не будет никогда.

Душа моя слабеет,
И я совсем зачах.
Нет ни жены, ни дома,
Живу я в номерах.

Я стал желтей шафрана,
И ямы этих щек
Уж никогда, наверно,
Не округлит жирок!

1908

Ей

Ты сказала: «Поэта я буду женой»,—
Но тебя недостойн избранник твой.

Ты мечтала: «Все песни он мне отдаст,
И одна я лишь буду внимать им всласть...»

Если думала так, не горюй, не скорби,
Лучше в лавку ступай, соловья купи,

Запирай его в клетке, пусть там поет,
Пусть, тебя забавляя, в тоске умрет.

1908

К ...

Как-никак он байский отпрыск, ты его не обижай,
Если, лестницу приставив, этот коротышка-бай

Целоваться вдруг полезет, изловчится как-нибудь...
Поищи в его кармане ключ от кассы — не забудь!

1908

Странная любовь

Один человек в очень знойный час
«Жара, говорит, искупаюсь сейчас».

Вот снял он одежду,
Ведерко поднес,
Хотел оплеснуться,
Но... мимо пронес.

Капли не вылил, не то что до дна!
Бойтся бедняжка: вода холодна

То ставит ведро, то поднимет ведро —
И так и сяк примеряет хитро,

Но дрожь по телу — аж зуб на зуб,
Пока не взъярился и в сторону — хлюп!

*

Вот такова и моя любовь:
Сердце к любимой всё тянется вновь,
Грежу красавицей наяву,
В сновидениях стоном зову,

Жить без нее, друзья, не могу,
Но только увижу, как заяц бегу
Встречусь случайно, зажмурю глаза,
Словно меня опалила гроза;
Стихи напишу о лучах этих бус,
А подписать этот стих боюсь

Слышал я, дорогие друзья,
Отбыла будто царица моя.
Где уж там быть от нее письму!
Не знает меня, я рад и тому.
«Не знает» сказал. А может — как знать? —
Виду не хочет лишь показать?
Сам я об этом и знать не хочу!
Стих ей под ножки стелю, как парчу.
Райским блаженством я истеку,
Если пройдет она по стиху.

1908

Надежда

О, взойди, светило мысли! Туча, прочь уйди скорей!
Совесть мертвую, о солнце, оживи, лучом согрей!

Сбился я с дороги верной — протяни мне, солнце, нить!
Вкруг меня бушует пламя. Как его мне погасить?

Пропасть гибели ужасна — всё во мне разорено.
Пусть же мысль веревку бросит злополучному на дно.

Мой светильник несравненный, драгоценная свеча!
Что мне светочи вселенной, если ты не дашь луча?!

Дни прекрасные рождая, лей свое сиянье ты!
Пусть в саду моем пылают счастья алые цветы.

Я сейчас во тьме блуждаю, пусть растает сумрак злой.
Пью не воду — яд глотаю, ем не хлеб, а прах земной.

Как слепой иду, и вязнут ноги — тяжело мне бродить
И лягушку вместо птицы неудачливо ловить.

Тьма сплошная. Я не вижу, где восход и где закат.
Я с врагом дружу, а друга, как врага, ударить рад.

Чтоб ко мне душа вернулась, освети мои пути!
Помоги мне, о светило, след потерянный найти!

Не зашло мое светило, верю в ясные года,
И моя проснется совесть, не уснула навсегда.

Нет, душа не будет низкой, высота — ее удел,
Знайτε все: орел могучий на овин случайно сел!

1908

Жизнь

Не поникай в несчастье головою!
Что не случится с юными порою?

С кем только жизнь в злой распре не бывала?
В борьбе ты ей не уступай нисколько!

Она — одна, один ты перед нею.
Рази, сказав: «Я с нею спорить смею!»

Что б ни было — внемли сраженья кличу! —
Возьмешь с победой ценную добычу.

Пусть жизнь, как тигр, и хищная и злая, —
Пред тигром лев стоит, не убегая.

Не всякий стон — у смертного порога, —
Заблудшимся откроется дорога.

Изнемогай, но не теряй отваги!
И помощи не жди себе от скряги.

Пускай им будет подана крупица, —
Потом в хулах он не угомонится

К вершине счастья подымаясь смело,
Знай, мощь твоя помочь тебе сумела.

Красавице с некрасивыми зубами

Вьются парни молодые вокруг меня — отбою нет.
Умоляют полюбить их, мне от них покоя нет.

Растерялась я, не знаю — что же делать мне сейчас?» —
Так, притворно огорчаясь, похвалялась ты не раз.

Разогнать парней ты хочешь? Так и быть, я дам совет:
Для тебя-го это просто, легче легкого, мой свет!

Как появятся, ты только улыбнись во весь свой рот —
И тогда к тебе — ручаюсь — ни один не подойдет.

1908

Твоя рука

Мой друг, в моей руке легла твоя рука.
Святую чистоту дала твоя рука.

Как рыбка светлая из солнечных лучей,
Как сердце ангела, светла твоя рука.

Отравлена душа, ее излечит яд,
Противоядие от зла — твоя рука.

Коснувшись сердца, ты не выпустишь его —
Ведь сетью мне всегда была твоя рука.

В ней — радости исток: мечтал я о реке —
Мне море счастья принесла твоя рука.

Я, взяв ее, сумел подняться до небес,
Меня на высоту вела твоя рука.

Как райский тополь, прям твой легкий, гибкий стан,
Как лист его — легка, мила твоя рука.

Сказал я как поэт, но ты поймешь меня,
Поэта вдохновить смогла твоя рука.

Тебя превозносить я мог бы без конца,
Но лучшая тебе хвала — твоя рука.

1908

О журнале «Яшен»

«Молния» — «Яшен» — сверкает в облаках народных
бед.

Может, благодатный ливень хлынет молнии вослед?

Пусть объятый тьмой дорогу озарит мгновенный свет!
Пусть в испуге стих Корана шепчет тот, в ком сердца
нет!

1908

Когда в Москве тобой займутся...

Хаджи, утратишь ты покой, когда в Москве тобой
займутся.

Скажи, ответ ты дашь какой, когда в Москве тобой
займутся?

Своим богатством возгордясь, не мог ты в мире
поместиться —
Ты ограничишься тюрьмой, когда в Москве тобой
займутся

В гостях у кумушек ругал театр и молодежь нещадно,
Тебя одернут: «Князь, стой!», — когда в Москве
тобой займутся.

Твои милейшие друзья, благочестивейшие муллы,
Не захотят дружить с тобой, когда в Москве тобой
займутся.

Тебя те самые дружки, с кем ты строчил свои доносы,
Упрячут в камере сырой, когда в Москве тобой
займутся.

Пускай таким, как ты, пока не хуже рая здесь живется —
Жизнь превратится в ад сплошной, когда в Москве
тобой займутся.

Сейчас ты глух к моим словам, от них совсем не
ждешь ты прока.
Совет, однако, вспомнишь мой, когда в Москве тобой
займутся.

Ты понабрал себе гарем — одной жены, как видно,
мало.
В тюрьме не будет ни одной, когда в Москве тобой
займутся!

1908

К портрету

Этих глаз, бровей девичьих на земле прекрасней нет,
Честь и слава живописцу, написавшему портрет.

Ну откуда взять ей было смоляных волос поток?
На прелестную головку погляди, великий бог!

Солнце, солнце! Ты стыдиться станешь бледности своей,
Посмотрев на эти щеки, спелых яблоков алей.

Если б верному Меджнуну показать портрет могли,
Он немедленно забыл бы несравненную Лейли.

Если б вдруг во время оно был в раю портрет такой,
То Адам не из-за Евы потерял бы свой покой.

Коль Харуту и Маруту улыбнулась бы она,
То тогда на путь разврата их не сбил бы сатана.

Если кто поцеловал бы губы сладкие хоть раз,
Он бы сделался бессмертным, как пророк Хызыр Ильяс.

Дьявол сам, ее увидев, головою бы поник
И с повинною к аллаху поспешил бы в тот же миг.

Если б ей не посвящали песни лучшие свои,
Пусть бы пропадом пропали все на свете соловьи.

Жалоба муллы

(По «Молле Насреддину»)

О аллах! Слуга твой верный стал теперь унылой
тенью,—
Ведь привык я, чалмоносец, к уваженью и почтенью.

Жил в довольстве и богатстве, белый свет казался
раем,
Находил везде опору, всеми был я уважаем.

Белым черное когда-то называть я мог спокойно,
Средь приверженцев ислама жил почетно и достойно.

Всяк заботился в те годы о своем насущном деле,
Нас, как в нынешнее время, осуждать тогда не смели.

Разве требовал я много? Лишь положенных молений
Да священных омовений после нужд и отправлений.

«Просвещение!» — возвещают узкобрючные пророки
И, неверным уподобясь, проповедуют пороки.

И от их речей безбожных стал народ неблагодарен:
Пробудился от дремоты, поднял голову татарин.

Было время! Жил я праздно средь обжорства и
обмана,
Но чистейшими считали всех служителей Корана.

Тех, кто ложь мою заметил, мог смирить и запугать я
И на головы правдивых сыпал грозные проклятья.

Ну, а ныне верить стали развращенной молодежи
Даже те, кому когда-то был ислам всего дороже

Было время! Половил я рыбку в мутной той водице!
Ах, невежества былого век, увы, не возвратится!

1908

Совет

Мой милый друг! Вот мой совет. Послушай!
От всех людей свою скрывай ты душу.

Что скрыто в ней — один на свете ведай
Один тоске и светлой мысли следуй.

Храни в душе то, что душе — услада,
И лишних слов произносить не надо

Себя лишь люди чтут самолюбиво,
Твой плач им — смех, сочувствие их лживо.

Как от волков, от хищников, от зверя,
Беги от них, моим советам веря.

Открыв им тайну, скрытую глубоко,
Услышишь смех да возгласы упрека.

Мчись от похвал ты пташкою: на свете
Хвала сулит капканы лишь да сети

Когда тебя скорей настигнут грозы,
Что душу облегчит? Одни лишь слезы

Укромный кров найти себя принуди,
Младенцем плачь там, где не видят люди.

Когда ж тебя они приметят — что же! —
И тут совет, дружище, дам я тоже.

Скажи: «Как странно! Что-то пухнут веки
И слезы льются, льются, словно реки».

1908

Любовь

Не бывать цветам и травам, если дождик не пойдёт.
Что ж поэту делать, если вдохновенье не придёт?

Всем известно, что, знакомы с этой истиной простой,
Байрон, Лермонтов и Пушкин вдохновлялись красотой.

Ведь пока не искромсает сердца нам любви клинок,
Что такое наше сердце? — Просто мускулов комок.

От зубов твоих слепящих я стихи свои зажег.
Разве жемчугу морскому уступает жемчуг строк?

Всех сородичей-поэтов я оставляю позади.
Бич любви, свисти нещадно и вперед меня води!

Я б от царства отказался. Что мне толку в царстве
том?
Чем над миром быть владыкой, лучше стать любви
рабом.

О, как сладки муки эти, муки тайного огня!
Есть ли кто-нибудь на свете понимающий меня?

Нет! Со мной из всех влюбленных не сравнится ни
один.
Я люблю стократ сильнее, чем Фархад любил Ширин.

Отчего?

Отчего носы зажаты, вонь — спасенья нет — сегодня?
Вы не знаете? Отвечу: «Молот» вышел в свет сегодня

Отчего коровы нынче разглагольствуют, как люди?
Сам Байбурин вышел с речью — вот и весь секрет —
сегодня.

Отчего коты на крышах так мяукают усердно?
Нос в «Шуро» отважно сунул Башири-поэт сегодня.

Отчего спокойно в мире, даже псы нигде не лают?
Босниею подавилась Австрия в обед сегодня.

Отчего Коран священный лижут глупые телята?
Шахиншах раз пять, не меньше, всё давал обет сегодня

Отчего в чалмах вороны суеются на кладбище?
Некая пивная бочка скисла в цвете лет сегодня.

Отчего во всех лавчонках есть бумага на завертку?
«Слово верного» издатель продал воз газет сегодня.

Отчего в пивных кровища хлещет из носов татарских?
Праздник жертвоприношенья начался чуть свет сегодня.

Памяти Мухамед-Загира

Спи безмятежно в могиле, ты не забыт, не угас.
Не оцененный при жизни, ныне ты дорог для нас.

Первым шагнул ты и первым к свету пути проторил,
С болью, с любовью, с отвагой наши пороки раскрыл.

Зря утверждают: ты умер,— нет, зажигая сердца,
Имя твое сохранилось, славное имя борца!

Эх, если б горькая доля прямо сказала тебе:
«Юный джигит, поднимайся, я не преграда в
борьбе!» —

Ты бы народ наш пораньше к правде направить сумел,
Сколько б успел совершить ты полных величия дел!

Но и теперь твое имя светит народу в пути.
Вместе с народом ты будешь жить, возвышаться,
расти.

Националисты

Мой татарский народ, ты на смерть осужден.
Не поможет лекарство — ты ядом сражен.
Не брыкайся, смирись, не валяйся в пыли,
Не откладывай больше своих похорон.

Уверенья националистов — обман:
Не поправишься ты от бесчисленных ран.
И бормочут ясин над тобою ханжи,
Лишь надеясь обчистить твой тощий карман.

От болезни спасти тебя жертва должна.
Не подделка, а святость Корана нужна.
Если тонет корабль, для спасенья его
Жертва морю — душа без изъяна — нужна.

Но пугается моря националист,
Хоть о дружбе с народом болтает, речист.
Он труслив, хоть и дуется словно индюк,
Прокричит — и замолкнут шипенье и свист.

Не обманывайся: сочтены твои дни,
Эти все «патриоты» — шакирды одни!
Всё равно им, хоть пропадом ты пропадай,
Пустомели, шакирды, шакирды они!

Это чистая правда, открытая всем.
Бесполезно скрывать ее. Да и зачем?
Вся их верность народу лишь в том состоит,
Чтоб читать умирающим баям хатем.

О народе болтают они? Плутство!
Для шакирда народ — это брюхо его!
Если ты и воскреснешь, тебя они вновь
Повалить постараются прежде всего.

Не проси исцеленья у гнусных пролаз,
Неподкупный борец — вот кто нужен сейчас!
Постыдимся же в Мекку без жертвы идти
И не сделаем без омовенья намаз.

1908

Что за цена красе твоей?

Что за цена красе твоей, коль страсть она в ответ не
будит?

К чему цвести цветку полей, коль соловьем воспет не
будет?

Лишь в пламенной душе певца твой образ истинный
сокрыт,—
В холодном зеркале, поверь, твоих живых примет не
будет.

Пускай красавица Лейли: но не оценит мир ее,
Коль воспевать ее Меджнун, страдая много лет, не
будет!

Пусть образ твой непогрешим — что за царица будешь
ты,
Коль сладостным рабом твоим хотя б один поэт не
будет?!

1908 ,

На память

О поэт, храни прилежно чувства тайные твои,
От людей свое призванье утай ты, утай!

Пусть останется неведом им могущества исток,
Чтоб никто из них увидеть образ истинный не мог.

Ты всегда имей в запасе сотни всяческих одежд,
То безумным представляйся, то шутом в кругу невежд.

Говори не слишком много — пусть другой поговорит!
Улыбайся лишь затем, что неприличен хмурый вид!

А поэзии коснутся — на другое спор сверни,
Чтоб в святилище поэта не смогли вступить они.

Ты живи своею жизнью, избегая суеты,—
Шум бесплодный чужд поэту, от него скрывайся ты!

Будь кем хочешь — я не спорю, облик выбери любой.
Одного лишь опасайся: это быть самим собой.

Быта мелкие заботы ты не должен даже знать,—
Птицы, запертые в доме, отучаются летать.

Никогда твоим не будет славы лавровый венок,
Если к золоту пристрастья ты убить в себе не мог.

Не сгибайся! Ты огромен в этом мире мелкоты.
Падишах ты! Пусть в поклоне мир согнется, а не ты.

[illegible]

1908

Ответ

Пушкин — море, море — Лермонтов. В небе вечности
сверкай,
Негасимое созвездие: Пушкин, Лермонтов, Тукай!

Ты ж язык свой длинный вытянул, а до звезд достать
невмочь,
Не старайся, не дотянешься — уходи, собака, прочь!

Убирайся, но прислушайся к слову, сказанному мной:
Лай весь век на звезды яркие — не погасишь ни одной.

1908

Ода

Лишь вышло солнце — мир лучистый засверкал.
Так Гиззатуллина: лишь вышла — счастлив зал.

Всевышний подарил им равный блеск лучей:
Ему играть среди туч, играть на сцене — ей.

26 мая 1909

* * *

Люби ты жизнь, люби народ, пойми его стремленья,
Да, мы умрем, но надо жизнь прожить без сожаленья.

С душой широкой, не считай хулу бедой большою,
Пусть топчут, бьют, но с чистой будь, несломленной
душою.

1909

Сердце

Надламывайся и гори! Тебе не внове, сердце!
Дороже целого творцу надломленное сердце.

Мир говорит мне: «Одари меня плодами сердца!»
Но разве могут зреть плоды, когда погасло сердце?

Терпенья покажи пример, броней будь одето,
К превратностям людской судьбы привыкшее сердце!

Свети, сверкай, как надлежит сверкать сердцам поэтов,
Запятнанное до сих пор, заржавленное сердце!

Не жалко было б умереть сто раз за цель такую,
О благородное, к борьбе стремящееся сердце!

Пора, пора, расправь крыла и ввысь взлети, ликуя,
С рожденья к светлым небесам стремящееся сердце!

Да, ты pomoжешь и спасешь, твои несчетны силы,
От страшной пропасти меня избавившее сердце!

Лишь человечность бы свою навек ты сохранило,
С такою мукой за нее боровшееся сердце!

1909

Колебания и сомнения

Чуть я шорох где заслышу, страх мне сердце обожжет,
Всё мне думается — совесть упрекнуть меня идет.

Ни с утра не вижу дела, ни в вечерней тишине,
С указанием, что мне делать, лишь злой дух идет ко
мне.

Что свершил на этом свете? Право, не на что
взглянуть!
Только ясно мне, что где-то мимо — настоящий путь.

В песне есть ли толк народу, не пойму я никогда.
Кто — шайтан иль ангел света с песнями идет сюда?

А профессию поэта, видно, мне дано узнать,
Что ни год, то новый сборник у меня идет в печать.

Всё несносно мне, и в сердце ощущаю ада зной.
Лишь когда стихи слагаю, райский страж идет за мной.

Стихотворная страница лучше всех блаженных снов,
Сад она, откуда слышен райской девы нежный зов.

Но когда стихи печатать наступает грозный час,
Я свое поставить имя не желаю напоказ.

Напечатанное видя, недоволен я собой:
Что в стихах несовершенно — вечно злой идет гурьбой.

Иногда я на любое счастье надежды рву,
И тогда звезда восходит — та, что счастьем я зову.

В небесах моих сверкая, исцеляет злой недуг,
Как подруга молодая, словно самый близкий друг.

1909

Свобода женщин

(По В. Князеву)

Свободу женщине! Горю желаньем женщинам
помочь.

Об этом думать я готов и день и ночь, и день и ночь

В своих намереньях я тверд. Коль надо, я пойду на
бой

Да, я за женские права готов пожертвовать собой.

Шагайте, женщины, вперед! В защиту выступи, печать!
Ведь притеснителей давно пора расстреливать начать!

Народы мира, дайте путь, склонивши головы сперва...
Мир женщин, здравствуй! Наконец ты обретешь свои
права.

Пора нам тучи разогнать, которым имя — чапаны.
И все мы эти чапаны собакам выбросить должны.

Пусть будут женщины — цари! И мудрецы! Долой
обман!

Пусть силы женские рекой текут в прогресса океан.

Учись, пиши и познавай.. О половина наша, ты
Одна сумеешь нам помочь достигнуть должной высоты.

*

Жена, послушай, мне пора. Подай-ка брюки поживей.
Да нет, не эти! Погляди — они все в пятнах, ей-же-ей!

И эти — тоже! Ведь сказал, что ты их вычистить
должна.
Сто раз мне, что ли, повторять? Корова ты, а не жена!

1909

Вспоминаю

Вспоминаю годы детства, пору самых первых дум,
Как смеялся я невинно, как любил забавы, шум.

Вспоминаю, как о счастье я мечтал в ночной тиши,
Как я ждал его прихода в глубине своей души.

Вспоминаю, как явилась в первый раз любовь ко мне,
Как заплакал от восторга я, горя в ее огне.

Вспоминаю, как любил я, как неловок был, несмел,
Как, сказав «люблю» в смущенье, до ушей побагровел.

Утекли года, как воды, в сердце нет того огня,
Равнодушным и спокойным стало сердце у меня.

В нем тревог былых, волнений не осталось и следа,
Только грусть воспоминаний сердце будит иногда.

1909

Старье в номерах

Мы их встречаем в коридорах провинциальных
номеров.
В походке важной, в разговорах в них старых узнаем
козлов.

Навыпуск длинные сорочки, без брюк и без
воротников...
И со штанов висят цепочки и от часов, и от брелков.

1909

Ишан

Закрыл глаза, согнул свой стан, намотан на башку
 тюрбан,
 Как сена стог на голове,— хоть и скотина, а ишан.

1909

Современные женихи

Юноши, пока их души не замызганы, чисты,
Ищут жен месяцеликих, несравненной красоты.

Промётав потом наследство и изведав жизни гнет,
Будут сватать и старуху, был бы, главное, доход!

1909

Мингадж

(Эпиграмма)

Мингадж все камни соберет и школу возведет,
Мингадж на свадьбу позовет, счастливец заживет!

Фундамент есть, но зданию всё ж едва ль увидеть свет!
Жену не трудно раздобыть, а школы нет как нет!

1909

Гласный

На выборах я не зевал, и вот я избран гласным.
Я важным выгляжу теперь, величественным, властным.

За интересы мусульман я стал бороться страстно:
Я с новой силой захрапел — теперь уж... громогласно!

1909

Проявляет

О, хитрец! На виду благочестье в речах проявляет
И стремленье к добру, как порочности враг, проявляет.

Оскверняя развратом места, посвященные богу,
Благонравье и скромность у всех на глазах проявляет

Если брюху его не враждебны веленья господни,
Он покорность Корану в житейских делах проявляет

Если, высказав истину, он не потерпит ущерба,
То тогда правдолюб прямоту на словах проявляет.

Одолжаясь, не помнит о мире загробном: ссужая,
Преисподней грозит, щепетильность в долгах проявляет.

Ты не нужен ему — он с тобою безмерно надменен;
Станешь нужен — вниманье в учтивых тонах проявляет.

Не прикурит он первым — протянет товарищу спичку:
Дескать, другу почет и в таких мелочах проявляет.

Наливает он поровну всем, у друзей угощаясь,
Будто он справедливость всегда на пирах проявляет.

Абдулхамид

Кто роет яму для своего народа,
сам в нее падает.

Арабская пословица

Тридцать лет народ ты мучил — был он темен и
забит.

Всё, что турок освещало, ты тушил, Абдулхамид.

Подрубал свободы корни — плакал весь народ навзрыд.
Перед миром опозорил мусульман, — позор не смывает.

Тридцать лет ты для народа яму рыл, Абдулхамид.
И — бултых! — султан турецкий в эту яму сам летит.

1909

Муллы

Таскаются к каждому на бялиши, проводят в
безделии дни.
Лишь небо молить о спасенье души да клянчить
умеют они.

Ни света в сердцах, ни чести в делах,— знать, совесть
покрылась жирком
Твердят: «Сохрани от шайтана, аллах!» — а он на них
ездит верхом.

И если душа благородна, горда — с презреньем
отвергнешь их ты, —
Настолько ленивы и тупы всегда духовные эти скоты!

1909

Спокойствие семьи

Что нужно для того, чтоб в доме всегда царил
покой?

Одно: чтоб у слепого мужа жена была немой.

1909

Опозоренной татарской девушке

Словно листья, желты твои щеки,
Ты стоишь на углу у столба...
Погляжу — и сжимается сердце,—
Как печальна такая судьба!

Псом приبلудным, подстреленной птицей
На прохожих ты смотришь с тоской.
Губы шепчут беззвучно проклятья..
Подлый бай! Но который? Какой?

Все они таковы. И наверно,
Даже ангелу вырвут крыло.
Не моргнув предадут тебя аду —
Их такое не трогает зло!

Твоего я обидчика видел:
Как всегда, развлекается, пьет,
Что ему до тебя, до того, что
На позор твой глазеет народ!

Ты стоишь — и не видишь поэта,
И не знаешь, что мимо тебя
Он проходит с истерзанным сердцем,
О судьбе твоей горькой скорбя.

Влюбленный

Ты видишь, как он балагурит, и шутит, и хохочет,
А он ведь попросту скрывает печаль, что сердце точит.

Все говорят: «Веселый малый!», дивятся острословью,
Им невдомек — не видно дыма! --- что он сожжен
любовью.

Но вот возлюбленная входит... Он рад, конечно, встрече,
Но как смутился наш влюбленный! Где смех? Где
красноречье?

Лицо меняется мгновенно, краснея и бледнея,
И опускаются невольно его глаза пред нею.

Он, гурию свою увидев, дышать не в состоянье,
Так Моисея ослепило небесное сиянье!

До шуток ли ему? Ведь милой молитву он свершает...
Шутить — раз приступил к намазу — ислам не
разрешает.

В часы раздумий

(Из дневника)

Если тему нашел, то начала никак
Не могу отыскать, попадаю впросак

Бесполезен замок, если он без ключа.
Если лесенки нет, для чего каланча?

И ладью без весла не доверишь волне
Так и мысли мои погибают во мне

Мелют критики вздор, презираю их суд,
Но бывает, меня ошарашат, сомнут

С постижением истины мне не везло
В толк пока не возьму — где добро, а где зло.

Много истинных мыслей в душе перебрав,
Сомневаюсь я всё еще — прав иль не прав?

Боже! Истиной благодистой горе развей!
И сомнения пот осуши поскорей!

Пусть от скверны очистится мой небосвод,
Грудью я проложил бы дорогу вперед.

1909

Из Шекспира

Когда по нежному пушку щеки моей подруги сонной
Гуляет муха, возомнив себя высокою персоной,

На муху с завистью смотря, в отчаянье ропщу я глухо:
«О, почему, всевышний, ты меня не создал этой мухой?»

1909

Книга

Когда душа измучится в борьбе,
Когда я ненавистен сам себе,
Когда я места в мире не найду
И, утомясь, проклятье шлю судьбе;

Когда за горем — горе у дверей
И ясный день ненастной тьмы темней;
Когда в печали блый свет не мил,
Когда не станет сил в душе моей,—

Тогда я в книгу устремляю взгляд,
Нетленные страницы шелестят.
Я исцелен, я счастлив, я живу.
Я пью тебя, отрада из отрад.

И слово, мной прочтенное, тогда
Встает как путеводная звезда,
Бесстрашно сердце, радостна душа,
И суeta вседневная чужда.

И, вновь рожденный чистою мечтой,
«Спасибо» говорю я книге той.
И, распрямленный верою в себя,
Я вдаль гляжу с надеждою святой.

Слава аллаху, субхан-алла!

Меня наставник школьный с детских лет
Учил старинный соблюдать обет:
«Благодарить аллаха мы должны,
Завидя в небе лунный силуэт!»

С тех пор, когда на темный небосвод
Луна, тонка или кругла, взойдет,
Благоговейно на нее смотрю:
«Субхан-алла»,— и сердце обомрет.

Не к божеству ведет моя стезя.
Но забывать обычай! Нет, нельзя.
Ведь иногда те самые слова
От всей души твержу, мои друзья!

Когда в толпе внезапно узнаю
Мою любовь, красавицу мою —
Язык немеет. Где найти слова?
Ведь перед ней как вкопанный стою.

Как новолунье — брови. Как луна,
Лицо сверкает. Как она стройна!
«Субхан-алла,— шепчу,— субхан-алла»,—
О боже, как пленительна она!

Но, девушку заметя, Котбутдин
Или иной невежа Шамсутдин
Вовек не скажут тех высоких слов,
Хоть доживут, профаны, до седин

«Субхан-алла», — твержу я не дыша,
Когда идет красавица-душа.
А что сказал при этом Котбутдин?
Гляди! Во девка! Шибко хороша!»

1909

Вот и вот

Вот глиняный горшок: в нем просто простокваша,
Вот мозг начетчика: в нем силлогизмов каша.

Вот галка на мечеть уселась стражем праздным,
А вот шакирд: уже муллою стал указным

Вот свежий пирожок сыра картошка вроде...
«Тэхри́ре мэрья́т» вот — в новейшем переводе

1909

Чудо

«С той поры, как нет пророка, на земле чудес не
ждут.

Если ты расколешь камень, не появится верблюды» —

Мудрецы так говорили. Но не верьте — это ложь!
Я свидетель сам — и ныне чудеса порой найдешь!

Мой должник сегодня утром тихо стукнул у окна
И без просьбы, без скандала старый долг вернул
сполна!

1909

Родная деревня

Стоит моя деревня на горке некрутой.
Родник с водой студеной от нас подать рукой.
Мне всё вокруг отрадно, мне вкус воды знаком,
Люблю душой и телом я всё в краю моем.

Здесь бог вдохнул мне душу, я свет увидел здесь,
Молитву из Корана впервые смог прочесть,
Впервые здесь услышал слова пророка я,
Судьбу его узнал я и путь тяжелый весь.

Запомнились навеки события детских лет,
Нет времени счастливей, забав беспечней нет.
Я помню, как, бывало, по черной борозде
Шагал со старшим братом я за сохою вслед.

Я многое увижу — ведь жизнь еще длинна
И ждет меня, наверно, дорога не одна;
Но только где б я ни был и что б ни делал я —
Ты в памяти и сердце, родная сторона!

1909

Национальные мелодии

Вчера я слышал — песню кто-то пел,
Ту, что народом нашим сложена
И я подумал: сколько грусти в ней,
Как беспредельно жалобна она.

Она тревожит сердце В ней живет
Татар многострадальная душа
В протяжных звуках — трехсотлетний гнет.
Горька она и всё же хороша.

Да, много тягот испытали мы,
Не сосчитать пролитых нами слез.
Но пламенную верную любовь
Напев свободный сквозь века пронес

Я изумлённо слушал, отойдя
От повседневной суеты земной,
И возникал передо мной Булгар,
И Ак-Идель текла передо мной

Не вытерпел я, подошел к певцу,
Спросил, коснувшись бережно руки:
«Послушай, брат, что ты за песню пел?»
Татарин мне ответил: «Аллюки»

Можно любить...

Можно зиму любить, но жестоки ее холода;
Для дрожащих в тряпье бедняков это время — беда.

Можно лето любить: так заманчивы жаркие дни!
Но для нищих и жаждущих -- адское пекло они.

Можно мир полюбить: степь и горы отрады полны
Но немило мне всё, ибо всюду Адама сыны. .

1909

Моя звезда

С ненавистью, воспоминаниями, горечью
 чрез мир
Прохожу, но израненная душа осиянна
 любовью.

Абдулла Джевдет

Как ни жесток к нам этот мир, он запугать не
может нас.

Где надо плакать — я смеюсь, не опускаю хмуро глаз.

Пусть жизнь моя, как ночь, темна, не жду ни солнца,
ни луны.

Я благодарен и за то, что звезды в небе мне видны.

Я ощущаю тяжесть рук, прикосновенье черных сил,
Но враг мой в сердце у меня святой звезды не погасил.

Нет, нет, горит моя звезда, не меркнет отблеск золотой,
И несомненно, хоть один заблудший той спасен звездой.

Пусть шайтаны слезы льют, пусть кровью плачут день и
ночь,
Но я оставлю светлый след, когда уйду из жизни прочь.

Звездятся в сердце у меня надежды, радости, тоска,
Навеки сердцу моему звезда священная близка.

1909

* * *

Коль хочешь, чтоб тебе в ответ звучали
Все струны сокровенные сердец,
Пусть будет полон твой напев печали,
Про беззаботный смех забудь, певец!

Темно, пустынно, мрачно жизни море,
И ты любому в душу погляди --
Глубокое, сжигающее горе
Таится в человеческой груди.

На лицах озабоченных и ясных
Улыбки. Но в сердца взглянуть сумей —
Там скорбь. А наша жизнь не смех, не праздник,—
Без горя настоящих нет людей.

Но веселится иногда несчастный,
Когда напьется. Рад своей судьбе,
И жизнь бедняге кажется прекрасной,
И выше всех он кажется себе.

1909

Родной язык

О, как хорош родной язык, отца и матери язык,
Я в мире множество вещей через тебя навек постиг!

Сперва на этом языке, качая зыбку, пела мать,
А после — бабушка меня старалась сказкою унять.

Родной язык, ты мне помог понять и радость с малых
лет,
И боль души, когда в глазах темнеет, меркнет ясный
свет.

Ты мне, родной язык, изречь молитву первую помог:
«Прости меня, отца и мать, великодушен будь, мой бог!»

1909

Молитва матери

Ясный лик на небе кажется лучезарная луна,
На соломенные крыши льет сребристый свет она.

Тихо-тихо Спит деревня. Высоко витают сны.
Мертвым сном забылись люди, от трудов утомлены.

И собаки не желают даже вылезть за порог
Лишь в одной избушке светит осторожный огонек

Там старуха бьет поклоны за молитвою святой —
К небу от земной юдоли унеслась она душой.

Вот она, сложив ладони, их приблизила к лицу:
«Осчастливь, господь, сыночка!» — молится она творцу.

Слезы капаят у старой, бледный лоб давно иссох.
Ту молитву неужели не услышит вышний бог?

1909

Татарскому писателю

Ты пиши — а что напишешь, непременно издадут: Урскай созрел — издатель — сборщик податей уж тут..

Но однажды одинокий под могильною плитой
Ты заснешь — тогда не будет друга близкого с тобой.

Тело примет вид ужасный, станут тленом на века
Голова — источник мыслей, властелин пера — рука.

Был ты жив — тогда издатель жадно пожирал твой
 труд,
 Здесь, в могиле, точно так же черви плоть твою сожрут!

1910

Наставление

Когда к тебе приходит нищий с протянутой рукой,
Не оскорбляй его за то, что он нарушил твой покой.

Как ты — он божий раб, и это запомни навсегда!
Беднягу по миру пустили невзгоды и нужда.

Ты видишь мир односторонним — без горя и забот,
А у него — орел и решка, лицо и оборот.

И колесо судьбы вращает богатство, славу, сан,—
Сегодня ты богат, а завтра беднее, чем шайтан.

Имеешь — дай, а нет — ответствуй спокойно, не хуля,
Как знать, быть может, этот нищий старик — пророк
Илья?

1910

Летняя заря

Величаво и спокойно разгорается заря,
А ленивый белый месяц грустно скрылся за поля

Исчезают друг за другом звезды бледные с небес,
Задышал рассветный ветер, зашептал спросонья лес

Открывая взорам дали, поднялся с полей туман,
Словно кто-то снял с природы ночи сумрачный чапан

И озера, терпеливо дожидавшиеся дня,
Засветились зеркалами, волшебством своим маня.

Сплошь в росе, цветы и травы улыбнулись от души
Трели песен соловьиных полились дождем в тиши.

Чтоб на радостную землю поглядеть издалека,
Словно лебеди застыли в синем небе облака.

Что, поэт, прекрасней в мире, чем прозрачная заря?
В эту пору вдохновенья не теряй мгновенья зря!

1910

Вчера и сегодня

Господь, вчера был хмурый день, сегодня, ах, денек
какой!

Душа вчера мрачна, сейчас — сиянье и покой.

Блестает солнце, и в садах цветы раскрылись там и
тут.

Блаженство! Свет! Счастливый час! И пташки божьи так
поют!

1910

Самоубийце

Ты хотел от горькой жизни убежать,
Чтоб от мук сердечных больше не страдать.
Ничего умней придумать ты не мог —
Ты убил себя и спать в могилу лег.

Как жестоко ошибаешься ты, брат,
Ждал спасенья, а обрек себя на ад,
Ведь одна лишь оболочка умерла —
Дух твой жив и живы все твои дела.

Ведь тому, что жизнь была нехороша,
Что причиной? — Нездоровая душа.
Если умер ты, души не исцелив,
Для страданий ты навек остался жив.

Наше тело лишь одежда для души,
Расставаться с той одеждой не спеши.
Если ты бы для кого-нибудь пожил,
Если б руки на себя не наложил,

Вскоре б счастье, божьей милостью, пришло, —
Поспешил ты, совершил большое зло
Лечь в могилу?.. До чего ж ты бестолков!
Кинув шапку, не спасешься от волков.

Голос горького опыта

Привяжусь душой к товарищу подчас,
Не таюсь я, коль слеза бежит из глаз,

С ним делюсь печалью-горем каждый миг,
Что имею и чего я не достиг.

До чего же задушевен этот друг!
Как внимает, понимает каждый звук!

Загляну ему в глаза, а мне в ответ
На лице его зажжется чистый свет.

Вдруг мне голос из сердечной глубины
Говорит: «Не верь, на свете все лгуны!

Видишь — внешность симпатична! Ну и что ж?
Ты напрасно ей значение придаешь!

Он с лица и очень жалостлив и мил,
Но не видно, что в душе он затаил.

Не пленись его сияющим лицом,
Разберись по-настоящему во всем.

Ты поверил другу, чистая душа,
Скорбь сердечную открыть ему спеша,

То твое лишь сердце, сбросив бремя бед,
Излучает, незапятнанное, свет.

Светом тем лицо товарища зажглось,
Ярким отблеском души твоей и слез.

Он же черен, как и прежде, и теперь
Без любви, без человечности, поверь!»

Тут, совсем не понимая ничего,
«Что за голос? — вопрошаю я его —

Голос, голос, молви, чем же ты, родной,
Будешь — ангелом, а может, сатаной?»

Голос «Брось ты гнев и ропот! — говорит,—
Это просто горький опыт говорит».

1910

Иногда

Иногда бывает — в сердце пустота,
Пухом разлетаются мысли без следа.

Всё богатство сердца, клад, что так велик,
До поры до времени прячется в тайник.

И свободно сердце, и в душе покой
И не тягощусь я праздностью такой.

Говорят мне люди: «За дела пора!
Отчего ты в руки не берешь пера?»

«Некогда писать мне, — отвечаю я, —
Времени свободного нету у меня».

Говорю им, против правды не греша.
«С вами ведь случается — денег ни гроша.

Что вы отвечаете? — Мелких нет монет..
Ну, и я отвечу вам: ни минуты нет!»

Вступающим в жизнь

Я знаю, дети, как тоска вас на занятиях томит,
Как бремя школьного труда вас, без сомненья, тяготит.

Бывало, так и я скучал в далеком детстве, вздох тая,
В мечтах свободу я искал, металась тщетно мысль моя.

Прошли нелегкие года. И вот мечта моя сбылась:
Я повзрослел и школьный мир вдруг надо мной утратил
власть.

Теперь я волен, путь открыт — подумал я, во вкус
входя,—
Вот радость! Жизнь передо мной, уж поиграю с нею я!

О, как я буду петь, играть, смеяться и шутить с
судьбой,
Долг за «неволю» школьных лет, поверьте мне, верну с
лихвой.

Пошел я жизненным путем: мне все преграды нипочем!
Но ни свободы, ни добра не вижу на пути своем.

Я не могу идти! Увы, нет радости в таком пути,
И ноги ноют, как на грех отказываются идти.

А призрак счастья манит вдаль и властно требует
спешить...

Но средь ошибок и потерь я всё ж познал, что значит —
«жить».

Жить — неустанно мир творить, искать, труда не
прерывать

И в прилежании своем позора лени не знать.

И каждый должен жизнь пройти по самой трудной из
дорог,

Творцу, народу своему исконный возвращая долг.

Я счастлив тем, что я могу идти по этому пути,
Ведь самый верный в мире — он! Я только им хочу
идти.

Но если вдруг устану я, запнусь, уже готов упасть,
Разочарованно вздохну, на полпути остановясь,—

Я тотчас вспомню светлый класс, своих наставников,
друзей

И к школьным дням помчусь стремглав на крыльях
памяти моей.

Вновь по «неволе» школьных лет тоской душевною горю;
«Зачем я вырос, стал большим?» — с тяжелым вздохом
говорю.

Зачем мой школьный мир святой далек, вздыхай иль
не вздыхай?

Зачем не маленький Апуш, зачем зовусь большой Тукай?

1910

Отчаяние

Скорее плоть покинь, душа, и в небо улетай опять!
Глухой реакции пора вернулась в этот край опять.

На мир, испорченный вконец, о солнце, больше не
свети!
Стань кругом черным, закатись, не сей живую
благодать!

Весну почуяв, о цветы, головок не тяните ввысь!
Дотла сгорите! Вся земля — отныне выжженная гладь.

Исчезни, дружба, навсегда! Исчезни, верная любовь!
Не край Фархада и Ширин, здесь ад, где грешникам
страдать!

Ты, острый ум, работу брось, напрасно ты рожден на
свет!
И ты, настойчивый талант, впустую сил своих не трать!

И вам, болезни, на земле уж делать нечего теперь!
Болезнь реакции на всем свою поставила печать.

Вы руку тянете, рабы, о справедливости моля,
Но до скончания веков свободы вам придется ждать.

Веселье, музыка и смех пускай исчезнут навсегда,—
Землей стенаний стала ты, земля, о благостная мать!

Отныне лги, мое перо, тумань глаза и вздор мели!
Возможно ль на такой земле стихи правдивые
слагать?!

1910

Сожаление

Знал давным-давно я: с виду хороша,
Может быть гнилою изнутри душа.

Как же я с дороги в сторону свернул?
Как же святотатцам руку протянул?

Как же пред собою лицемерил я?
Зубоскальству снова вдруг поверил я?

Почему, влюбленный в солнечную ширь,
Я увяз во мраке, словно нетопырь?

Почему остаться в стороне не мог,
Как звезда на небе, чист и одинок?

Ну а что бы случилось, сделалось со мной,
Там, вдали от мелкой суеты земной?

Там, вдали от мира, долго б я горел,
Чтоб потом погаснуть бог мне повелел

Не уйти из плена. Вечно будет так.
Нету, нету света — безысходный мрак.

Только лицемеры с четырех сторон,
Ни луны, ни солнца — черный небосклон.

Обещал я много сделать дел святых,
Но во тьме крошечной мне не видно их.

Духота какая! Нечем тут дышать.
Что мне дальше делать, надобно решать.

Если хватит силы — мрак тюрьмы покинь,
А не хватит силы — сдайся, сдохни, сгинь!

1910

О своеобразии

Когда о разных нациях мы судим,
Различную оценку мы даем
Природе стран, обычаям и людям,
Но сводим всё к одной черте потом.

Своя у каждой нации примета —
У той, мол, та, у этой, дескать, эта;
О турках говорим: «Храбры, дружны»,
О немцах кратко: «Вооружены».

Наш отзыв о евреях тоже точен:
«Они ловки и деятельны очень».
И, вспомнив о китайцах невзначай,
Мы говорим: «У них чудесный чай».

Мы о французах слышим не впервые:
«Искусные, веселые, живые».
И так об англичанине твердят:
«Он предприимчив и весьма богат».

А если о татарах речь? Тогда ты,
Слов не найдя, бормочешь: «Бородаты...»

Молодежь

Плетется мой народ шатающейся тенью,—
Не вспыхнув, гаснет жар в растущем поколеньи.

В душе, что так вчера для общества пылала,
Теперь ни искорки — там только чад и тленье.

Где тот, кто сердцем чист и, преданный народу,
Пред золотым тельцом не преклонил колени?

Ребенок на пути набрел на побрякушку
И то, за чем он шел, забыл в одно мгновенье.

Вот так и молодежь: лишь золото увидит,
Скорей разбогатеть — одно у ней стремленье.

Торгашеством у нас писатель промышляет,
Едва он написал одно произведение.

Как создана душа у этой молодежи —
Ни крохи мужества, ни капли вдохновенья!

Как верим мы легко в бессилие народа,
Величие отцов забыв без сожаленья!

С народным знаменем мы вышли в путь далекий:
Мол, не свернем вовек с пути освобожденья!

Упали мы, пройдя две-три версты, не боле:
«Не хватит, братцы, сил, пожалуй, и терпенья».

1910

Сибгатуллин

Э тот джигит свой стан как свечу несет.
Нация, слышишь? Тебя он зовет вперед.

Вечно заботится он о твоей судьбе,
Нация! Песнь изрыгает он о тебе.

Трудится он для тебя лишь и день и ночь
Носится, мучится — бегать уже невмочь.

Где же ты, нация, преданней сына найдешь?!
Каждому толстосуму он продается за грош.

Где бы он ни был — о нации трескотня.
Вот он кричит: «Нет писателя лучше меня!»

Нация, что ж ты теперь не идешь вперед?
Слышишь, как он в кабаках о тебе орет?

1910

Неведомая душа

Питаю к людям ненависть порой,
Родится скорбь из ненависти той.

Подспудно в сердце горестном созрев,
Отравой в душу проникает гнев.

Обман изведав и печаль утрат,
Израненное сердце копит яд.

И, с каждым мигом становясь лютей,
Идет войной на мир и на людей.

Отчаянье, сомненья — там и тут
На клочья душу немощную рвут.

В безверье, в гнев я вперед гляжу,
«Всёму конец, всему конец!» — твержу.

Твержу: «Любовь из мыслей изгони —
Ей на земле нет места искони!»

Тут выступает разум трезвый мой,
Вея поверить истине прямой:

«На мир земной взглянуть попробуй вновь —
Ведь не совсем погасла там любовь.

Есть утешенье в этом мире зла,
Оттуда святость не совсем ушла.

Весь этот мир есть колыбель святых,
Но этот мир — он и могила их».

Не верит сердце разуму; оно
Всё той же ярости слепой полно.

Но той порой, как в сердце гнев кипит
И ничего в нем, кроме злых обид,

Неведомая в мире есть душа,
Она живет, лишь благостью дыша,

И, человечность олицетворив,
К себе сзывает всех, кто несчастлив.

В часы бесед нет слов ее теплей,
Раскрыт пред ней тайник души моей.

Ясней душа — как бы Исы она
Прикосновением исцелена.

Слова неведомой — росистый куст,
Зефир — дыханье благосклонных уст.

Случайно ли коснусь ее одежд —
Вскипает сердце радостью надежд,

Как будто ангел, в таинстве святом,
Его коснулся ласковым крылом.

Рекою слезы проливаю я,
Сомнений путы разрываю я.

И вот, избыв проклятия печать,
Льет сердце вновь любовь и благодать.

1910

Последние слезы

Любовью тайной укрощен, весь я сгораю, как трава.
А было время, был и я сильнее и смелее льва.

Судьба и счастье шли всегда желаниям наперекор.
И демон бы не снес того, что я сносил до этих пор.

Ты вздрагиваешь, как дитя, при каждом восклицанье
«ай!»

Довольно, сердце, перестай! Но слезы льются через
край.

Пускай на землю упаду, любовью тайной опален:
Так хочет милая. Умру. Ее желания — закон!

1910

Прогресс на мясном базаре

Есть в мире слово «мы» и «вы», как антипод,
Соль против сахара, и против хрена — мед.

Всё противостоит друг другу на земле,
Так, «Слово верное» против «Звезды» встает.

Тут можно множество примеров привести,
Как, скажем: ночь и день или закат — восход.

На «Шило» с «Молотом» «Блеск молнии» у нас
Хоть раз в полмесяца возьмет да и сверкнет!!

И мусульманскую отныне колбасу
В противовес свиной имеет наш народ.

1910

Сон

Однажды мне приснился странный сон:
Как будто я взошел на шахский трон.
Ужели прежде я стихи слагал
И был в свою избранницу влюблен?

Склоняя венценосную главу,
Возлюбленную я к себе зову:
«Ты мне ответь, полюбишь ли меня,
Как прежде горячо, как наяву?

Вокруг меня стоят войска стеной,
Все взгляды обратив к тебе одной.
Ответа жду, дыханье затаив.
Меня любви и счастья удостой!»

Но в этот миг прервался странный сон.
Поэт проснулся, горем удручен.
Стеснилась от тоски его душа:
«Эх, злобная судьба! — воскликнул он.—

Сна не вернешь. Судьбе не прекословь».
И юноша развеселился вновь:
«Пусть я лишился трона — не беда!
Ведь сохранилась прежняя любовь».

Разбитая надежда

Я теперь цвета предметов по-иному видеть стал.
Где ты, жизни половина? Юности цветок увял.

Если я теперь на небо жизни горестной смотрю,
Я уж месяца не вижу, светит полная луна.

И с каким бы я порывом ни водил пером теперь,
Искры страсти не сверкают и душа не зажжена.

Саз мой нежный и печальный, слишком мало ты
звучал.
Гасну я, и ты стареешь... Как расстаться мне с тобой?

В клетке мира было тесно птице сердца моего;
Создал бог ее веселой, но мирской тщете чужой.

Сколько я ни тосковал бы в рощах родины моей,
Все деревья там увяли, жизни в них нельзя вдохнуть.

И ее, мою подругу, холод смерти погубил,
Ту, которая улыбкой освещала жизни путь.

Мать моя лежит в могиле. О страдальца моя,
Миру чуждому зачем ты человека родила?

С той поры, как мы расстались, стража грозная любви
Сына твоего от двери каждой яростно гнала.

Всех сердец теплей и мягче надмогильный камень твой.
Самой сладостной и горькой омочу его слезой.

1910

Где? Кто?

Кто, думаете вы, источник наших бед,
Источник подлостей, подстроенных клевет?

Невежества арбу кто запрягал для нас?
Кого нам проклинять, кого ругать сейчас?

Кто он, проклятый тот, кто держит нас во тьме?
В одной деревне есть мулла — карга в чалме!

1910

Грусть

Грязью, ложью, суетою мир наш внутренний богат.
Наполняют наши будни или подлость, иль разврат.

Поражаемся, когда мы на дешевый блеск глядим.
За копейку ум и душу каждый тут продать бы рад.

Дух грязнится наш, а совесть почитается за бред.
Почему ж для тела — баня, а для духа бани нет?

1910

Нос

В годы дальние, глухие, говорят, давным-давно
Некто жил с лицом огромным и широким, как гумно.

А промеж его багровых вислых и дебелых щек
Нос, торчавший будто свекла, был величествен и строг.

И на всё, что было ниже, он презрительно глядел,
Ног особенно упорно признавать он не хотел.

Дескать, им дано судьбою пыль взметать, в грязи
тонуть.

Но в дождливый день пустился обладатель носа в путь.

Поскользнулся, оступился, и большой чванливый нос
В лужу плюхнулся с размаха, крепко в грязь густую
врос.

1911

К ***

Когда на жизненном пути вдруг, ошибившись,
упадешь,
Когда на чистый лист души наложат пятна грязь и
ложь,
Когда «беспутным», «подлецом» ты, горемыка,
прослывешь,
Когда, отверженный людьми, свой одинокий путь
начнешь,—

Знай, что средь каменных сердец поддержку ты во мне
найдешь.

Не засмеюсь и не скажу: «Он на злосчастного похож».
Я разделю твою печаль, всё горе, каждый вздох беды,
«Грехи» не буду вспоминать, не проявлю к тебе
вражды.

А люди, знай, не подают тому, кто падает, руки,
Они веревку не швырнут тому, кто тонет средь реки.
Но люди не казнят того, кто втайне грешное творит,
Молва не тронет, если грех умело будет шит и крыт.

Так кто же грешным людям дал кнут наказания,
скажи?
Никто, никто! Бог справедлив, бог-судия не терпит
лжи.

Пусть двое нас, ты о любви людей не вздумай
умолять,—
Что толку в чувстве, коль оно способно быстро
остывать?!

Забудь тоску, замкнись в себе и помни: наслажденья
нет,
Коль скромность не пощажена, коль тяжек совести
запрет.

Но чтоб утешить, дать совет, решил я это написать.
Ведь только я твой друг теперь, меня ли можно
упрекать?

1911

Поэзия и проза

«С ижу над озером. Луны сиянье,
И гладь воды сияет, как стекло».
 «Подайте, дяденька, на пропитанье!» —
 И стертый грош купец швыряет зло.

«Ни шороха вокруг. На небосклоне
Горят созвездий белые лучи».
 Ночь напролет все девушки в притоне
 Обхаживают богача-хаджи.

«Внимая соловью — певцу печали,
Расстаться с дивной ночью не могу».
 «Бездельники! Мерзавцы! В гроб вогнали!
 Ограбили!» — бранит купец слугу.

«О вольном счастье бытия земного
Песнь соловья рассказывает нам».
 Глаголит чрево старое: «Я новый!
 Служу исламу криком ассалам».

«Как чудно здесь! Подругу встретить теперь я,
И место это раем нареку».
 За деньги и бедняк обнимет пери,
 За деньги в рай пройдет по волоску.

«Над озером звучит напев призывный.

Раздался поцелуй... Замолк певец...»

Один мулла пророчит прогрессивный:

«Придет война — и всем ишми конец».

«Всю ночь я здесь творца вселенной славил,

Хвалою богу встречу я рассвет».

Бахвалится Ишми: «А я отправил

Немало вольнодумцев на тот свет!»

«Огонь зари по небесам разлился,

Погасли звезды в дали золотой».

«Свет погашу я!» — мракобес грозился,

И рабский люд смирился с темнотой.

«Вот соловей защелкал меж ветвями,

И песню подхватил весь птичий стан».

«Сайяра» труппа щелкает зубами,

И в Астрахань забрел Камиль-чурбан.

«Летают стаи птиц в небесной шири,

Свиданье с солнцем озеро томит».

Все «кх» да «тьфу» встречаем мы в «Мохбире»,

В поэзии — Рамиев всё шумит.

Постижение истины

1

Если слово «любовь» — поцелуй одни и объятья,
О подобной любви никогда не имел я понятия.

Я не знал этой жажды — увы, не любил никогда я.
Может быть, мне и вправду любовь неизвестна земная?

Нет, любовь — это нечто тончайшее, отблеск в эфире,
По-арабски «максади экса», или высшая цель в этом
мире.

Перед милой моей я молился, склонясь молчаливо,
Трепетал, и краснел, и надеялся тайно стыдливо.

В ней я видел одной воплощение сущего мира,
Я молитвы слагал для нее — божества и кумира.

Как свеча я растаял, цветы, что я в сердце лелеял,
Почернели, сгорели, и ветер их пепел развеял...

2

До того, как открылись арабам заветы ислама,
Деревянными кумирами они поклонялись упрямо.

Ложь была сметена и развеяна истинной верой,
И открылись глаза у обманутых жалкой химерой.

И, стыдясь слепоты, вопрошали они с удивленьем:
«Неужели и впрямь поклонялись мы этим поленьям?»

3

Солнце мысли моей из-за облака вырвалось, к счастью:
Я не скован уже мимолетной, бессмысленной страстью.

Слава богу, опять предо мною светлеет дорога,
И теперь я стыжусь, что я в идола верил как в бога.

Чувства, мысли пустые — проклятия шлю вам без
счета!
Здравствуй, ясность ума, здравствуй, истина, здравствуй,
работа!

1911

Молния

Молнией и громом не пугай меня!
Не боюсь я, боже, твоего огня!
Я купил бесстрашие дорогой ценой:
Долго лил я слезы в темноте ночной.

1911

Трудная доля

Зачем мне жизнь дарована была?
Затем ли, чтоб я пил напиток зла?

Чтоб видел скучный сей круговорот:
Была зима — теперь весна пришла.

Устал я. Где ж последний мой привал?
Спешу, и вновь дорога тяжела.

Сгинь, капля крови — солнце надо мной!
Зачем заря мне саван соткала?

Убить себя? Но бога я боюсь...
Болезнь бы, что ли, душу унесла!

1911

Грех

(По Бальмонту)

Кто сочинил, кто выдумал тебя, о слово «грех»?
И самый смысл твой выдуман, ты слов ужасней всех!

Нечистую, постыдную ты суть таишь в себе,
Узда для всех ты лишняя, враждебна жизнь тебе!

Пусть человек минутное затеет торжество —
Сейчас пятном ты явишься на белизне его!

Ты лжешь, нас подменяешь ты, на всё кладешь запрет,
И все сердца терзаешь ты, для всех пощады нет!

Ты, у постели спрятавшись как жалкий лиходей,
Глаза таращишь с завистью на радости людей!

Чуть поцелуй в объятие грозитя перейти —
Сейчас змеей подсвистнешь ты: «С огнем, брат, не
шутя!»

Ты шепчешь: «Это можно ли? О нет, нельзя никак!
А то недопустимо ведь! А это может всяк!» —

Но ни о чем не спросим мы, любимой встретив взгляд,
Пред волею свободною и небеса дрожат!

Философия умников

С мущают девушек бесчестно иные пустозвоны:
«Один лишь год нам интересны календари и жены!»

1911

Обращение сатаны к чертям в праздник Уразы

Нынче люди лицемеры:
Не блюдут законов веры!
В пост великий, в Уразу,
Обжираются без меры.

В полдень — «трапезы ночные»
Все справляют не впервые,
Стыд забыли богачи,
Эти суфии святые!

Нас, чертей, весь месяц в путах
Как врагов держали лютых;
Цепи божии крепки,
Разве черти разорвут их?

Попритихло наше племя...
Кто смущает в это время
Правоверных? Зря на нас
Их грехов взвалили бремя!

Дескать, «черт попутал снова»,
Дескать, «сбил с пути прямого»...
Сам, татарин, повинись —
Прежде чем винить другого!

Дача

(Воспоминания о путешествии по Волге)

Оскорбить народ богачу коль на ум придет,
Первым делом он для себя наймет пароход.

На народ смотреть и не хочет он, тот богач,
Он спешит туда, где давно его дача ждет.

Если станет вдруг за такую спесь солнце жечь,
Он раскроет зонт, заберется в тень — пусть, мол, жжет!

Расфрантился как! Знать, немало шкур снял с людей!
Вот бы вместе с ним да на дно пошел пароход!

А в деревне — грязь, темнота, нужда... Что ему?
Дом его что рай, и никто туда не войдет.

Ах, друзья, друзья, свет очей моих, вот дела!
«Ну и ну, дела!» — говорит в сердцах наш народ.

1911

На мотив хода поезда

В заведение тишь да тьма —
Спит Дембериха сама.
Колоти в окно покрепче,
Пусть выходит Фатима!

Почему огонь погас,
Если только первый час?
По полдюжине портвейна
Нынче выпито у нас.

Дверь открылась для двоих:
С Шайхетдином был Салих,
И хозяйка с коротышкой
Фатимой встречает их.

«Дорогим гостям почет!
Как здоровье, как доход?
Выпьем, что ль, покамест в жилах
Молодая кровь течет!»

Снова — дюжина вина,
Снова пьют друзья до дна,
Вместе с ними пьет старуха,
Хоть совсем дряхла она.

В этот дом, как бы в тюрьму,
Заточили Фатиму,
Годы девичьи на гибель
Отдала она ему..

А теперь, назло судьбе,
Губит жизнь свою в гульбе.
Закипающие слезы
Фатима таит в себе.

При хозяйке плакать стань ---
Сразу ругань, сразу брань:
«Ты сыта, в тепле, чего же
Не хватает тебе, дрянь?»

У сиротки с малых лет
Много горя, много бед,
И пришлось ей стать гулящей,
А теперь спасенья нет

Еженощно кутежи,
Всем забавою служи,
Во хмелю форсит татарин,
Даже слова не скажи!

Спросите вы, например
«Что это за зверь — Дембер?»
— «Это ведьма, для которой
Всё равно — Сибирь, Симбер »

Бедных девочек-сирот
Будто в дочери берет,
А как яблочко созреет —
В омут гибельный толкнет.

«Но .какого же рожна
Названа Дембер она?»
— «Потому что всем известно:
Жизнь ее была шумна».

До сих пор карга грохочет,
Как речной поток клокочет!—

Эх, дуда, дуда, дуда,
Утки, гуси да вода...
«К станции Дюдяк подходим,
Кому выйти, господа?»

1911

Басня

(По поводу итало-турецкой войны)

Союз однажды заключили свирепый тигр с могучим
львом.

Всё поровну делить решили, всегда охотиться вдвоем.

Откуда ни возьмись — навстречу идет худая кошка к
ним.

«Вступай в союз! — ее встречают. — Будь нашим другом
дорогим!»

Довольна кошка. Но надежде, увы, развеяться
пришлось —

Все трое врозь живут, как прежде: охота — врозь,
добыча — врозь.

Увидит тигр осла, барашка — и пожирает их зараз.
А кошка лишь вздыхает тяжело да масленых не сводит
глаз.

Поймает лев быка иль лошадь — и досыта набьет живот,
А та кусочка взять не может, напрасно очереди ждет.

Дела у кошки очень скверны, глаза от голода горят.
«Ну как, хорош союз наш верный?» — друзья смеясь ей
говорят.

А кошка стонет. «Ну и нравы! К чему страдаю я одна?
Ведь я — великая держава, а дохнуть с голоду должна!»

1911

Осенние ветры

Чем темнее ночь, тем светлее горит
звезда Чем я становлюсь несчастнее,
тем чаще вспоминаю бога

С русского

Осень. Ночь. Уснуть нет силы. За стеною ветер плачет.
Но не ветер — люд голодный в страхе смерти лютой
плачет.

«Мой любимый сын, рабочий, не имеет корки хлеба» —
Это мать-земля родная, к нам заботливая, плачет.

Если здесь кокетке старой ставят зубы золотые,
Там «кусочек хлеба» молит молодая дева, плачет.

Вот, мужей погибель видя — им ломоть был нужен
хлеба —
И жалея брать их душу, Азраил в печали плачет.

Если бедняки страдают, что за праздник,¹ что за радость,
Если у себя в гробницах Авраам, Исмаил плачут;

Если здесь такбиры сытых радости полны, веселья,—
Тамошний такбир услышав, всякий горестно заплачет.

Осень. Ночь. Глухая темень. За стеною ветер плачет.
Ветер — весть: народ голодный в страхе смерти лютой
плачет

1911

¹ Написано накануне Курбан-гаит.

Гнет

Кто тебе, бедняк несчастный, веру в бога навязал?
В паспорте тебя навеки мусульманином назвал?
Заставлял тебя валяться на полу, творя намаз,
И в мечетях пыльных, старых бить поклоны заставлял?

Кто позорному смиренью и бездумью научил,
Темногу твою в орудье угнетенья превратил?
Ты «свидетельствуешь» миру, а чего свидетель ты?
Кто тебе поверить сможет? Век в невежестве ты жил!

Никогда, нуждой подавлен, ты свободно не вздохнешь,
Будешь вечно сокрушаться, но не станет свет хорош.
Только гнет тебя заставил в бога веровать, бедняк,
Но не веришь ты, что завтра с голодухи не умрешь

1911

Мальчик с дудочкой

Склонившись над столом, сидит поэт
И пишет, позабыв про целый свет
Порой почешет голову пером,
Как бы ища строке своей ответ

Не устает писать его рука
Вслед за строкой является строка.
Но дудочки пронзительная трель
Доносится к нему издалека.

Нельзя понять: мяукает ли кот,
Иль это визг немазанных ворот,
Иль на дороге старая арба
Скрипучими колесами поет

Нежданная нагрянула беда!
Всё громче под окном дудит дуда.
Поэт кричит: «Мальчишка, уходи!
Какой шайтан занес тебя сюда?»

Мальчишка с дудкой скрылся за углом
Поэт опять склонился за столом
Как славно заниматься в тишине
Словесным тонким, хрупким ремеслом!

А дудка верещит ему назло.
Она буравит душу, как сверло
Поэт не спорит с лютою судьбой
И говорит в тоске: «Не повезло!..»

Но и поэт находчив иногда.
Мальчишку он зовет: «Иди сюда!»
Хочу спросить я, милый мальчуган,
Не продается ли твоя дуда?»

1911

Сельское медресе

Медресе — тяжелый камень на плечах односельчан,
Развращенный круг мюридов и ишанов балаган.

Жвачка пресная, тупая, ежедневно, без конца,
Гибнут жизни молодые, сохнут честные сердца.

Околесицу бормочут: «каптеркю» иль «каптырсу»,
Черт их разберет, что значит «сентерсу» и «сонтырсу»

Зиму целую бормочут, как верблюды в полусне,
Одубеют, очумеют и умолкнут по весне.

И Коран на видном месте, неизменный Хафтияк,—
Ранец, книгами набитый до отказа, не пустяк.

Пятна пальцев оставляя, книг страницы шевеля,
Продырявили шакирды середину и поля.

Сел наставник на подушки, просидит так целый день,
Феску ветхую напялил, как ведется, набекрень.

Посмотрел я и подумал: «Вот кто грязный сатана!
От него распространилась смрада едкая волна».

1912

Приметы весны

Значительные перемены несет с собою март,
Власть над изменчивой погодой взял нынче с бою март

От близости весны полегче и старым и больным,
Улыбкой доброй озаряет лицо любое март.

Март сообщил, что лед уходит, и в каждом уголке
Весны приметы взгляд находит, везде с тобою март.

А если ты еще не веришь, что это вправду март,—
Взгляни: несу свое пальто я. Идем со мной в ломбард!

1912

Светлой памяти Хусаина

Как море, сердца ты пленял красотой.
Твой разум сверкал путеводной звездой

В сравненье с тобою все лики святых
Бледнели — ты был лучезарнее их!

Не шел ты с поклонами в роскошь палат,
А грел неимущих лучистый твой взгляд.

Ты молодость отдал священной борьбе,
И грязные комья не липли к тебе.

Был светел твой путь, было сердце светло.
Нечестных насмешкой карал ты за зло.

Трудился, как солнце, а солнце, смеясь,
Умеет высушивать лужи и грязь.

Да разве у нас достается почет
Тому, кто стоит за родимый народ?

Тебя не ценили, святой человек,
Пока не окончил ты краткий свой век.

1912

Еще одно воспоминание

Считаюсь друзьями я гостеприимным певцом —
Бедняк и сынок богача были в доме моем
Когда же ко мне благородный мой друг приходил —
Казалось, луна в полнолуние спускалась в мой дом.

1912

Восхваление Мустафы

Жил в Стамбуле, как нищий, гонимый нуждой,
Мустафа,
А вернувшись домой, стал народной бедой Мустафа.

Там ходил он бараном, покорную шею согнув,
А вернувшись домой, разжирел, стал свиньей Мустафа

Среди жителей города дружба царила и мир,
Но посеял раздор, разделил их враждой Мустафа

На каком-то убогом паречье состряпал листок
И рычал на сограждан собакой цепной Мустафа

И хотя он обманом на время пробрался в вожди -
Словно пес шелудивый, был вышвырнут мой Мустафа

Как шайтан озлобленный, что пламенем изгнан с небес,
Порываясь к столу, защищался божбой Мустафа

Заклинал он, лизал, как голодный теленок, Коран,
От пинков и от палок спасался порой Мустафа.

Прогорев на религии, деньги до гроша прожив,
Стал для байской галоши подошвой гнилой Мустафа

Щеголяющий фескою красноголовый осел,
К нам в упряжку пролез рысаком продувной Мустафа.

Он оглобельный чин и сановное стойло искал,
В беговую конюшню пролез на постой Мустафа.

Он из Турции хитростью девушку вывез сюда,
Надругался над нежной ее чистотой Мустафа.

Чуть появится девушка, чтобы народ наш учить,—
Честь ее оскорбляет порочный душой Мустафа.

Так от девочек наших ученья возвышенный свет
Скрыл завесой распутства и скотства тупой Мустафа.

Не бухгалтер я, чтобы считать, но по части грехов
Миллионщиком признан всеобщей молвой Мустафа!

1912

Казанский мулла и будущий депутат

Райта, райта, райта, райтарам!
Если спляшешь, я указ тебе отдам!»

«Вот спасибо, я спляшу и получу,
Если только я от счастья не взлечу!»

«Тимта, тимта, тимта, тимта, тимтарай!
За полу тебя держу я, ну, взлетай!

Полетим, хазрет, расправь свои крыла,
Депутат и указной летит мулла!

Хоть и новый ты хазрет, но стар душой,
Ты джадид, хотя в душе ишан святой.

Если крылья может бог тебе послать,
То он может бедняку и лошадь дать...»

Смотришь, двое в Петербург уже летят,
«Добрый путь!» — вороны в небе им кричат.

Так летели наш хазрет и депутат,
Но, увы, свалились наземь. То-то, брат!

Просьба

Юным был — сверкал зарницей, сильным был —
гремел, как гром
Отсверкал и отгремел я, не пылает грудь огнем

Наступили дни неволи, в заточенье мысль моя.
В дни свободы звезды с неба я хватал одним рывком.

Отняли мою голубку, дали ворона взамен.
«Где ты, чистая, святая?» — так я плакал день за днем

Я пишу стихи рукою, но душа их не творит,
Не браните, коль в печати появлюсь я с мусорком

1912

Враги

Вкруг меня со злобой змеи извиваются, шипят,
Мне желают только горя, днем и ночью копят яд

Мало им, что мрак повсюду, счастья нет, покоя нет ---
Заслонить хотят от взора даже самый жалкий свет

Ниже слов они последних, низок ум их, низок взгляд. .
О плохом во мне трезвонят, про хорошее — молчат

Всё постыло, нет надежды. . Об одном прошу друзей.
Не давать врагам глумиться над могилою моею

Жизнь большой душе не в радость, всё на миг в ней, не
на век,
За нее цепляться может только мелкий человек

И болезни, и преграды с ясным встречу я лицом,
Ну а то, что сердцу тяжело, — посчитаю пустяком!

Иль в сиротской доле мало испытать пришлось невзгод?
Кто растил меня с любовью? Только ты, родной народ

1912

Вечерняя дума

Керосина в лампе мало, пахнет гарью, меркнет свет.
Льются мысли на бумагу, тесно в сердце — места нет.

Я скриплю пером поспешно, каждым мигом дорожу,
На бумаге след корявый сам никак не разгляжу

Я пишу, не ставя точек, я доверился перу,
Всё равно свое писанье завтра утром разберу

Но недолго мне трудиться: огонек в последний раз
Ярко вспыхнул на мгновенье, заметался и погас.

Что мне делать? Обступает темнота со всех сторон,
И лежу я на постели, в размышленья погружен

Предаюсь я разным думам, нелегки мне думы те,
Старой лампе со слезами говорю я в темноте:

«Ах, какое счастье, если б не зажглась ты никогда!
Если б мне не встать с постели вплоть до Страшного
суда!»

1912

Юноши

Есть юноши, гордо хранящие важную позу,
Они в саду жизни одну лишь увидели розу:

Не различили гнетущего, грозного мира угрозу
И, «уг» опустив, в ней увидели только лишь розу:

Не разглядели большую дубинку судьбы или розгу
И, «г» опустив, увидели в розге лишь розу.

1912

Иду своим путем

Ты хочешь в меру сил своих добро творить народу,
Но душат грязною уздой твой ум, твою свободу:

«Что делать, дескать, век такой, такое время ныне!
Уж ты по-нашему живи, смири свою гордыню!»

Я презираю бренный мир и век его мгновенный.
Смириться — это тяжкий грех перед душой нетленной.

Я устремляюсь в высоту, в безмерность, в бесконечность,
К бессмертной, вечной красоте, в сияющую вечность!

Я вечно юным быть хочу, рождая радость всюду.
Пусть гаснет солнце в небесах, я новым солнцем буду!

Течение времени по мне привыкнут люди мерить
Любой из них свои часы по мне сумеет сверить.

1912

Пора, вспоминаемая с грустью

Коль наскучит жизнь Иблису, он припоминает рай,
Пу а я, когда устану, вижу детства дальний край.

Нище, чем тысячезвонный, быстрый ключ, была душа,
И была, как лист зеленый, жизнь свежа и хороша!

Все легко и лучезарно, и печали не гнетут,
Небо нежно-бирюзово, и земля — как изумруд.

Горьких слез еще не пролил и не знаешь черных дней,
Ты послушен лишь природе и внимаешь только ей.

Каждый цветик — что сестрица, деревцо — как брат
родной,
Соловья напев струится, словно детский голос твой.

Поле вспаханное открыта для прекрасного душа
И горит любовью к солнцу, благодарностью дыша.

Милосердьем бесконечным вся душа полным-полна,
Словно путь для благодати, нисходящей в мир, — она

Если нищему сумеешь хлеба вынести ломоть,
Ты от счастья онемеешь, радости не побороть.

Вслух читают вечерами — ты живешь в мечтах своих,
То рассказ печальный слышишь, то — звенящий
звучный стих

Голос книги сладко льется, убаюкивает он,
И глаза твои закрылись, ты внезапно усыплен.

Спишь спокойно, ну а если ночью ты проснешься
вдруг ---
Тишь Рассвет еще не скоро. Темнота стоит вокруг

И тебя охватит жалость, и до утренней поры
Ты оплакиваешь участь и Тахира и Зухры

1912

Старики

Бывает за полночь шумим за карточной игрою,—
То проиграешься дотла, то банк сорвешь порою.

Вокруг галдеж, и смех, и крик, летит за картой карта,
И забываешь иногда поест в пылу азарта.

Монеты кучами лежат, туманят взор горячий
И блеском золота зовут погнаться за удачей.

Играй, покамест время есть, покамест денег хватит,—
Пускай счастливец куш берет, а кто несчастлив —
платит!

Но почему торчит здесь тот, чьи денежки иссякли?
Раз денег нет — и дела нет! Пора уйти, не так ли?

Но он упорствует... Других бросать игру торопит.
«Играть — безумье,— говорит,— имею личный опыт!»

Таков же точно тот старик, который ходит с палкой,
Трясет облезлой бородой, как белою мочалкой:

Бессильный, сгорбленный, худой, всё охает и стонет,
А резвым юношам меж тем о скромности трезвонит.

И к воздержанию зовет цветущих и здоровых
И запрещает им любить красавиц чернобровых

Пусть не мешает игрокам продувшийся до гроша!
Пусть не смущает молодежь отживший век святоша!

1912

Больной в деревне

Я живу сейчас в деревне. Болен я. Зима, мороз.
Отошли с порою летней полка, жатва, сенокос...

Предаюсь я полной лени, дни с дядьями провожу.
Жду весны, здоровья жажду, в окна белые гляжу.

И стихи звучат сегодня зимним вьюжным думам в лад:
В них живут картошка с маслом, хлеба теплый аромат.

Ах, картошка ты, картошка, жду тебя, моя душа!
Ты для бедных и богатых в равной мере хороша

Из Америки приехав, много вытерпела ты...
Что поделать? Это всё ведь по причине темноты.

1912

Картофель и просвещение

О картофель! Ты явился из Америки далекой
Просвещение! Путь твой ближе — от Европы до
Востока

О картофель! Всех пугал ты странным вкусом, странным
видом,
Мужики тебя считали вольнодумцем и джадидом.

Мол, пришел ты к нам на землю от безбожников
досужих,
И смертельный яд таится в этих клубнях неуклюжих.

О картофель, ты немало претерпел обид в те годы!
Мужики тебя губили, вырывая с корнем всходы:

Звали «яблоком неверных», «чертов плод», — ругались
яро
И тому, кто ел картофель, угрожали божьей карой.

О картофель! Миновали оскорбления, оплеухи,
На почетном первом месте ты теперь в мужичьем брюхе.

И, рыгнув, «Хвала аллаху! — говорит мужик сегодня.—
Этот плод на радость людям создала рука
господня».

Просвещение! У картошки ты бери урок терпенья:
Просветлять мозги мужичьи начинай без промедленья!

1912

Буря

Неожиданно всё небо черной мглой заволокло
Снег беснуется, кружится и ложится тяжело

Снег в лицо мне бьет нещадно, залепил глаза и рот
Каждый кустик серым волком на пути моем встает

Мрак и выюгу побеждая, льется лунный свет вокруг,
Но луна сама боится и опять тускнеет вдруг

Из каких земель далеких, из каких далеких стран
На безмолвную дорогу налетел такой буря?

Может, сказочные джинны с Каф-горы спустились вниз?
Или мягкие перины у аллаха порвались?

В небе носятся снежинки — белый пух из тех перин.
На земле же суетится, их поймать пытаюсь, джинн.

Я ворчу . С усмешкой смотрит на меня с небес луна
Так богач глядит на бедных из высокого окна.

1912

Неожиданно

Неожиданно в тумане появился шурале.
Я молчу. Посмотрим, что он станет делать в снежной
мгле?

Вот он в шапку меховую ткнулся пальцами сперва,
Но, укрытая надежно, недоступна голова.

По щеке щекотки ради потрепал меня потом —
Только где уж мне смеяться, больно мрачен я лицом!

Протянул он когти к шее — я и тут неуязвим:
Я закутал потеплее шею шарфом шерстяным.

Спину он мою пощупал — нет, задача не проста:
Тут не летняя рубашка, шуба теплая толста.

Будто занят важным делом; долго шарил по груди:
Нет ни щелки для щекотки, сколько лапой ни води!

С кочаном капусты схож я — сто одежек у меня,
Я чрезмерно тяжким грузом был бы даже для коня.

Шурале неугомонный обхватил тогда мой стан —
Черта с два! Широкий пояс не развяжет и шайтан!

К пяткам он хотел пробраться — но и тут пролезть не
мог:

Нечувствительна к щеботке пара валеных сапог.

«И прилипчив же ты, братец! Уходи-ка лучше в лес!
Занимался бы ты делом, к людям попусту не лез.

Даже лютые морозы не добились ничего —
Прогнала их лисья шуба прочь от тела моего.

Дед Мороз мне мстит за это, словно злейшему врагу.
Сам не справился со мною — натравил теперь пургу».

Шурале в тумане сгинул, услышав слова мои,
Только раз далеко где-то тонко взвизгнул он: «Чи-и...»

День и ночь, ища забавы, он гоняет по земле,
Он ведь баловень природы — кто ж осудит шурале?

1912

Не смешно

Если стих мой брызжет смехом, глубже загляни в него.
В нем кровавые проклятья, горечь сердца моего.

Над своей смеюсь бедою и смеяться буду впредь,—
Слезы высохли от горя, и не в силах я скорбеть.

Может быть, в оправе смеха горе не страшит людей?
В чешуе своей блестящей привлекателен и змей

Так иль нет — не знаю, право. Склад души моей таков,
Что галошами штиблеты я зову для простаков.

1912

Безнравственность

О, как мы смотрим свысока на всё, что нравственно,
кругом:

Душою с грязью примирясь, забыли о пути другом.

И если нужно напрямик хоть слово правды нам сказать,
Как вор, стянувший сто рублей, мы озираемся тайком

Скупимся с бедным говорить, будь он мудрейшим из
людей,

И сыплем, как цветы, слова перед богатым дураком.

1912

Лицемеру

Терзаем стужей и жарой, я в муках жил. Я всё видал,
Бродил по миру сиротой, среди могил. Я всё видал.

Я радости, веселья жду. Да будет праздник без конца!
Я с детских лет терпел нужду. Да будет праздник без
конца!

Хочу сходить с ума — вкусить все наслажденья бытия,
Судьба обратно пусть возьмет тоску, которой согнут я.

В мечтах о славе и труде орлом могучим я взлетал,
Но задохнулся вдруг и вот — с небес на землю я упал.

Душа моя окрылена, я падал и вставал опять,
Я жизнелюб, и я сумел свое величье увидеть.

Враг, не шути с богатырем! Ты — лицемер, ты мне
знаком:

Поберегись — не то сшибу тебя со всем твоим гнездом.

1912

Критик

Создал много я творений, но тревожусь я за них
Свора критиков нагрянет — изругают каждый стих.

Не один писатель честный этой братией сражен.
Вот хотя бы мой приятель! Так и лезет на рожон

«Где вода?» — ветряк увидев, он вопит на целый свет
А на мельничной плотине негодует: «Пара нет!»

Конский хвост берет и судит: «Эти волосы длинны
И по всем законам формы на башке расти должны!»

Пахарь пашет. «Землю портит! — начинает он
кричать.—
Как такое безобразие не заметила печать?»

«Как распух!» — он причитает, у овцы узрев курдюк
«Русскому врачу татарин — злейший враг!» — твердит
мой друг.

1912

О критике

Если лежит перед вами жалкий бумажный цветок,
Будет дождя он бояться — час смерти его недалек:

Весь от дождя размокнет, совсем полиняет убор,
Никто на нем не захочет остановить свой взор.

Ну а цветок нефальшивый, благоуханный, живой
Краше еще зацветает под влагою дождевой.

Так и талант вдохновенный не убоится судей,
Смело творит он и ярко, силе вверяясь своей.

Но всё же горестно сердцу, жребий твой очень тяжел,
Если судит тебя проходимец, невежда, осел.

1912

Комментарии к любви

«Нелюбим» — что это значит? В мире нет любви
одной...

Гейне находил в ней сходство с падающею звездой

Но звезда в навоз, на свалку угодила вдруг — и там
Окружают ее мусор, рвань, помои, грязь и хлам.

Тут же хрюкает хавронья рядом с сиплым петухом —
Вот в каком звезда позоре, в унижении каком!

Спит звезда в клоаке этой и такие видит сны.
Снятся ей сады с цветами, ароматами полны...

1912 .

Казань и Закабанье

1

Коль заводят о Казани на любом наречье речь,
Не забудут о Кабане — им никак не пренебречь!

Вместе озеро и город воспевают наш язык,
Оттого ль что чтить с любовью славу прежнюю привык?

Этот город — просто город и совсем не золотой,
Да и озеро — простое, не с кавсарскою водой.

А взглядишься — в этих водах есть поэзия своя,
И фантазией народа их расцвечена струя.

Я однажды «Кисекбаша» растянул тугую нить
И сумел на дно спуститься, оглядеться, оценить.

Но еще не забредал я в заозерные края —
Может быть, ленив? . Чего-то, может быть,
стесняюсь я...

Но клянутся те, что были в той далекой стороне,
Что не счесть диговин чудных в заозерье и на дне.

2

Говорят, в том заозерье правит старая яга,
У нее богатый терем, и мощна ее туга.

Если к озеру девица, запозднившись, забредет,
То на терем заглядится так, что глаз не отведет...

Весь сияет терем дивный — тянет, манит, силы нет!
Он в огнях стоит красивых — синий, красный, белый
цвет!

Если девушки заходят, заблудившись, в этот дом,
Не выходят, пропадают, исчезают талым льдом

Ублажают девы ведьму вечерами напролет,
То одна ей пятки чешет, то другая спину трет

Чтобы космы расчесать ей, грабли девушкам нужны,
Проведут коня с повозкой — это ей массаж спины

Нежится яга, а рядом гармонисты целый день
Всё играют, разливаясь, тюбетейки набекрень.

Дядюшка Гайфи! Ты помнишь, как хвалил ты эту прыть?
Мол, у них так быстры пальцы — глаз не может
уследить!

3

Только волосы расчешут, и уж вся тут недолга:
Дев несчастных в подпол прячет распроклятая яга.

Как соловушек иль куриц сунув девушек в подклеть,
Знай кидает им орехи, чтобы начали жиреть.

А как только разжиреют — час придет огонь разжечь,
В полночь трудится старуха, жарче ада топит печь.

Тянет девушку за косы, для себя готовит пир,
А в руках яги лопата — велика она, как мир.

Говорит: «Садись-ка, дочка, на лопату, да не вой».
Не поморщившись, кидает прямо в пламя головой.

Говорят, в чулане дома всё девичьи тушки сплошь,
Все, конечно, мусульманки, а Катюшки не найдешь.

На крюках повисли тушки Рабиги, Гайши, Марьям,
И копченые свинюшки — что за ужас! — тоже там.

Тут же курица кудахчет, трутся свиньи — вот куда
Для стыда и униженья брошена любви звезда!

1912

Казань и Заказанье

О Казань, ты — как светильник на горе горишь в ночи,
Словно свечи — минареты, колокольни, каланчи!

Ярко светишь ты уездам захолустным и глухим.
Возвышаясь горделиво, путь указываешь им.

В Спасск и Чар лучи доходят, озаряешь ты Малмыж,
Чистополь и Чебоксары, Тетюши и Мамадыш

Оглянись, Казань, получше, погляди разок окрест:
Все уезды осветила, лишь забыла свой уезд!

Говорят: «Хоть светит лампа, но под ней самой темно».
Оправдалась поговорка, черт бы взял ее давно!

1912

Татарская молодежь

Горд я нашей молодежью: как смела и как умна!
Просвещением и знаньем словно светится она.

Всею душой стремясь к прогрессу, новой мудрости полны,
Водолазы дна морского — нам такие и нужны!

Пусть мрачны над нами тучи — грянет гром, дожди
пойдут
И мечтанья молодежи к нам на землю упадут

По вершинам, по долинам зашумят потоки вод.
Грянут битвы за свободу, сотрясая небосвод.

Пусть народ наш твердо верит всею измученной душой:
Заблестят кинжалы скоро, близок день борьбы святой.

И с оправою пустою пусть не носит он кольца:
Настоящие алмазы — наши верные сердца!

1912

Религия

Ты, религия,— гнилая, обветшалаая стена.
Пальцем ткнуть — и распадешься, и не будешь ты видна

То, что дерево засохнет, в том поклясться я готов,
Коль на нем вороны свили гнезда вместо соловьев.

Почему в мечети дядя всё губами шевелит?
Показать народу хочет он молитвенный свой вид.

Мутным оком он поводит: кто встает, кто клонит стан,
Он не помнит изречений, позабыл давно Коран

Ты идешь сюда затем лишь, что ходил родитель твой,
Но ведь так башмак твой, дядя, согласует путь с тобой.

Отвечай, торгаш, в мечети для чего же ты стоишь?
Хорошо ль тебе живется? Как торговля? В чем барыш?

Как базар прошел, к покупке много ль шкур наметил
глаз?
И хаджи-абзый, скажи мне, видит этот твой намаз?

Коль увидит, то похвалит, молвит: «Праведный Ахмет,
Благонравный и приятный. Наш большой ему привет!»

Голос твой, пурки гнусавый, для чего нарушил тишь?
Исказив Коран, в мечети ты коровою сопишь.

Чует рот твой — после службы для тебя обед готов!
После похорон богатых много нажил пятаков?

1912

Чего же не хватает сельскому люду?

Хоть и казенные леса — деревьев в них не счесть,
Хоть и казенное винцо — для всех в казенках есть!

Да, как аллаха ни хвали, он выше всех похвал:
И благодать он даровал, и подать даровал!

1912

Великий юбилей и связанные с ним чаяния народа

1

Под белые крыла, под крылья «Манифеста»
Царь подданных зовет (но всем ли хватит места?);
Снегов и молока тот «Манифест» белей;
Романовы, цари, справляют юбилей.

2

К нам с севера бегут порой, белея, тучи,
Мы смотрим и твердим: «Какой счастливый случай!»
Нам кажется: то царь, то сам властитель трона
Он точно едет к нам, он слышит наши стоны.
Гаттарам-беднякам несет он благодать.
Уж мы теперь вздохнем — не вечно ж нам страдать!

3

В России наших дел, трудов, следов немало
В истории ее мы — чистое зеркало.
Мы жили и живем с народом русским вместе,
Заимствуя словарь, мораль, законы чести.
Всё наше — сообща. Резвяся как дитя,
Свои места порой меняли мы шутя

4

Великому конца не будет единению!
 Мы вместе родились. Одной цепи мы звенья.
 Похожие во всем: как львы — на поле брани,
 Как кони — на полях, в часы весенней рани.
 Един наш дом родной! Так можно ли, поправ
 Такой народ, лишать его законных прав?

5

Твой праздник, государь! Романовскому роду
 Все подданные шлют, все сущие народы
 Приветствия свои; под белые крыла
 Надежда всех твоих сограждан привела.
 Вот этим беднякам, что ищут лучшей доли,
 Достанется лишь тень от праздника, не боле;
 «Когда же манафис?» — в глазах у них вопрос.
 Утишить бы их боль, унять бы реки слез!
 Один твой жест — рабов избавишь от мучений;
 Полслова — и в стране не будет преступлений!
 Дай «Манафис» такой, чтоб ожил весь народ,
 Чтоб он всё горе смыл слезами в этот год!

*

Белее молока и белого белее,
 Объявлен «Манифест» царем в честь юбилея.
 Под сенью белых крыл собирается народ.
 Три века... Торжества! Пирует царский род.

Февраль 1913

Мороз

1

У русских святки кончились. Мороз.
Потрескались от стужи уши, нос.
Торговцы в лавках пляшут, бьют в ладоши,
Им холодно, дорожки снег занес

Богач в тулупчик лисий обряжен.
Себя красой базара числит он.
Вид наготы и чекменей в заплатах
Ему и непонятен и смешон.

Не сосчитать у кабака гуляк,
Без водки не согреться им никак,
По дну бутылки ударяют крепко,
Едва лишь забираются в кабак.

«Дай влаги нам, что в лоне скрыла ты!
Согрей нам тело, жаждущие рты!
Нас изнутри в бешмет укутай теплый,
В тебе источник силы, теплоты!»

Шакирд и школьник рядышком бегут,
От стужи оба уши берегут.
Мороз объединил врагов вчерашних,
Мир заключить заставил, зол и крут.

2

В путь двинешься — в степи буран гудит,
Стеной вставая, путь он преградит.
Всем телом задрожит твой конь — и станет.
Душа замрет: то волк или бандит?

«Проклятый волк, ты кровожаден, лют.
Пусть в глотку кол тебе, злодей, забьют!
Пусть волчьи зубы, что подобны граблям,
Как мозг магишати́ста, прогнут!»

Зачем ты обижаешь мужиков?
Зачем ты грабишь наших бедняков?
Или мужик запряг свою кобылу,
Чтоб ей добычей стать твоих клыков?»

3

На озере Кабан вся наша знать
Начнет на рысках своих гонять.
Пусть днем гоняет, ночью — всё напрасно,
Им Ишмурата всё ж не обогнать.

Богатого, мороз, ты не куснешь!
На Черном озере гуляет молодежь,
Друг друга на коньках перегоняя.
Веселый хохот, радостный галдеж.

4

Вчера бродил я долго. Весь продрог,
Окоченел я, просто изнемог.

«Подраться б надо с кем-нибудь!» — подумал,
Ищу кого бы сбить скорее с ног.

Проходит некто, подходящих лет,
Довольно крепкий, хорошо одет.
Я — хлоп его по выхоленной шее!
Субъект взревел... И вот уж я согрет.

Достойного избрал себе врага,
Он мне в ответ влепляет тумака.
Подумав: «Взгреет он меня сверх меры»,
Тихонько отступает ваш слуга.

Уйдя в сторонку, снова смел и рьян,
«Постой, получишь по зубам, смутьян!» —
Кричу, а сам благоразумно прячусь.
Скандал затеял, хоть и не был пьян.

5

Да, русским братьям святки удались —
Главы семейств до смерти напились.
А впрочем, и татары как-то в праздник
От участи подобной не спаслись.

Мороз ли, праздник — людям всё равно.
Пьют и поют — грешно иль не грешно:
«Как апельсины в ящике, погибнет
Без пьянства молодость. Так пей вино!»

1913

Больной

День рождается — и снова труд пустой, никчемный
вижу,

По ночам, глаза смыкая, сон тяжелый, темный вижу

Одинок я — пред собою всё чужие лица вижу,
Только бледность щек бумажных всюду неизменно вижу.

Нету веры в милосердье, в жалость и любовь людскую,
Словно жертва пред закланьем, кровь свою, смятенный,
вижу

Замороженное жизнью, сердце льдинкою застыло,—
Всюду, всюду в этом мире холода я стену вижу.

Словно бабочки зимою, ныне девушки мне странны —
Для чего ненужный, пестрый блеск их пред собою вижу?

По земле хожу с опаской, под ногами грязь я вижу,
Смерть, в тебе то скорбь, то радость страждущей душою
вижу.

Мысль моя струей не льется, пересох души источник,
Там, где бил он, вижу омут, озеро гнилое вижу.

Гению

Открылся мир твоим глазам, и ты увидел мрак ночной
И ты пошел искать огонь, чтоб светлым сделать мир
земной

Ты шел, ты устали не знал, по сторонам ты не глядел,
Ты был на избранном пути настойчив, деятелен, смел

Зачем же оглянулся ты назад, туда, где прежний мрак,
Когда до света, до огня остался лишь короткий шаг?

Ты блеск увидел позади, но это золото — не свет,
Оно угрюмо и мертво, ведь в нем тепла живого нет.

Оно обманет, соблазнит, чтоб удлинить твой трудный
путь,
А вдруг продашься ты, а вдруг назад решишься
повернуть?

Нет, гений, не смотри назад, твой идеал тебя зовет.
Добьется цели только тот, кто твердо движется вперед

1913

Сил своих на черный день...

Сил своих на черный день я в дороге не сберег,
Ибо светлым ни один день назвать бы я не смог.

На пути моем врагов было больше, чем собак,
Ибо с гнетом я вовек примириться бы не смог.

Я врагам не отомстил, вышли силы, сломан меч,
В битве с грязью сам погряз, мир очистить я не смог.

1913

Слава

Пиши, но помни об одном: не увлекайся славой ты!
Одежды прочной не сыскав, очутишься в дырявой ты
Не говори: коль славы нет, как отзовется голос мой?
Пойми: откроешь в мир окно душою чистой, правой ты.

1913

Писателю

(Отрывок)

О редактор! Прозорливость дал тебе добра венец!
О художник! Слов правдивость дал тебе добра венец!

Возвратись в места родные, не томи нас, возвратись,
Пусть трепещут пред тобою лицемер, ханжа, подлец!

За шесть лет слова другими стали и слывут теперь
Просветительством — торговля, просветителем — купец.

Многие из тех, кто в Пятом числились в «святых»
борцах,
Перегрызлись.. Бурным взлетам и мечтам пришел
конец.

Каждый, словно волк матерый, скрылся в логове своем,
Разбредлося без чабана стадо молодых овец.

Как сказал пророк: «Гумера черт боится». Ты б
взглянул —
И вранье на полуслове оборвал бы наглый лжец...

1913

Слова Толстого

Если скромно он жил — не жалеет о том человек,
Плачет кровью порой тот, кто в роскоши прожил свой
век.

Богатея безмерно, пойми, в чем удачи исток:
У безвестных страдальцев ты отнял последний кусок.

Лень работать тебе? Спину гнуть неохота? Тогда
Попрошайкою стань иль жирей от чужого труда.

Знаешь ты, отчего и еда у богатых вкусней?
Соль и перец, что в ней,— слезы бедных, несчастных
людей.

1913

Отрывок

Пушкин, Лермонтов — два солнца — высоко
вознесены,
Я же свет их отражаю наподобие луны.

Пушкин, ты неподражаем, в повтореньях толку нет.
Повтори я стих Корана, был бы я тогда поэт?

И Жуковский — мой учитель... Я поднялся в вышину.
Эй, завистник, пес голодный, что ж ты лаешь на луну!

1913

На досуге

Я немало смелых мыслей перевел на наш язык.
К переводу, как к молитве пятикратной, я привык.

Сердце горестное стало солнечным, как вешний дол,
И тогда «Слова Толстого» на досуге перевел.

Если скажут: «В том же духе был у нас
„Гайнель-Гыйлем“»,
— «Мы когда-то всё имели»,— отвечать я стану всем.

1913

Казань

Огнем заводов в дни и ночи людей ты жжешь, Казань
Здоровых погубив рабочих, ты новых ждешь, Казань.

1913

СТИХОТВОРЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Дождь и Солнце

Сказало Солнце: «Буду век светить,
Совсем не буду с неба уходить».

Ответил Дождь: «Я буду день за днем
Всё заливать потоками кругом».

Сказало Солнце: «Но ведь ты — вода.
В грязь превращаешь землю ты всегда.

Ты знаешь лишь одно: ручьи текут,
Распутицу рождая там и тут.

Хлеба в полях гниют, скудеет дол.
И молится мужик, чтоб ты не шел».

А Дождь в ответ: «Ты ото дня ко дню
Всё жарче, хлеб сжигаешь на корню».

От гнева Солнце запылало зло.
Пыланье все границы перешло.

Сказало Солнце: «От моих лучей
Плоды и свет земле обширной всей».

Ответил Дождь: «Уж если ты плоды
Растишь, то как созреть им без воды?

Идти не буду, влагу принося,—
И высохнут сады и зелень вся».

Они так долго спорили в пылу,
Так друг на друга сыпали хулу,

Что под конец решили слово дать
Бесплодный этот спор не продолжать.

Они решили дело так вести,
Чтоб каждый был в почете и в чести.

Сказало Солнце: «Мне в свой срок пылать,
Тебе — в свой срок просторы увлажнять».

И Дождь и Солнце с тех до наших пор
Не нарушают этот уговор.

1909

Ель

В дни осенние желтеют все деревья и кусты.
В эту пору и лужайки, и леса желтым-желты.

Ивы, яблони, березы — все как будто бы больны:
С каждым днем на них всё больше нездоровой желтизны.

Не страшны одной лишь ели ни морозы, ни метель —
Осень позднюю и зиму не желтеет эта ель.

1909

Счастливый ребенок

Очень счастлив тот ребенок, что в занятия влюблен,
Чтит учителя и помнит всё, что на дом задал он,

По пути ворон не ловит и приходит в школу в срок,
Не шалит и не играет, коли ждет его урок;

К людям добр, дорогу старшим уступает в свой черед,
Не смеется над несчастным, слабым руку подает.

1909

Арба, Сани и Лошадь

Случай вместе свел однажды Лошадь, Сани и Арбу,
Со слезами начал каждый на свою роптать судьбу.

И, вздохнув, Арба сказала: «Я не знаю летом сна,
Сутки целые в работе, день и ночь запряжена».

В разговор вмешались Сани: «Как страдаем мы зимой!»
Лошадь жалуется тоже на удел свой непростой.

Говорит она: «Мне ваша жизнь не кажется плохой —
Вот вы трудитесь полгода, а полгода вам — покой.

У меня же даже суток беззаботно не пройдет.
Я воистину несчастна — ведь тружусь я круглый год!»

1909

В школе

Лес и поле оголила осень жесткою рукой,
И уже зима выходит в белой шубе меховой.

Хлеб убрали, стало тихо и пустынно на полях,
Птицы южные вернулись зимовать в родных краях.

Стало тихо и в деревне, словно скука бродит там,
Звуки летние исчезли. Где ж веселый шум и гам?

Вся природа подурнела и на время умерла,
Только в школе оживленье, только школа весела.

В школе вслух читают дети. Будь прилежна, детвора!
Вас к учению вернула вновь осенняя пора!

1909

«

Фатима и соловей

Ф а т и м а

Почему ты не поешь, мой соловей?
На душе светлей от песенки твоей.
Вдоволь корма в клетке славной у тебя,
Что ж склонил свою головушку, скорбя?

С о л о в е й

Я в лесу зеленом песни распевал,
Я на воле зори вешние встречал.
Как же петь мне, где же радость у певца? —
Там в лесу осиротели три птенца!

И подруга ждет на ветке день-деньской,
Чахнет-сохнет без меня в разлуке злой.
Я в плену, а знаешь истину сама:
Золотая клетка — всё ж она тюрьма...

Ф а т и м а

Соловей! Открыла дверцу я тебе,
Ты на воле о моей молись судьбе.
Будь свободен и в зеленый лес лети,
Соловьят своих на воле ты расти.

1910

Колыбельная песня

Баю-баю-баю, сын,
В медресе поедет сын,
Все науки превзойдет,
Всех ученых будет сын.

Глазки сонные закрой,
Спи, мой месяц золотой,
Что не спишь ты по ночам,
Что ты плачешь день-деньской?

Баю-баюшки-баю,
Хочешь, песенку спою?
Стану сказки говорить,
Колыбель качать твою.

Спи, усни, бесценный мой,
Лучше всех ты, мой родной,
У меня на всей земле
Нет радости иной!

1910

Белый Дед

Мир в белое одев, снежинок кутерьма
Ложится на сады, на улицы, дома.
Весь белый, весь в снегу, тогда приходит Дед,
Для нас игрушками полна его сума.

Галдим мы радостно, кричим: «Спасибо, Дед!
Дай бог прожить тебе на свете много лет!
Ты не смотри, идет ли дождь, идет ли снег,
К нам приходи — для нас огромней счастья нет!»

1910

.

Не всё то золото, что блестит

В саду беспечный мотылек резвился ночью мая,
Порхал, играл, среди цветов садясь и вновь взлетая,

Вдруг увидал он — далеко сверкает в поле что-то,
То разгорится, как звезда, то меркнет позолота.

Как все на свете мотыльки пленившись красотою,
Он полетел туда и сел на что-то золотое.

А был то — уголек костра, что путники забыли.
И мотылек, сгорев дотла, стал кучкой серой пыли.

1910

Кончил работу — играй!

В один прекрасный летний день, забившись в уголок,
Готовил мальчик поутру учителю урок.
Он книгу толстую читал не отрывая глаз,
И слово каждое ее твердил по многу раз.

Скользнуло солнышко лучом в закрытое окно:
«Дитя, на улицу иди, я жду тебя давно!
Ты был прилежным, но закрой учебник и тетрадь,
На воле чудно и светло, тебе пора играть!»

А мальчик солнышку в ответ: «Ты погоди, дружок!
Ведь если я пойду гулять, кто выучит урок?
И для игры мне хватит дня, оставим разговор.
Пока не кончу, ни за что не выбегу во двор!»

И, так ответив, замолчал, за книгу взялся он
И снова трудится над ней, ученьем увлечен.

Но в это время под окном защелкал соловей
И слово в слово повторил: «Я жду тебя скорей!
Ты был прилежным, но закрой учебник и тетрадь,
На воле чудно и светло, тебе пора играть!»

Но мальчик молвил: «Погоди, соловушко, дружок!
Ведь если выйду я во двор, кто выучит урок?»

Когда закончу, не зови — сам выбегу туда.
Я песню милую твою послушаю тогда».

И, так ответив, замолчал, за книгу взялся он
И снова трудится над ней, ученьем увлечен

Тут веткой яблоня стучит в закрытое окно:
«Дитя, на волю выходи, я жду тебя давно!
Должно быть, скучно всё сидеть за книгами с утра,
В саду под деревом густым тебе играть пора!»

Но мальчик ей сказал в ответ: «Ах, яблонька, дружок,
Ведь если я пойду гулять, кто выучит урок?
Еще немножко потерпи. Хоть славно на дворе,
Когда уроки за тобой, веселья нет в игре!»

Пришлось недолго ожидать — окончены дела,
Тетради, книжки и пенал исчезли со стола!
И мальчик быстро в сад бежит: «А ну, кто звал меня?
Давайте весело играть!» И началась возня.

Тут солнце красное ему с небес улыбку шлет,
Тут ветка яблони ему дарит румяный плод,
Там соловей запел ему о том, как счастлив он.
А все деревья, все цветы отвесили поклон!

1910

В мастерской

Работа, работа
И ночью и днем
Грохочет машина
И пышет огнем

Проклятое пекло,
Кипящая медь!
Работай, работай
Сегодня и впредь!

Лицо пожелтело,
Согнулась спина,
Глаза потускнели,
Блестит седи́на.

А дым-то, а дым-то!
Сжимается грудь.
Грохочут колеса,
И страшно взглянуть.

Бежать бы отсюда,
От адских печей,
Куда-нибудь дальше,
В раздолье полей,

Где птицы щебечут,
Где даль голуба,
Где ягоды зреют,
Желтеют хлеба!..

1910

Ребенок, получивший похвальную грамоту

Ребенок так любил читать, так жадно всё хотел он
знать,
Что трудно было оценить успех простой отметкой «пять».

Всё, что велели, написал, прочел стихи из разных книг,
Похвальной грамотою был отмечен этот ученик

А если с детства мальчуган ученью рад и книгам рад,
Еще заслужит в жизни он немало всяческих наград.

1910

Озорной котенок

Погляди, взялась за дело не на шутку Ламига,
Платье шьет любимой кукле — знать, ей кукла дорога!

«Ну, готова ли обнова?» — лежа кукла платья ждет
Да и как не волноваться — скоро праздник к нам придет!

А котенок притаился, за катушкою следит,
Шевельнется ли катушка, с нетерпением глядит.

Ох, сейчас котенок прыгнет — лишь мелькнет пушистый
бок!

И начнет играть катушкой, нитки путая в клубок.

Нет заботы у котенка: прыг да скок — и всё не лень!
Озорник, шалун веселый — так и скачет целый день!

1910

Ленивый пес

Не живет, а блаженствует пес у меня:
Целый день звонкий лай, беготня и возня.

На меня он с таким умилением глядит,
Ну, вот-вот улыбнется и заговорит.

Иногда он лежит после сытной еды,
Морду в лапы уткнет и не знает беды.

Племя мух начинает его донимать...
Пес ленивый! Ему бы их прочь отогнать!

Он лежит и следит за мушиной возней,
Лишь сверкнет из-под век его глаз озорной.

Но когда, почесав себе ухо, встает —
Разлетается тут же мушиный народ.

1910

Наша семья

Папа с мамой, баба с дедом, кошка, и сестра, и я —
Семь нас в доме, и седьмая — кошка славная моя.
Кошка с нами ест и пьет, с нами вместе спать идет.
И работа есть у кошки — дом от мышек стережет.

1910

Гали и коза

С козою дружит наш Гали который год.
Он вместе с нею на лужок гулять идет.
Свою козу там угощает он травой,
Ну а коза трясет довольно бородой

1910

Лестница

У стенки лестница стоит. Она довольно высока,
Притом крепка и тяжела — ступенек в ней до сорока.

Ступеньки все равно нужны, все одинаковы на вид,
Но та, что сверху, свысока на прочих все-таки глядит.

Она кричит им: «Вы внизу! Я выше всех и тем горда!
Вы сами видите, со мной вам не сравняться никогда!»

Но лестницу работник вдруг перевернул, и где тот крик?
Ступеньки как по волшебству местами поменялись вмиг.

1910

Забавный ученик

«Стой, Акбай, на задних лапках, поучись-ка, послужи! Ну, не падай! Ну, не падай! Спину ровненько держи».

«Мне учение — в мученье! Я же маленький — смотри! Сколько от роду мне... Месяц? Или два? А может, три...

«Нет, не буду я учиться, по траве сейчас помчу, На лугу лежать, на травке поваляться я хочу!»

«Глупый пес не понимает — нет уж, сызмала учись! Тверже к старости суставы, не согнешься, как ни гнись!»

1910

Бедняга заяц

Заяц серый, заяц мягкий, что с тобой?
Отчего ты, заяц, ходишь сам не свой?»

«О душа моя, да ты еще малыш!
Знай: от горя поневоле загрустишь.

Жили дружно мы с зайчихою вдвоем,
И зайчата резво прыгали кругом.

Составляли мы единую семью,
Тихо радовались мирному житью.

Волк зубастый наших детушек поел,
Хоть бы вовсе он, разбойник, околел!

И зайчиху потерял я в тот же год.
Только вспомню я, тоска меня берет.

Злой охотник с гончей лесом проходил,
Увидал бедняжку, выстрелил, убил.

Я с тех пор и ем — не ем и пью — не пью,
Одинокий, всё грущу да слезы лью».

1910

Летом

Жарко. Душно. Зной мертвящий. Мочи нет. Нельзя
терпеть.

Воздух замер, и деревья перестали шелестеть.

Всюду засуха. Мелеют воды речек и озер.

Чахнут все цветы и травы, полевой завял ковер.

Под листвою порыжелой дети прячутся в тени,
Там прохлады не находят — в пруд бросаются они.

Словно рыбки, там ныряют дети с самого утра,
Только вечером на берег вылезает детвора.

Вдруг лица едва коснулись словно легкие шелка —
Благодатная прохлада, дуновенье ветерка.

Там за ближним лесом небо блещет молнийным огнем,
Приближаются раскаты, всё слышней рокочет гром.

1911

Утро

Рассвело. Проснулись все.
Небо в утренней красе.
Солнца первые лучи
В чистой искрятся росе.

День с заботами идет.
Взад-вперед снует народ.
Птичьих стаяк голоса
Улетают в небеса.

Теплым светом залиты
Лес, поля, луга, сады,
Ярко светятся в лучах
Городских домов ряды.

В эту пору там и тут
В школу школьники бегут,
С толстым ранцем за спиной
В класс бегут они гурьбой.

1911

Кисонька

Сон

Положив на лапки рыльце, сладко-сладко спит она,
Но с пискливым мышьим родом и во сне идет война.

Вот за мышкою хвостатой погналась... как наяву
И, догнавши, тотчас в горло ей впилась... как наяву.

Снится ей: сейчас на крыше кошки ловят воробьев
И мурлычут — видно, рады, что у них удачен лов...

Псы не портят настроенья, не видны и не слышны.
Спит она в покое полном, видя радужные сны.

Пробуждение

Встала кисонька, зевнула, широко раскрыла пасть,
Потянулась, облизнулась и опять зевнула всласть.

Вот усами шевельнула, лапкой ухо поскребла,
Спину выгнула дугою, взглядом стены обвела.

И опять глаза закрыла Тишина стоит кругом.
Неохота разбираться ни в хорошем ни в плохом.

Вновь потягиваться стала, сонную сгоняя лень,—
Это делают все кошки и все люди каждый день.

Умная задумчивость и удивление

Вот уселася красиво, принимая умный вид,
Призадумалась — и сразу весь огромный мир забыт

Совершенно невозможно знать течение дум ее:
То ль прогресс племен кошачьих занимает ум ее,

Или то, что в лапы кошкам мыши сами не идут,
Или то, что зря у птичек крылья быстрые растут,

Или то, что кур и уток трогать ей запрещено,
Молоко лакать из крынки ей в подвале не дано.

То ли думает о пище — той, что съедена вчера,
То ль о том, что пуст желудок, что поесть давно пора.

Только чу! Раздался где-то еле-еле слышный звук —
И развеялись мечтанья, оживилось сердце вдруг.

Что там? Может быть, за печкой мышка хитрая ползет?
Или, может, это крыса доску под полом грызет?

Протянул ли паутину тут поблизости паук?
И, к нему попавши в лапы, муха стонет там от мук?

Что случилось? Неизвестно, — знают кошки лишь одни.
Видно только, как блеснули у нее в глазах огни.

Тонкая наблюдательность

Встала, важное почуяв: не погас природный дар!
Уши тихо шевелятся, каждый глаз как желтый шар.

Тут поблизости для кошки несомненно что-то есть!
Что же, радость или горе? Вот опять забота есть.

Ждет. Огонь уже зажегся, разгоняя в доме мрак.
Перед зеркалом хозяйка поправляет свой калфак.

В этот вечер богачиха в дом один приглашена,
И в гостях, конечно, хочет покрасивей быть она.

Оттого она и кошку не кормила, может быть:
По такой причине важной кошку можно и забыть!

И глядит печально кошка: вновь голодное житье!
Всё готовы продырявить желтые глаза ее.

Надежда и разочарование

Посмотрите-ка! Улыбкой рыльце всё озарено,
Пусть весь мир перевернется, нашей кошке всё равно.

Знает острое словечко хитрый кисонькин язык.
Но до времени скрывает, зря болтать он не привык.

Но прошло одно мгновенье, вновь является она.
Что же с кошечкой случилось? Почему она грустна?

Обмануть людей хотела, улыбаясь без конца,
Всё надеялась — за это ей дадут поест мясца.

Всё напрасно! Оттого-то у нее печальный вид,
И опять она горюет, вновь душа ее болит.

Страдание и неизвестность

Так никто и не дал пищи! Как ей хочется поесть!
Стонет, жалобно мяучит — этих мук не перенести.

Сводит голодом желудок. Как приходится страдать!
На лице печаль, унынье: трудно хлеб свой добывать.

Вдруг какой-то звук раздался от нее невдалеке
Мигом кисонька забыла о печали, о тоске.

Что за шорох? Что там — люди иль возня мышей и крыс?
Сделались глаза большими, уши кверху поднялись.

Неизвестно, неизвестно! Кто там — друг ее иль враг?
Что сулит ей этот шорох — много зла иль много благ?

Притворяется безразличной

Вот поставили ей чашку с теплым сладким молоком,
Но притворица как будто и не думает о нем.

Хоть и очень кушать хочет, хоть и прыгает душа,
Как суфий к еде подходит, не волнуясь, не спеша.

Показать она желает, что совсем не голодна,
Что обжорством не страдает, что не жадная она.

Из-за жадности побои доставались ей не раз —
У нее от тех побоев сердце ноет и сейчас.

Подготовка к нападению и лень от сытости

Вот она прижала уши и на землю прилегла,—
Что бы ни зашевелилось, прыгнет вмиг из-за угла.

Приготовилась к охоте и с норы не сводит глаз:
Серой мышки тонкий хвостик показался там сейчас.

Или мальчики бумажку тащат, к нитке привязав?
Что-то есть Не зря притихла — знаем мы кошачий нрав.

Но взгляните — та же кошка, но какой беспечный вид!
Разлеглась она лентяйкой: ведь ее желудок сыт.

Как блаженно отдыхает эта кошка-егоза.
Незаметно закрывает золотистые глаза.

Пусть теперь поспит. Вы кошку не тревожьте, шалуны.
Игры — после, а покуда пусть досматривает сны.

Материнство

Милосердие какое! Умиляется душа!
На семью кошачью с лаской каждый смотрит не дыша.

Моет, лижет мать котенка, балует, дрожит над ним.
«Дитяtko,— она мурлычет,— свет очей моих, джаным!»

Из проворной резвой кошки стала матерью она,
И заботы материнской наша кисонька полна!

От раздумья к удовольствию

Вот она вперилась в точку и с нее не сводит глаз.
Над каким она вопросом призадумалась сейчас?

В голове мелькают мысли — нам о них не знать вовек,
Но в глазах ее раздумье замечает человек.

Наконец она устала над вопросом размышлять,
Удовольствию, покою предалась она опять.

Страх-гнев и просто страх

Вот над кошкой и котенком палка злая поднята,
Как известно, бедных кошек не жалеет палка та

Мать боится и котенок — нрав их трудно изменить,
Но со страхом материнским страх котенка не сравнить.

Кошка-мать готова лапкой палку бить, кусать сапог,
А котенок испугался — и со всех пустился ног

Наслаждение и злость

Спинку ласково ей гладят, чешут острое ушко,
Ах, теперь-то наслажденье кошки этой велико!

Тихой радости и счастья наша кисонька полна,
Ротик свой полуоткрыла в умилении она.

Голова склонилась набок, слезы искрятся в глазах.
Ах, счастливое мгновенье! Где былая боль и страх!

Удивительно, чудесно жить на свете, говорят,
Так-то так, но в мире этом разве всё идет на лад?

Всё непрочное в этом мире! Так уж, видно, повелось:
Радость с горем под луною никогда не ходят врозь.

Гость какой-то неуклюжий хвост ей больно отдал
Или зря по спинке тростью изо всех ударил сил.

От обиды этой тяжелой кошка злобою полна,
Каждый зуб и каждый коготь точит на врага она.

Дыбом шерсть на ней, и дышит злостью каждый волосок,
Мщенье страшное готовит гостю каждый волосок.

Всё кончилось!

Вот она, судьбы превратность! Мир наш — суета сует:
Нашей кисоньки веселой в этом мире больше нет!

Эта новость очень быстро разнеслась. И вот теперь
Там, в подполье, верно, праздник, пир горой идет теперь.

Скачут мыши, пляшут крысы: жизнь теперь пойдет на
лад!

Угнетательница-кошка спит в могиле, говорят.

Некролог

В мир иной ушла ты, кошка, не познав земных отрад.
Знаю: в святости и вере ты прошла уже Сират.

Лютый враг мышей! Хоть было много зла в твоих
делах,
Спи спокойно в лучшем мире! Добр и милостив аллах!

Весь свой век ты охраняла от мышей наш дом, наш
хлеб,
И тебе зачтется это в книге праведной судеб.

Как тебя я вспомню, кошка,— жалость за сердце
берет.
Даже черви осмелели, а не то что мыший род.

Ты не раз была мне, друг мой, утешеньем в грустный
час.

Знал я радостей немало от смешных твоих проказ.

А когда мой дед, бывало, на печи лежал, храпя,
Рядышком и ты дремала, всё мурлыча про себя

Ты по целым дням, бывало, занята была игрой,
Боли мне не причиняя, ты царапалась порой.

Бялиши крала на кухне, пищу вкусную любя,
И за это беспощадно били палкою тебя.

Я, от жалости рыдая, бегал к матушке своей,
Умолял ее: «Не надо, кошку бедную не бей!»

Жизнь прошла невозвратно. Не жалеть о ней нельзя.
В этом мире непрестанно разлучаются друзья.

Пусть аллах наш милосердный вечный даст тебе покой!
А коль свидимся на небе, «мяу-мяу» мне пропой!

1911

Сабит учится читать

Шесть лет Сабиту минуло. Не по годам умен,
Единственный ребенок, любимец общий он.

Озорничает часто, заводит кутерьму,
И всё Сабиту нравится, и весело ему.

Парнишка он смекалистый, всё важно для него,
Всех мучает вопросами — зачем да отчего?

До самой малой малости он всё желает знать,
Всё разъяснить стараются ему отец и мать.

И вот отцу однажды сын задает вопрос:
«А почему ты, папа, букварь мне не принес?»

Ведь мне ж учиться надо, я сам читать хочу,
Прочту я все рассказы, стишки я заучу».

Хоть папа озадачен такою просьбой был,
Но азбуку «Подарок» немедленно купил.

И вот перед сынишкой букварь раскрыл отец.
К ученью жадно тянется мальчишка, как птенец.

Вот это «Б», а это «В», а это — буква «А»,
Как интересно, что из них получатся слова!

Сабит про игры позабыл, ученьем увлечен.
Уже «Подарок» по слогам прочесть умеет он.

Как видно, книга папина Сабиту по душе:
Все до единой буквы он вытвердил уже

И как-то раз, за ужином, вдруг начал вслух читать,
Да так, что в изумлении глядят отец и мать.

«По-да-рок,— чуть прерывисто, отдельно, по слогам,—
От дя-ди Ха-ри-то-но-ва»,— читает мальчуган.

Отец от удовольствия в улыбке расплылся,
Глощает чай и слушает. И мать сияет вся.

Уж до того-то счастлива.. Взгляните вы на мать.
Она сына на радостях спешит зацеловать.

1912

ПОЭМЫ

Маленький рассказ в стихах

Жил да был Сафый — смиренный человек.
Был он тихим, молчаливым весь свой век.

Жил он бедно в старом домике своем,
Торговал на рынке шкурками, тряпьем.

Никогда он не ругался, не шумел,
Даже громко обижаться не умел.

Посвятил Сафый аллаху весь свой век.
Был Сафый религиозный человек.

Дни за днями, год за годом — жизнь текла,
Неплохой, казалось, жизнь его была.

Только в доме у него была жена,
Фатимою называлась она.

Вот о ней и поведу я свой рассказ,
Расскажу вам о делах ее сейчас.

Описать ее? Была она резва,
Как весенняя шумливая листва,

И лицом своим, и станом недурна,
И любила платья модные она,

И любила кулаком о стол стучать
И на мужа малодушного кричать...

Дни за днями, год за годом — время шло,
Вот к чему, друзья, всё это привело:

Стал бедняк Сафый — женою, а жена —
Стала мужем, честолюбия полна.

По соседям проносилась молва:
«Фатима на шее мужа — голова!»

Разве мало на земле Сафыев есть?
Много есть у нас Сафыев — и не счесть!

И жена молола мужа как крупу,
Но Сафый не обижался на судьбу.

Он стоял пред ней как кляча. А жена?
Перед ним как гордый конь была она.

Целый день она кричала на него:
«Как? Зачем? И почему? И отчего?»

«Эй, Сафый, подай скорее самовар!»
«Эй, Сафый, сходи скорее на базар!»

«Ну-ка комнату получше подмети!»
«Ну-ка в лампе замени скорей фитиль!»

Фатима Сафью не дает вздохнуть,
Даже глазом не дает ему моргнуть.

Не проходит дня без ругани, грызни.
Слово каждое ее — укус змеи.

Густо сыпятся напасти, как пшено,
Вот из тысячи я выберу одно:

Фатима сказала мужу: «Эй, дурак,
Что, не видишь? Устарел уж мой калфак,

Поредели ожерелья, жемчуга...
Я ведь — знаешь сам — не старая карга,

Чтоб старье на голове своей носить!
Ты калфак обязан новый мне купить.

Вот сноха Мусы — не знать бы ей добра —
В новой кофте нынче вышла со двора.

Если б кофту вот такую мне надеть,
Разве стали б на сноху тогда глядеть?

Покупай же мне наряды, дуралей.
На жену свою ты денег не жалеЙ!..»

И стоит Сафый и слушает в тоске.
Скажет слово — вмиг получит по щеке.

Склонит голову Сафый, как битый пес,
На базар пойдет, не вытирая слез.

И последние копейки — рад не рад —
Израсходует на новенький наряд...

Я тебя, читатель, верно, утомил.
Но ведь надо, чтобы облик ясен был,

Облик той, о ком веду я свой рассказ...
Много числилось за нею и проказ.

Началось так. Пришла однажды к ней
Ненавистница-старуха, бич мужей,

Ведьма с темной, непроглядною душой,
Прозываемая бабою-ягой.

Эта женщина с пути сводила всех
В омут похоти, измен, дурных утех.

Вот пришла с мешком, уселась и сидит,
А в мешке у ней злой умысел лежит.

Говорит она: «Мне, детка, жаль тебя,
Ведь живешь ты, свою молодость губя.

Долго думала я о твоей судьбе,
Вот решила наконец прийти к тебе.

Ты еще ведь молода и хороша,
Все томятся по тебе, моя душа;

Ведь по молодости, по красе твоей
Изнывает, верно, множество парней,

Можно ль старому быть верною женой?
Брось любить его! Лежи к нему спиной!

Не губи себя! Чем жить со стариком,
Лучше жить с могилой черною вдвоем,

Потому что в сотни раз милей земля
Мужа старого, красавица моя!

Так чего же от него ты не уйдешь?
Ты красивая, красивого найдешь.

Старикашка твой не стоит и гроша,
А краса твоя — ведь золото, душа!..

А не хочешь уходить, так можно так:
Темной ночью, лишь уснет он, твой дурак,

Я джигита-удальца тебе найду,
Я красавца молодого приведу.

У него в объятьях — рай. Его глаза
Точно звезды. Сам он строен, как лоза.

В страстных ласках словно пламень он горит.
Что ни слово — чистым золотом звенит...»

Закружилась у красотки голова.
Прямо в сердце ей запали те слова.

Состоит ведь Фатима из жадных губ,
Из очей, которым каждый, всякий люб.

Не ее смутит развязный поцелуй...
Эй, Сафый! О доле ты своей горюй,

Плачь, бедняга, потому что с той поры
Каждой ночью для забав и для игры

Пробираться молодые стали к ней!
Фатима встречала с ласкою парней,

То один ее целует, то другой...
Уходили только с утренней зарей.

Развлекалась иногда на стороне
И по сходной продавалась цене.

Ведь глаза ее к себе манили всех,
Обещая много сладостных утех...

Фагилятен, фагилятен, фагилят!
О проделках Фатимы все говорят...

Дни и ночи, дни и ночи напролет
Греховодница игру свою ведет,

А про мужа стала вовсе забывать.
Стала «бабою» Сафья называть.

Он же видел всё, и знал, и замечал,
Но слепым он притворялся и молчал.

Он любил ее и был готов простить:
Всё равно с вороны черный цвет не смыть.

Фатима для мужа — молока белей
И воды речной прозрачней и светлей.

Он в жену свою до крайности влюблен,
Ничего не хочет слышать, видеть он.

Заступается за честь своей жены,
Не находит в ней ни капельки вины.

А меж тем уже немало глаз чужих
Ее видели в объятиях других...

Фагилятен, фагилятен, фагилят!
Дни и годы, дни и годы всё летят.

Фатима в уютной комнате своей
Молодых всё так же радует парней.

Но Сафый с печальной мирится судьбой,
Разводиться он не думает с женой.

Если кто о ней плохое говорит,
Он смеется, хоть душа его горит.

Развестись с женой? Но он ведь не один:
Есть еще у них детишки — дочь и сын.

Если он их мать прогонит со двора —
У него осиротеет детвора.

Как же может он расстаться с ней, с женой,
С милой спутницей своею дорогой?

Так он думает, и плачет, и грустит,
Но, как прежде, ничего не говорит.

«Был бы умным он,— соседи говорят,—
Каждый день бы не глотал огонь и яд.

О такой жалеть? Любить ее? К чему?
Кто с блудницей стал бы жить в одном дому?

За детей Сафый боится, за двоих,—
Что бояться? Пусть двенадцать будет их:

Лучше быть на свете круглым сиротой,
Чем всю жизнь стыдиться матери такой!..»

Долго все кругом шептались меж собой
И ругали бедняка наперебой.

И пришли к нему соседи наконец:
«Разведися с потаскухой, глупец!

Ведь она, Сафый, позорит честный дом.
Будешь ты из-за блудницы под судом!..»

И пришлось ему тогда жене сказать:
«Фатима, мне дольше нечего скрывать.

Не могу я больше жить с такой женой,
Жить иди с своею бабою-ягой.

Пусть тебя счастливой сделает яга,
Кормит, холит, покупает жемчуга!..»

Фатима! Упала в грязь твоя звезда,
Дом родимый ты покинешь навсегда.

Не спасли тебя лукавство и обман,
И лиса ведь попадается в капкан...

И ушла она с подушкою в руке
И с лепешками в изношенном мешке...

Фагилятен, фагилятен, фагилят!
Ей соседи вслед насмешливо глядят.

Фатима, ты докатилась до беды.
Ты осталась без семьи и без еды.

Ходишь тощая, как высохшая кость,
Всех садов, лесов и улиц вольный гость.

Под сосной она проводит свой досуг,
Небо крышей служит ей, постелью — луг...

Что рассказывать мне дальше про нее?
Как в стихах мне описать ее житье?

И уж хочет видеть мужа и детей
И тот дом, где провела так много дней.

Стала каяться она в своей вине,
Ибо горько быть снохою сатане.

В дождь и в стужу, через снег, разливы луж
Ходит, плачет: «Лес — мой дом, а леший — муж».

Ходит-бродит по лесам и по садам,
Может быть, она встречалась и вам?..

Вот, читатели, и мой рассказ готов.
Может, много написал я лишних слов,

Факты разные, подробности любя...
Фатима, поверь, жалею я тебя!

Я не знаю жизнь грядущую твою,
Но узнаю — опишу ее. Даю

Слово честного поэта и певца:
Доводить люблю я дело до конца!

1906

Шурале

1

Есть деревня за Казанью под названием Кырлай,
Запоешь там — сразу куры подпевают, так и знай.

Хоть рожден в другом я месте, но и тут когда-то жил,
В поле я ходил за плугом, сеял, жал — и не тужил.

Там со всех сторон деревни — буду вечно помнить —
лес,
По лугам трава как бархат, а вверху — лазурь небес.

Велика ль сама деревня? Нет, Кырлай не так велик,
Не река поит живущих, просто маленький родник.

Там не холодно, не жарко, всё размеренно идет:
Будет время — ветер дунет, будет время — дождь падет.

А в лесу красно от ягод — торопись собрать добро:
Земляники ли, малины наберешь полно ведро.

Строим воинов могучих сосны, ели поднялись,
Я не раз лежал под ними, глядя в солнечную высь.

Под березами, дубами среди ягод и грибов
Яркой радугой играют лепестки лесных цветов.

Сколько белых, алых, красных, желтых, синих
встретишь ты!

Источают нежный запах, пахнут сладостно цветы.

Прилетают, улетают всех расцветок мотыльки,
На цветы они садятся и целуют лепестки.

Здесь щебечут божьи птички, оглашая небеса,
Сладкозвучные такие льются в душу голоса.

Тут и скверы, и бульвары, тут театр, и тут оркестр,
Тут и клуб, и зал для танцев — всё встречается окрест.

Лес велик — совсем как море, даже края не видать,
Он могуч и беспределен, словно Чингисхана рать.

Оглядишься — и воскреснут наших прадедов дела,
Имена их, мощь и слава, что до этих дней дошла.

Время занавес театра вдруг раздвинет до конца:
Ахнешь! Кем же нынче стали мы, создания творца!

2

Описал я летний полдень; зиму, осень опишу,
Вспомнить девушек румяных, черноглазых поспешу.

Сабантуй — весенний праздник передать я не берусь,
Потому что мои мысли далеко уйдут, боюсь...

Но постой, постой, читатель, вроде сбился я с пути,
Ведь заглавие у сказки — «Шурале», уж ты прости.

Как мою деревню вспомню, так теряюсь всякий раз.
Потерпи еще немного, я начну, начну сейчас.

3

По глухим лесам окрестным много зверя развелось:
Тут живет и волк-бродяга, тут живут медведь и лось.

Повстречает здесь охотник, с ружьем бродя в лесу,
Много зверя — белку, зайца и разбойницу-лису.

Раз он густ и темен — значит, шурале в лесу царят,
Упыри живут и черти, оборотни в нем дурят.

И чему тут удивляться, лес густой и в нем темно,
Так и в небе всё бывает — ведь бескрайнее оно!

4

Я скажу всего два слова, только присказку свою,
И, конечно, как обычно, я немного попою.

Раз джигит из той деревни тихой ночью, при луне,
Взяв телегу, за дровами в лес поехал на коне.

Сразу принялся за дело, прохлаждаться недосуг,
Начал он рубить деревья, только слышно «тук» да «тук».

Ночь была хотя и летней, но не очень-то тепла,
Оттого что птицы спали, тишина кругом была.

В темноте, в лесной прохладе всё притихло, всё молчит,
Позабыв, где лево-право, дровосек себе стучит.

Топора не выпуская, разогнулся он на миг,
И тогда какой-то жуткий в тишине раздался крик.

Вздвогнув, замер он на месте, не шелохнется джигит,
Смолрит в страхе — что такое за страшилище стоит?

Кто же это? Джинн? Бродяга? Дух лесной ли? Жуть
берет,
До чего же безобразен тот немислимый урод!

Нос кривой — изогнут книзу наподобие крючка,
Ноги согнуты, как ветки, руки — словно два сучка.

А глазища исподлобья злобно светятся огнем,
Напугает, как увидишь, и не только ночью — днем.

Голый весь, ужасно тощий, с человеком схож вполне,
Рог на лбу — со средний палец по длине и толщине.

Пальцы вовсе не кривые, а совсем наоборот,
Только каждый с пол-аршина, — просто оторопь берет.

5

Оба, глядя друг на друга, ждут, молчание храня,
Наконец джигит промолвил: «Что ты хочешь от меня?»

«Не пугайся, не грабитель, не разбойник я, не вор,
Ну не праведник, конечно, но о том ли разговор?

“

Вот обычай мой: щекоткой умерщвляю я людей,
Заревел, тебя увидев, я от радости, ей-ей.

Мои пальцы существуют для того, чтоб щекотать,
Я могу убить любого, заставляя хохотать.

Ну-ка пальцами своими ты, джигит, пошевели,
Поиграй со мной в щекотку и меня развесели!»

«Ладно, ладно, друг, исполню я желание твое,
Поиграю, если примешь ты условие мое».

«Ну, какое, говори же, назови его живей,
Всё приму, что ты мне скажешь, поиграть бы поскорей!»

«А условие такое, слушай — вот тебе оно:
Видишь толстое, сырое, очень длинное бревно?

Так давай-ка, братец, дружно с двух концов его
возьмем

Да положим на телегу, понатужившись, вдвоем.

На конце бревна, ты видишь, есть зияющая щель,
Пальцы сунь туда поглубже да бери бревно, кощей!»

На указанное место поксился шурале,
На условие джигита согласился шурале.

Без боязни сунул пальцы он в широкий зев бревна...
Вам, читатели, уловка дровосека не ясна?

В исполнение приводит хитрый замысел джигит,
Топором он бьет по клину, что в расщелине сидит.

Шурале, засунув пальцы, замер, помня уговор,
Видно, хитрости не понял и не взглянет на топор.

Вскоре клин, освобожденный, отлетел куда-то прочь,—
Хлоп! Бревно зажало пальцы, руку вытащить невмочь.

Понимая, что обманут, шурале орет, ревет,
Он уже поет от боли, своих родичей зовет.

Шурале джигита молит отпустить его скорей,
В невинности клянется, даже в святости своей.

«Сжался, сжался надо мною, ты же добрый человек!
Ни тебя теперь не трону, ни родню твою вовек.

И другим не дам в обиду, всем скажу, что ты мой друг,
Что тебе гулять позволил я по всем лесам вокруг.

Отпусти же, больно пальцы, придержи, джигит, коня!
Что, скажи, тебе за польза мучить попусту меня?!»

Рвется, бьется бедолага, он от боли сам не свой,
Между тем джигит с телегой собирается домой.

Шурале он знать не хочет, под уздцы коня ведет,
Вопли громкие он слышит, но и ухом не ведет.

«Эй, джигит, видать, напрасно люди добрыми слывут,
Так скажи мне, бессердечный, кто ты, как тебя зовут?

Если до прихода братьев, до утра, я доживу,
На вопрос их «кто обидел?» я хоть имя назову».

«Что ж, лесной баран, запомни: мое имя — Прошлый
год,
А притом тебе я дядя, тоже помни наперед».

Шурале в капкане бьется, воет, молит отпустить,
Хочет вырваться из плена, дровосеку отомстить.

Он кричит: «Ах, умираю! Что наделал Прошлый год?
Погубил меня, разбойник, кто на выручку придет?»

Шурале его собратья утром дразнят и корят.
«Ты рехнулся, видно, дурень, ты свихнулся! — говорят —

Не ори, по чести просим, и закрой сейчас же рот!
Прищемленный прошлым годом разве в нынешнем орет?!»

1907

Водяная

(Со слов деревенского мальчика)

1

Летний день. Горячий воздух. В нашей речке сам не
свой

Волны трогаю руками и бодаю головой.

Так играл, нырял, смеялся, может, час иль полтора
И подумал, что не скоро разберет меня жара.

Вдруг чего-то забоялся — из воды скорей бегом.
Никого со мною рядом, тишина стоит кругом.

Уходить уже собрался и увидел в трех шагах:
Ведьма страшная присела молчаливо на мостках.

И на солнышке сверкает гребешок златой в руке —
Он, волос ее касаясь, отражается в реке.

Не дышу, попасть от страха зубом на зуб не могу,
Хоронюсь в кустах зеленых, что стоят на берегу.

Заплела колдунья косы, в речку прыгнула она,
И тотчас ее сокрыла набежавшая волна.

Тут тихонько я подкрался и увидел: на мостках —
Гребешок, забытый ведьмой, что блестел в ее руках.

Оглянулся: тихо, пусто, гребень рядышком лежал,
Я схватил его мгновенно и в деревню побежал.

Без оглядки мчусь, а тело всё трясется, всё дрожит.
Ах, беда какая! Вижу: Водяная вслед бежит.

И кричит мне: «Стой, воришка! Подожди, не убегай!
Стой! — кричит, не унимаясь,— Гребень, гребень мне
отдай!»

Я бегу, она за мною, слышу, гонится за мной.
Мчусь. В глазах земли мельканье. Воздух полон
тишиной.

Так достигли мы деревни. По деревне понеслись.
И тогда на Водяную все собаки поднялись.

«Гав» да «гав» за ней несется, и собачий громок лай,
Испугалась Водяная, убегать назад давай!

Страх прошел: и в самом деле миновала вдруг беда.
Эй, старуха злая, гребня ты лишилась навсегда!

Я пришел домой и маме этот гребень показал.
«Пить хочу, бежал я долго, утомился»,— ей сказал.

Обо всем поведал сразу. И, гребенку теребя,
Мать стоит, дрожа, о чем-то размышляет про себя...

2

Солнце в небе закатилось. Тихо сделалось кругом.
Духовитою прохладой летний вечер входит в дом.

Я лежу под одеялом. Но не спится всё равно.
 «Тук» да «тук» я различаю. Кто-то к нам стучит в
 окно.

Я лежу не шелохнувшись, что-то боязно вставать.
 Но во тьме, от стука вздргнув, пробудилась сразу
 мать.

«Кто там? — спрашивает громко. — Что за важные
 дела?
 Что б на месте провалилась! Чтоб нелегкая взяла!»

«Водяная я. Скажите, где золотой мой гребешок?
 Днем украл его на речке и умчался твой сынок».

Из-под одеяла глянул: лунный свет стоит в окне.
 Сам дрожу от страха: «Боже, ну куда же деться мне?»

Мама гребень разыскала и в мгновение одно
 Водяной его швырнула и захлопнула окно

И, встревожась не на шутку, ведьму старую кляня,
 Мать, шагнув к моей постели, принялась и за меня.

С той поры, как отругала мать меня за воровство,
 Никогда не трогал, знайте, я чужого ничего.

1908

Мольба

(Из уст одной женщины)

Прав требуя себе, всегда на том стою
И песню о правах для женщины пою.
В пеленках не могла спокойно я лежать,
Металась, мучила всё время мать свою

Так было горестно жить сердцу моему,
В сетях насилия брести сквозь бедствий тьму.
Хоть бунтовщицей я, воровкой не была,
Уже лет десяти узнала я тюрьму

Мне был отец жандарм, мать сыщицей была.
Чуть у оконного садилась я стекла,
Попрёки сыпались нещадно на меня,
Не слезы -- кровь из глаз я в тишине лила

За что? За что должна я жить в тюрьме такой?
Ведь я лишь девушка. И нет вины за мной
Что за мучение! На солнце не взгляни,
Не смей гулять в лугах, одна будь день-деньской.

Касаться книг не смей, чтоб не нажить вреда
И об учении молчи — не то беда!
Не говори, что мир прекрасен — темен он,
И думай лишь о том, что будет так всегда.

Но так одни кроты глядят из нор своих —
 Мулла, хазрет, ахун. Ишан не лучше их!
 Послушны им во всем мой отец и мать
 И слушаться велят наставников таких.

Бывало, я сержусь, клянущую всю жизнь свою
 И даже в грудь себя с ожесточеньем бью.
 Когда томит жара, а рядом свежий ключ,
 Не смей припасть к нему и пить его струю!

В тюрьме семнадцать лет терпела я тоску,
 И стала я женой соседу-толстяку.
 Конечно, выдали меня не по любви,
 Так всем нам суждено бывает на веку.

Толстяк имел трех жен. Четвертой стала я,
 Мы жили, ревности жестокой не тая.
 Четырнадцатой быть, четвертой ли женой —
 Не всё ль равно? Любви и не узнала я.

Мне, юной, тяжело соперниц трех иметь!
 Всё время сердцем лги, иначе — плетть.
 Изображай любовь, хоть муж твой — жирный скот,
 Волнуйся, порти кровь! Ну, впору умереть!

Как вечер, он домой едва плетется, пьян,
 Воняет изо рта, измазан весь кафтан.
 А мы, как псы, бежим навстречу вчетвером,
 Как будто к нам идет хаджи или ишан.

Он любит, чтобы все скучали по нему,
 Юлили перед ним — ведь он глава в дому!
 Он человеческих не понимает чувств,
 А хочет, чтоб всегда мы кланялись ему.

Захочешь уложить — он рвется вон из рук,
Орет, кричит на нас, ругает всех вокруг.
Твою соперницу зовет к себе скорей,
Всё не заснет никак, кругом царит испуг...

Своею руганью разбудит всех детей.
Порядочный же муж, стыдясь жены своей,
Дурного никому примера не подаст
И, коль придет хмельной, ложится спать скорей.

Ты хочешь лаской взять — тебя ругает он,
Еды вкуснее дать — тебя толкает он,
Как спятивший с ума, за доброту твою
Насмешки острой нож в тебя вонзает он.

И каждая жена от страха чуть жива.
Весь дом идет вверх дном, кружится голова.
Он скажет: «Всех сожгу!» И может сжечь, а мы
Для ярости его неистовой — дрова!

1908

Старометодник

1

По воле судьбы иль, вернее, гульбы
Сидел я однажды тихонько в пивной,

Махнул я рукою на суетный мир:
Во рту папироса, бокал предо мной.

Тут строй молодцов, возлюбивших трактор,
Меня обступил беспокойной толпой.

Они зашумели: «Да разве так пьют?
Найми музыкантов и с ними запой!»

Я скрипку тогда заказал и гармонь.
И скрылись земные тревоги вдали:

В отдельный, закрытый для всех кабинет
Девиц расфуфыренных нам привели.

И мы загуляли, совсем охмелели,
Кружилися головы, лица горели.

Мы стали, наитием озарены,
Ученей ученых судить обо всем.

По косточкам перебирать наших мулл:
Кто свят, кто погряз в неpotребстве своем

Мы новометодников стали бранить
За то, что те неучи, еретики.

Мол, танцы религией запрещены,
От скверны театра мы все далеки. .

Мы прямо безгрешными стали, как будто
В нас святость вливали по пуду в минуту!

Мы райскими птицами стали в пивной,
Аллахом возлюблены в жизни земной!

2

Я пил сколько мог и, не чувствуя ног,
На стуле своем задремал под шумок.

Мне в этом трактире привиделся сон,
И странным весьма показался мне он.

Сейчас я открою вам тайну свою:
Мне снилось, что я очутился в раю.

Вокруг меня гурии встали, стройны,
И были их лица светлее луны.

И главное — млела восторгом душа —
Не стоило это в раю ни гроша!

Прекрасно! В руке моей полный стакан,
Другой обнимаю я гурии стан,

Котлет, аппетитно поджаренных,— масса.
Но много на блюдах и птичьего мяса.

Тут райский смотритель внезапно явился,
И свет от него небывалый струился.

«О райский привратник! — сказал я ему.—
За что меня кормят здесь так, почему?»

«За то, что ты набожен,— он отвечал,—
Аллаха ты даже в пивной защищал».

3

И тут обрывается сон мой, друзья!
Проснулся и думаю: «Где ж это я?

Где люди, с которыми пил я и ел?»
Пошарил в карманах я и обомлел.

О воры! Жулье! Да накажет вас бог!
Украли безжалостно мой кошелек!

Вот тут-то ко мне подошел половой:
Казалось, что съест меня взгляд его злой:

«С вас, барин, приходится двадцать рублей,
Пора, уже поздно, платите скорей!»

Сказал я, что деньги, пока я дремал,
Собака товарищ украл да удрал

И, выросши сразу как из-под земли,
Тут с шашками двое ко мне подошли.

И взял меня за руки городской,
По шее ударил меня половой.

Пока выходил я, пинали меня,
Плохими словами ругали меня

И скоро в участок я был водворен —
Так сбылся на деле мой сладостный сон.

1908

Таз

В медресе обучался у нас шалун,
Совершивший немало проказ шалун.

Надвигал свою шапку он до ушей,
И нельзя было видеть, что там под ней.

Шапку сбили и смотрим: плешив наш Таз.
«Словно солнце взошло!» — закричал весь класс.

Было всё это в пору мальчишеских лет.
Всем двенадцать-тринадцать, а старше нет.

Вот однажды играем. Главарь — наш Таз.
Нам казалось, никто и не видит нас.

Но, увы! Это всё подсмотрел казый,
Подстеречь нашу шалость успел казый.

Строгим окликом вмиг укротил он нас,
На расправу всех потащил он нас.

На колени мы пали пред ним тогда,
Умоляя, рыдали пред ним тогда.

«О казый! Не наказывай нас,— твердим,—
Ведь зачинщиком был у нас Таз»,— твердим.

«Эй, дежурный! Веди его к нам! — кричит,—
Я сейчас ему встрепку задам!» — кричит.

Таз пришел И в испуге мы все молчим
Пострадать заодно мы готовы с ним.

А казый: «Ну, ложись! — говорит ему.—
Вот я шкуру лозою с тебя сниму!»

Так казый говорит и, в досаде злой,
Размахнулся над Тазом своей лозой.

Раз и два опоясал. Но что за бред? —
Настоящего звука как будто нет.

«Э, тут что-то неладно.. еще разок!» —
Но лозою до тела достать не мог.

«Что такое? А ну-ка, кафтан долой!»
И увидели все мы обман простой.

Хитрый Таз и казья сумел надуть.
На картинке показано, в чем тут суть.

Наш наставник смеялся, что было сил,
И мгновенно весь гнев у него остыл.

Всё простил он и больше не лупит нас.
Так и спасся от розог лукавый Таз.

Сенной базар, или Новый Кисекбаш

1

Начнем-ка с Карахмета мы рассказ —
Похвалит, может, кто за это нас.

Пойдем, на цирк казанский поглядим,
Никитин много лет владеет им.

Хотя у нас чудес полным-полно,
Таких никто не видывал давно!

Всё волен делать на земле аллах
Никитин — держит цирк в своих руках.

В том цирке мусульманин есть один —
Высокий, сильный, бравый исполин,

Отважен, как Заркум и как Салсал,
На хитрость мастер, как Сейид-Баттал.

Пришел мне на язык один рассказ,
Поведаю я вам его сейчас.

Пускай ему дивятся мясники,
Торговцы, свечники и скорняки.

Я как-то на Сенной базар забрел,
Там для рассказа пищу и нашел..

Уже с утра кипит, шумит базар,
Купцы усердно щупают товар.

И продают и покупают там:
Кто обманул, а кто обманут сам.

Один на рынке властвует закон:
В свое лишь дело каждый погружен.

Но вдруг народ со всех помчался ног
В известный всем «Неверных уголок».

Чем так встревожен наш Сенной базар?
Иль драка там? А может быть — пожар?

На улицу Московскую с толпой
Я побежал... Гляжу, по мостовой,

Подобно камню, катится, жива,
Отрезанная чья-то Голова.

С такой она несется быстротой —
Трамвай смогла б оставить за собой!

Зевак полно, на лицах их испуг;
Но Голова остановилась вдруг

И, хоть она отрезана была,
Обильно слезы горькие лила.

Была она шахида головой,
Слезу она роняла за слезой.

Ни туловища нет, ни рук, ни ног,
Но говорить язык, однако, мог.

Белеет борода, глаза горят,
От блеска их отводят люди взгляд!

О землю с плачем бьется голова..
Свечник Гали тут зарыдал сперва,

За ним другие... Всех вопрос томит:
Кому та Голова принадлежит?

И вот уже рыдает весь базар,
Из лавок, плача, убежал товар!

Все тюбетейки, шкуры из-под ног
Рыдают: кто такое сделать мог?

Мешки рыдают, полные муки,
А вместе с ними — дети, старики...

Ведь мусульманской Голова была,
Душе татарской так она мила!

Склонились аксакалы вокруг нее:
«Поведай нам несчастье свое».

И вот тогда, уныния полна,
Рассказ печальный начала она:

«Я всё открою вам без всякой лжи:
Перед собой вы видите хаджи.

Ходил я девяносто девять раз
В Джидду, в Сангу, и в Мекку, и в Хиджаз.

К тому ж я гласным, люди подтвердят,
Был в здешней Думе десять лет подряд

Я из Москвы товары получал,
Себе с рубля по девять гривен брал.

Был целый день в Коран я погружен,
За всю я жизнь имел пятнадцать жен.

По вечерам я к «тетенькам» ходил,
А утром — снова праведником был.

Взял новую жену под старость лет,
Сын подрастал — очей и сердца свет!

Они утехой сделались моей,
Под старость ближе не было друзей.

Их отнял у меня коварный Див,
Безжалостно мне голову срубив.

Он прячется в колодце, в глубине..
От горя не приходит сон ко мне.

Коль помощи у вас я не найду —
Гореть вы вечно будете в аду!»

2

Держать тут старцы начали совет:
«Что делать нам? В рыданиях пользы нет!»

Один сказал: «Пусть царь солдат пришлет,
Злодея пусть из пушек разнесет!»

Другой сказал: «О мудрый Максуди!
Вопрос ты этот в Думе обсуди.

Ведь мы голосовали за тебя,
Ведь в Думу избирали мы тебя!»

А третий предложил: «Пускай кнутом
Ишан покончит с этим колдовством!»

Вот из толпы, задумавшись на миг,
Свой голос подал опытный старик:

«Помочь тут может только Карахмет,
Сильнее никого в Казани нет.

Пусть он пойдет и Дива сокрушит,
За Кисекбаша смело отомстит!»

Все говорят: «Спасибо, аксакал,
Какой ты мудрый выход отыскал!

Пусть бог благословит тебя, старик»
И тут на весь базар раздался крик:

«За Карахметом, Миннибай, ступай!»
Помчался быстро-быстро Миннибай.

Прошло всего лишь несколько минут —
И Карахмет могучий тут как тут.

Чтоб силу и отвагу показать,
Он Голову попробовал поднять.

Но сколько ни старался — он не смог
Ее поднять хотя бы на вершок

Он силится, потеет — удивлен,
Что Голову поднять не может он.

Сказала Голова: «Во цвете лет
Ты разума лишился, Карахмет!

Тебе подобных сотни, храбрый муж,
С Заикиным, с Медведевым к тому ж,

Вовек бы не смогли меня поднять —
Об этом бесполезно помышлять!

Моих бы вы не сдвинули мозгов:
В них фанатизма тысячи пудов!

А сколько в них пудов упрямства есть!
А сколько в них пивных паров — не счесть!

Невежества — вагонов десять в них,
Зазнайства — никогда не взвесить в них.

В них веры в святость старого — полно,
К неверным гнева ярого — полно!»

3

«Святая голова!» — слышны слова.
«Без тела — а жива!» — слышны слова.

Всем мусульманам Қисекбаша жаль,
В сердцах у них страданье и печаль...

Тут волосы батыра поднялись,
Слова от гнева пламенем зажглись.

«Я должен Диву голову срубить,
Без этого на свете мне не жить!

Я лучше в цирк обратно не пойду —
Но логовище изверга найду!

Лишь в час, когда ему я отомщу, —
К Заикину вернусь и к Пугачу...

Иль я умру, иль чудище сражу.
Поможет бог — победу одержу».

Народ сказал: «Иди, герой, вперед,
Отважен будь — и бог тебя спасет!»

«Как не идти? — ответил Карахмет —
Без этого немил мне будет свет!»

Услышав эту клятву, Голова
Взглянула с благодарностью сперва,

Потом сказала: «Смелый Карахмет,
Нелегкий на себя ты взял обет:

И цирка, и досуга ты лишен...
Прими благословенье и поклон!

За храбреца, базарный люд честной,
Давайте-ка помолимся со мной!»

Руками небо наполнилось в тиши,
Молился каждый ото всей души:

«Аллах, в пути герою помогай,
Ему сноровку дай и силу дай!»

Вот опустился лес просящих рук.
Трамвай к толпе подъехал, сделав круг.

В него уселся гордо Карахмет,
Взял с пересадкой он себе билет.

Глядит базар, глаза полны любви:
«В пути героя, бог, благослови!»

Вагон как ветер двинулся вперед.
А Голова — за ним, не отстаёт,

И вид ее приводит в ярость псов,
Несется лай от лавок мясников

За Головою — свора по пятам,
Да где ее догнать кривым хвостам!

Она степного скакуна быстрее,
Стрелы, летящей вдаль, она быстрее.

Звения, по рельсам катится вагон.
Мальчишки камни шлют ему вдогон.

Вот книжный магазин мелькнул в глазах,
Редакция газеты «Аль-ислах»...

Час едут, едут день, три дня. . И вот
Крестовникова высится завод.

Семь дней катил трамвай и семь ночей —
Доехал он до дальних пустырей.

Уже окончен путь, трамвай встает,
А Голова всё катится вперед!

Остановившись силой волшебства,
Сказала Карахмету Голова:

«Пойдем пешком, дороги дальше нет,
Приблизились мы к цели, Карахмет!

Вот впереди, где стелется туман,
Волною плещет озеро Кабан.

Колодец скрыт в том озере, на дне,
А Див сидит в колодце, в глубине».

4

Уж коль пришлось об этом говорить —
Я должен тайну озера открыть.

Там прячет села медные вода,
Червонно-золотые города...

Там у лосей из мрамора рога,
Стоглавых змей скрывают берега.

Там водяная ведьма каждый год
По мальчику иль девочке берет.

В те дни когда московские войска
Шли с пушками сюда издалека —

Все наши ханы, прежде чем сбежать,
Богатства стали в озеро кидать:

И золото свое, и серебро,—
Не оставлять же недругам добро!

С тех пор лежат сокровища на дне,
Да как ты их разыщешь в глубине?

Но утешенье есть у мудрецов:
Ведь высохнет вода в конце концов!

А вот тогда уж, с криком, сразу все,
Туда помчат шакирды медресе,

Всё, что собрать сумеют,— соберут,
Без ремесла, без знаний заживут.

А годы всё идут, идут, идут —
Шакирды над водой поныне ждут...

5

Пусть ждут еще... Другая цель у нас —
О Карахмете будет наш рассказ.

Батыр веревку длинную хранит —
Шесть тысяч раз вокруг пояса обвит. .

У Головы он вытянул язык —
К нему он прикрепил веревку вмиг

Сам ухватился за другой конец —
И вот уже в пучине наш храбрец.

Спускается он день, потом — второй,
Совсем не знает отдыха герой.

Качается в воде, скользит во тьму —
Хызыр во всем сопутствует ему.

К аллаху обращает он слова,
На берегу рыдает Голова.

Десятый день спускается герой —
Но вот он дна касается ногой.

Сперва, остолбенев, лишенный сил,
Батыр мозги в порядок приводил,

Когда ж открыл глаза он наконец —
Увидел пред собою он дворец.

Ибрай, глава касимовских купцов,
Вовек не строил таких дворцов

Зеленая доска вблизи ворот,
Кто грамоте обучен, тот прочтет:

«Преступной божьей секты тут приют,
Приспешники Гайнана тут живут».

Рванулся Карахмет, ломая дверь,—
И видит чудо новое теперь:

Вот женщина сидит. Ее черты
Полны потусторонней красоты.

Лицо ее сияет, как луна,
Красой небес она озарена. «

Коран читает, склонена над ним,
Из уст, когда вздыхает, вьется дым...

Слезами заливает всё вокруг,
«Где Кисекбаш,— рыдает,— мой супруг?»

Батыр идет, предчувствием томим,—
Ужасная картина перед ним:

Татары, душ пятьсот, страдают тут —
Им двигаться оковы не дают.

«Аллах, спаси! — все шепчут как один —
Ты милосердным будь, Багаутдин!»

Беснуется тут каждый и хрипит,
Глаза их вылезают из орбит

Увидели они богатыря,
Взмолились, нетерпением горя:

«Ты логовище Дива разнеси,
От гибели и плена нас спаси!

Живем мы в страхе, наш недолог век.
В день режет Див по десять человек,

Нас было много осенью, но вот —
Теперь живых осталось лишь пятьсот»

Тут комнату увидел Карахмет,
Лежал в ней Див... Страшной чудовищ нет!

Похожая на купол голова,
На ней и феска держится едва..

Усы его длинны, но не густы,
Похожи на крысиные хвосты.

Похожи пальцы на тела людей,
Немало правоверных съел злодей!

Но Карахмет со страхом незнаком,
Он будит Дива криком и пинком.

«Вставай!» — его трясет и тормошит,
Но Див не просыпается, храпит.

Вот наконец расстался он со сном,
Горят глаза чудовища огнем,

Глядит на все четыре стороны,
Слова кощунства гнусного полны.

«Кто разрешил тебе входить сюда?
Меня будить ты смеешь без стыда!

Под властью это царство у меня,
Свой суд и государство у меня,

Чужая не ступала тут нога,
Как видно, жизнь тебе не дорога!»

Не буду ту описывать войну.
Кто жив, кто мертв, кто мается в плену,

Кто рухнул под ударами гюрзи,
Кто был по грудь, а кто по лоб в грязи!

Тем, что узнал, читатель, счастлив будь,
А нет — держи опять к базару путь

6

С утра опять шумит, кипит базар,
Торгуют горячо и млад и стар.

Хотя торговля весело идет,
Но смотрит озабоченно народ

Чем каждый мусульманин удручен?
Какой-такой бедой он огорчен?

А повод для печали вправду есть.
Где Кисекбаш? Хотя бы подал весть. .

На площади народ и за углом
Беседует, печалится о нем.

Где Кисекбаш, бедняжка, запропал?
Кто там в бою победу одержал?

Народ ислама мрачен, в горе он...
Вдруг — показался издали вагон!

Что приключилось? Тайну разгадай:
Как черепаха движется трамвай.

Идут часы. Трамвай хоть виден всем —
Но он не приближается совсем.

В чем дело? — удивляется базар.
На лицах нетерпенье у татар...

7

И вдруг среди наступившей тишины
Всем стали вопли страшные слышны.

То грозный гул громов, казалось всем,
Ветров суровых рев, казалось всем

Рычанье диких львов, казалось всем,
Крик множества ослов, казалось всем.

В глаза песком ударил ветер злой,
Лицо земли покрылось темнотой.

Померкло в небе солнце в тот же миг,
Трясутся и ребенок и старик...

Откуда этот грохот — не поймут:
Быть может, наступает Страшный суд?

Иль бог комету в небе погасил?
Иль в Судный день архангел протрубил?

Иль час настал вселенной умереть?
Иль ханская обрушилась мечеть?

В исповедальню ль затворился вход?
Иль у купчины лопнул вдруг живот?

Трепещут стены каменных палат —
Для воли божьей нет нигде преград.

В корзинах тюбетейки затряслись,
Галоши полетели с полок вниз.

Не узнают брат — брата, друга — друг,
«Спаси, аллах!» — бормочут все вокруг.

За что, народ Казани, столько бед?
Иль бог тебя карает? Дай ответ!

8

Но вдруг, когда дрожал еще народ,
Осела пыль, стал светел небосвод,

И вот вагон возник перед толпой,
Какой-то груз тащил он за собой.

Все смотрят в изумленье: явь иль сон?
К вагону Див привязан, в феске он.

Он бесится, кусается, визжит,
От голоса его земля дрожит.

Брыкался Див, и кровь с него текла,
А Голова злодея стерегла.

Так это он богатырем пленен,
Так, это он задерживал вагон!

Так это он ревел на пустырях,
Так это он в сердцах посеял страх!

Охвачен ликованием рынок наш,
Улыбкой всех встречает Кисекбаш.

Тут из вагона вышел Карахмет —
Он словно лев глядел на белый свет

О сладостной победы торжество!
Народ бежит, приветствуя его.

Все «ассалам!» кричат ему, «привет!» —
В ответ рукою машет Карахмет.

Все взоры в небеса устремлены,
Все души ликованием полны.

Вот появилась женщина, стройна, —
Любых купцов прельстила бы она..

Хаджи какой-то тут же ей в лицо
Проговорил бесстыдное словцо.

Дела святоши видит Кисекбаш,
Грозит ему, глядит, как зоркий страж.

«Да я не знал ..» — отвечает хаджи,
И даже слезы льются у ханжи!

Чтоб Голову от злых избавить чар,
Ишан с кнутом явился на базар,

Он заклинал ее от колдовства —
Джигитом снова стала Голова!

Случившееся каждый видел сам
И возносил молитву к небесам.

А Див пропал, исчез он с глаз долой,
Став пламенем за Новой слободой

Где Кисекбаш? Кончаю я рассказ:
Купцом он добрым сделался у нас.

За то, что из-за веры пострадал,
За то, что из-за веры воевал,

Часами золотыми Карахмет “
Был награжден Да к ним цепочки нет...

Народ поет. Ликует млад и стар
Как счастлив ныне, ты Сенной базар!

Дополнение к «Новому Кисекбашу»

Построив на плацу своих солдат,
Командой «смирно» возвестив парад,

Командующий, отступив слегка,
Обозревает с гордостью войска

И я, закончив этот «Кисекбаш»,
Гордился, как командующий наш.

Стихи толпятся — за строкой строка,
И говорю я: «Вот мои войска!»

Я с юмором управиться сумел,
Но вижѹ я в гармонии пробел;

Взяв образцом одну из сартских книг,
Я в ритме совершенства не достиг

Но разве будет ровным строй полка,
Коль образец — бухарские войска?!

1908

Коза и баран

(Сказка)

Жил в старину мужик, и с ним жила жена.
Их жизнь крестьянская была всегда бедна.
Вот всё хозяйство их: один баран с козой.
Баран был очень тощ, коза была худой.

Однажды говорит мужик: «Смотри, жена,
На сено поднялась базарная цена.
Баран с козой как раз и нас с тобой съедят,
Пускай себе идут куда глаза глядят».

Ответила жена: «Согласна я, мужик,
А от скотины прок давно уж невелик.
Пускай баран с козой уходят со двора,
Бездельников кормить не прежняя пора».

Что сделает баран? Что сделает коза?
И правду скажешь ли хозяину в глаза?
Сшивают для двоих один мешок большой,
И странствовать в поля идут баран с козой.

Пошли. Идут в полях. Идут себе, идут.
Ни белое, ни черное не видится им тут.
Вот долго ль, коротко ль пришлось им идти —
Вдруг волчью голову встречают на пути.

При виде том друзья перепугались вдруг.
Здесь трудно угадать, чей больше был испуг.
Дрожа, у головы стоят они вдвоем
И шепчутся: «Держи, в мешок ее возьмем».

Коза сказала: «Бей, баран! Ты посильней».
Баран в ответ: «Ударь! Ты, борода, смелей».
Хоть с места сдвинули, да как ее поднять?
Откуда смелости обоим им занять?

Немало времени стоят баран с козой,
Как поступить с находкою такой?
Потом, взяв голову за кончики ушей,
Ее просунули в большой мешок скорей.

Идут, идут, и путь у них далек.
Вдруг видят: издали мерцает огонек.
Баран и говорит: «Нам отдохнуть пора.
Айда, коза, за мной, проспимся до утра!

На этот огонек к нам волки не придут,
Не догадаются, что мы заснули тут»
Так согласились друзья между собой,
Коза промолвила: «Айда, баран, со мной!»

Но только к огоньку поближе подошли
Бродяги бедные, вот что вблизи нашли:
Пять-шесть больших волков расселись чинно в ряд
И кашу на костре старательно варят.

Ни живы ни мертвы стоят теперь друзья.
Испуганы они, за них испуган я.
Всё ж говорят волкам: «Здорово, господа!»
(Как будто робости в них нету и следа.)

А волки рады им, находка хоть куда —
 Волкам баран с козой превкусная еда.
 «Съедем их, — говорят, — коль сами к нам пришли.
 Вот к каше м^ясо мы нечаянно нашли!»

Коза и говорит: «Зачем же унывать?
 Теперь мы в^досталь вам готовы мяса дать.
 Чего, баран, с^мотреть? Не пожалей куска
 И волчью г^олову тащи-ка из мешка!»

Точь-в-точь и с^полнил всё баран без дальних слов
 И сразу отор^оп^ь нагнал на всех волков:
 Так волчьей головы волкам ужасен вид!
 Коза же сердится, копытами стучит.

Коза кричит: «Мики-ке-ке, мики-ке-ке!
 Двенадцать с^прятано у нас голов в мешке.
 Как не руга^ть тебя, невежу-дурака,
 Побольше г^олову тащи-ка из мешка!»

Вмиг козью выдумку баран постиг — и вот
 Он тут же г^олову второй раз подает.
 Теперь пять-шесть волков испуганы совсем,
 Глаза уставили, не шевельнут ничем.

О каше ль д^умать им, пяти-шести волкам?
 Готовы брос^иться они к другим местам
 Но как им убежать? И выход тут каков?
 Вот думают о чем теперь пять-шесть волков.

Встает и р^ечь ведет к ним самый старший волк,
 Матерый и седой, выдавший разный толк:
 «Ненадолго схожу за ключевой водой,
 Боюсь, что б^о каша-то не сделалась сухой».

Волк по воду пошел. Нет волка. Нет воды
Уж не случилось ли какой-нибудь беды?
От волка старшего ни духа ни следа,
Напрасно волки ждут: пропал он навсегда

Теперь среди волков еще сильнее страх:
Их самый старший волк пропал в густых кустах,
За ним другой встает, уходит за водой:
«Старшого разыщу и приведу с собой!»

Понятно, что и он, как первый, убежит.
Недаром у него такой трусливый вид.
Четыре волка ждут, за часом час идет.
А из волков никто хвостом не шевельнет.

Потом, сорвавшись с мест, бегут друг дружке вслед,
И никаких следов от волчьей стаи нет.
Так выгнали волков смысленные друзья.
Все веселы теперь: коза, баран и я

Теперь баран с козой придвинулись к огню
И кашу кушают, превкусную стряпню.
На мягкую траву затем ложатся спать.
Никто не тронет их в лесу и тишь и гладь.

А на заре друзья, чуть-чуть забрезжил свет,
С мешком и головой опять пустились в свет.
Коза была смела, баран был молодец,
Всё вышло хорошо, и сказке тут конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее издание включены избранные стихотворные произведения Г. Тукая.

Сборник состоит из двух разделов: «Стихотворения» и «Поэмы». В разделе «Стихотворения» выделены стихотворения, написанные Г. Тукаем для детей. В каждом разделе произведения располагаются в хронологической последовательности — соответственно датам первой публикации в периодических изданиях или авторских сборниках, иногда — датированным автографам.

Тексты переводов сверены с оригиналом, произведены необходимые уточнения. Ряд стихотворений переведен заново.

Примечания в тексте произведений принадлежат автору. В разделе «Примечания» сообщаются необходимые сведения историко-литературного характера. Пояснения оставленных без перевода слов татарского бытового обихода, мифологических имен и названий, религиозных терминов и т. п. вынесены в Словарь, помещенный после Примечаний. Слова и понятия, выделенные в Примечаниях разрядкой, поясняются в Словаре.

Стихотворения

О с в о б о д е. Одно из первых стихов Тукая, написанное под непосредственным влиянием революционных событий 1905 г. в России, которые вынудили царя Николая II обнародовать так называемый «Манифест 17 октября». В нем обещались свобода слова, печати, собраний, созыв законодательной Думы, равноправие наций. Либерально-буржуазные партии принялись восхвалять царский манифест, сеять конституционные иллюзии. Молодой Тукай вначале также поверил этим обещаниям и восторженно встретил манифест, возлагая надежду, что, как только соберется Дума и будет принята конституция, народы России обретут наконец права и подлинную свободу. Больше всего радует его обещанная свобода печати. В своих стихотворных посланиях («В саду знаний», «Слово друзьям», «О

единстве», «Стрелы» («Уклар»), «Не только для газеты „Фикер“», «Газетным наборщикам» и т. д.) он приветствует выход первых периодических изданий на татарском языке, обращается к читателям с призывом подписываться на новые газеты и журналы; слагает оды в честь науки, поэзии и литературы; призывает молодое поколение усердно учиться, беречься от распушенности и расточительства, советует упорно трудиться, высмеивает консервативное духовенство (стихотворения «О перо!», «Голос с кладбища мюридов», «Трутням»). Однако восторги, которым предавался Тукай после «Манифеста 17 октября», оказались недолгими: события, следовавшие одно за другим, быстро развеяли его иллюзии. А после разгона царским правительством в июле 1906 г. I Государственной думы надежды поэта окончательно рухнули. Он понял, что издание царского манифеста — маневр, с помощью которого хотят потушить революционный пожар. *Чернилам красным сбыта нет.* Цензоры пользовались, как правило, красными чернилами.

В с а д у з н а н и й. Первое опубликованное стихотворение Тукая. Напечатано в брошюре под названием «Объявление об издании с начала 1906 г. журнала „Эль-гаср-эль-джадид“». Брошюра была выпущена в сентябре 1905 г. в целях ознакомления читателей с программой нового журнала. *Чтоб народа светлый разум до восьмого неба мог* и т. д. В оригинале буквально: «Подняться на восьмой этаж неба». По религиозным представлениям мусульман, место вечного блаженства праведников после смерти — рай находится где-то в небесах и имеет восемь входных ворот; самые желанные и труднодоступные ворота находятся на «восьмом этаже неба». Здесь: достичь наивысших благ и счастья. *Что есть болгар земля.* Имеется в виду Волжско-Камская Булгария (Булгарское ханство, Великие Булгары), государство, существовавшее с IX по XIV в. на среднем течении Волги, на территории нынешней Татарской АССР. Оно достигло значительного культурного развития и в XV в. вошло в состав Казанского ханства. Волжско-камские булгары являются прямыми предками современных казанских татар.

С л о в о д р у з ь я м. «*Йусуф-Ягкуб*» — одно из обиходных названий широко известной лироэпической поэмы «Кысса-и Йусуф» («Сказание о Йусуфе») средневекового болгарско-татарского поэта Кул Гали. Поэма является первым крупным (около пяти тысяч строк текста) дошедшим до нас пись-

менно-литературным памятником в Поволжье. Она сыграла большую роль в формировании эстетических вкусов татарского народа, послужила школой для многих литературных дарований. Дореволюционные печатные издания поэмы (более семидесяти изданий за 1839—1917 гг.) использовались в старых татарских школах (м е д р е с е) в качестве учебного пособия. С течением времени текст поэмы обрел свою, особую мелодию и стал исполняться нараспев. Тукай в своем ст-нии использовал строфику и ритмику этой поэмы. *Шлют депутатов в Петербург — так решено* и т. д. После «Манифеста 17 октября» повсеместно в России началась избирательная кампания по выборам в I Государственную думу, в том числе и среди татарского населения г. Уральска.

О е д и н с т в е. *Его величеством царем* и т. д. Речь идет о царском «Манифесте 17 октября» (см. с. 403).

О н ы н е ш н е м п о л о ж е н и и. *Макарьев*. Имеется в виду Макарьевская (Нижегородская) ярмарка, наиболее часто посещаемая татарскими купцами. *В суре «Нун» всевышний сам клянется им*. В Коране, в 68-м стихе «Нун» («Перо»), приводятся слова, якобы принадлежащие богу: «Я клянусь пером!»

Ш а к и р д, и л и О д н а в с т р е ч а. Ст-ние по своему идейному содержанию напоминает известное ст-ние Н. А. Некрасова «Школьник».

Н е т о л ь к о д л я г а з е т ы «Ф и к е р». «Фикер» («Мысль») — газета демократического направления, издававшаяся в Уральске с 26 ноября 1905 по 18 мая 1907 г. Издатель и редактор газеты — К. Мутыги-Тухватуллин (1833—1940). Тукай был одним из активных сотрудников газеты. Ст-ние печаталось вначале отрывками (по две — четыре строки) в нескольких номерах газеты «Фикер» (1906, № 11—15) без подписи и загл. как обращение редакции к своим читателям, а потом было включено автором в его сборники. *Нашу «Мысль» «Букетом мыслей» мы осмелились назвать*. Тукай оповещает читателей, что газета предоставляет возможность выражать на своих страницах любые взгляды и мнения (в оригинале буквально: «свод мыслей, мнений»).

Г о л о с с к л а д б и щ а м ю р и д о в. Написано в виде монолога мюрида из загробного мира. Мюрид всю свою

жизнь проводил в молитвах, верил в святость своего наставника — и ш а н а. Поняв после перехода в загробный мир свое заблуждение, он из могилы подает голос разоблачения ишанов, как врагов народа и нации, призывает своих соплеменников отрешиться от них. Ст-ние является пародией на известную элегию татарского с у ф и й с к о г о поэта XIX в. Хибатуллы Салихова (1794—1867)

Г д е м у л л ы, ч т о х о т я т о м у с у л ь м а н и т ь Я п о н и ю? В 1905– 1906 гг., после окончания русско-японской войны, среди реакционной части мусульманского духовенства России распространились ложные слухи, будто японский император (*микадо*) намеревается перейти в ислам и для распространения его в своей стране приглашает к себе мулл-миссионеров. Позже эти слухи наводнили и газетные страницы. Один из идеологов ислама, Габдрашид Ибрагимов (1853—1944), даже отправился в Японию и о своем путешествии написал книгу. Ст-ние Тукая направлено против этого клерикального бума. *Питомцы Бухары*. Многие татарские муллы свое религиозное образование получали в старометодных, схоластических медресе Бухары.

В п а м я т ь о «Б а к ы р г а н е». «*Бакырган*» — поэтический сборник, приписываемый тюркскому поэту XII в. Сулейману Бакыргани. Тукай пародирует одно из ст-ний этого сборника, используя его строфику и ритмику

К о м у в е р и т ь? При написании этого ст-ния Тукай использовал мотив XXII строфы четвертой главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина («Кого ж любить? Кому же верить? .» и т. д.).

Т а т а р с к и м д е в у ш к а м. *Не верьте Сайдашу — невежде, лжецу!* Имеется в виду Ахметзян Сайдашев (1840—1912), издатель клерикальной газеты «Баян-эль-хак» («Вестник правды»), ярый противник женской эмансипации.

Р е д а к т о р у. Ст-ние написано в защиту демократической периодической печати от нападок реакционеров-клерикалов. В те годы особо ожесточенной травле подвергся со стороны клерикальных кругов издатель и редактор прогрессивных газет и журналов «Фикер», «Уклар», «Эль-гаср-эль-джадид», «Уральский дневник» Камил Мутыги-Тухватуллин (см. с. 405),

которого обвиняли в вероотступничестве, вольнодумстве и прочих «грехах». Была даже предпринята попытка разгромить его типографию, избить членов его семьи.

Б р а т с к о е н а с т а в л е н и е. *Младотурки* — члены турецкой буржуазно-националистической организации «Единение и прогресс», основанной в 1889 г. и возглавившей борьбу против феодального абсолютизма. В результате руководимой ими младотурецкой революции 1908 г. пришли к власти, но не изменили феодально-клерикального строя Османской империи. После поражения Турции в первой мировой войне организация младотурок самоликвидировалась (1918). Тукай критикует младотурок за пассивность и соглашательскую политику. *«Дух крепи надеждой!»* — изречение из Корана, приписываемое богу (арабск. «Ля тэйясу!» — «Не теряйте надежду!»). *«Юлдуз»* — дворец турецкого султана в Стамбуле.

С т е к л я н н а я г о л о в а. Ст-ние напечатано в сатирическом журнале «Уклар» как пояснение к рисунку. Под рисунком имеется также прозаический текст на русском языке: «Квартиранты в черепе некоего «благомыслящего» татарина. Больше «Стрелы» при исследовании пока никаких предметов не могли найти, но... все-таки открыли там еще и изрядное пустое пространство...»

Г о с у д а р с т в е н н о й д у м е. Ст-ние написано под впечатлением разгона царским правительством I Государственной думы (9 июля 1906 г.). Поэт открыто высказывает свое отношение к этому позорному событию. В ст-нии использованы строй и ритмика татарской шуточной песни «Ой, душенька Нагима». *Что ж подверглась ты разгону* и т. д. В этих словах Тукая звучит призыв к свержению самодержавия. *Где ж земля-то? Покажи!* Здесь Тукай иронизирует над беспомощностью Думы в решении насущных вопросов. *Самый важный генерал.* По всей вероятности, здесь Тукай имеет в виду генерала Д. Ф. Трепова, который во время всероссийской стачки в октябре 1905 г. издал приказ: «Холостых залпов не давать! Патронов не жалеть!»

«С т р е л ы» («У к л а р»). «Уклар» («Стрелы») — первый сатирический журнал на татарском языке, издававшийся в г. Уральске (всего 6 номеров за 1906 г.). Издатель — К. Мутыги-Тухватуллин (см. с. 405). Тукай принимал в нем самое активное участие своими стихами, фельетонами и являлся его

фактическим редактором. Обращение *х а з р е т* употребляется здесь иронически.

С а м о м у с е б е. К ст-нию имеется примеч. автора: «По мотивам одного стихотворения Пушкина». По содержанию напоминает приписываемое Пушкину четверостишие под загл. «Про себя»: «Великим быть желаю, Люблю России честь, Я много обещаю — Исполню ли? Бог весть!»

Б а х в а л ы. Пародия на ст-ние из сборника «Бакырган» (см. с. 406). В «Бакыргани» идет диалог между раем и адом, а у Тукая — между ишаном и ослом.

Ч то г о в о р я т т е, к то с о т р у д н и ч а е т в «Э л ь-г а с р-э л ь-д ж а д и д е»! Ст-ние написано по случаю годовщины выхода первого номера журнала «Эль-гаср-эль-джадид» («Новый век») в Уральске; в его организации Тукай принимал непосредственное участие.

В о п р о с ы. *С а м Н е д ж д и н е в и д а л с т о л ь к о г о р е с т е й в ж и з н и с в о е й?* Неджди — шейх Мухамед Абдель-Ваххаб Неджди, руководитель религиозно-сектантского движения конца XVIII — начала XIX в. на Аравийском полуострове (в современной Саудовской Аравии). В истории известно как движение ваххабитов. Ваххабиты захватили города Мекку и Медину, запретили паломничество. По приказу турецкого правительства это движение было жестоко подавлено.

К с в о б о д е. Ст-ние написано в период усиления реакции в стране и пронизано идеей борьбы за свободу, против деспотизма и эксплуатации. С целью иносказания в ст-нии использованы мифические и фантастические образы, почерпнутые из религиозной литературы. *Л а т, Г о з з а, М о н а т* — имена идолов у древних арабов-язычников. Здесь олицетворяют царских чиновников. *В а л И с к а н д е р а* По преданию, Искандер (Александр Македонский, 356—323 гг. до н. э.) для защиты покоренных им земель от диких племен (мифических Яджуджа и Маджуджа — библейских Гога и Магога) построил многокилометровый вал, который в исторической литературе ассоциируется с Великой китайской стеной.

Е с л и б т ы н е б ы л а... *М е д ж н у н* — герой восточной легенды о любящей паре Лейли и Меджнун и многочисленных литературных произведений; символ страстной, несчастной любви.

Как полагают, образ Меджнуна имел реальный прототип — это Кайс ибн аль-Муллавах, известный арабский поэт VII в.

Ж у р н а л у «Д е т с к о е в о с п и т а н и е». Ст-ние написано по поводу закрытия первого татарского детского журнала «Тэрбият-эль-этфаль» («*Детское воспитание*»), издававшегося в Москве с января по март 1907 г. (вышло всего 5 номеров) при активном участии известного татарского писателя Фатиха Амирхана (1886—1926). Поэт свое гневное отношение к этому событию выражает как бы от имени мальчика — постоянного читателя журнала. *Ибо он у стражей веры укрепил и дух и плоть* В оригинале дословно: «У бога есть обещание стражам веры: „Не тревожьтесь“» (имеется в виду изречение из Корана).

В и д е л и ? «Мир и бытие» — русский перевод названия журнала «Донья-магишат», позже переименованный в «Дин вэ магишат» («Религия и бытие»). Издавался в г. Оренбурге (1906—1918) и являлся рупором самых реакционных кругов татарской буржуазии и духовенства.

П а р а л о ш а д е й. Мингали, Бикмулла, Биктимир — распространенные мужские имена у татар до Октябрьской революции.

О г а з е т е «Г о л о с». «Голос» («Тавыш») — газета татарских эсеров, выходившая с 23 апреля по август 1907 г. в Казани. *Вы остались сиротами без «Зари»*. Речь идет о также являвшейся органом татарских эсеров газете «Тан юлдузы» («Утренняя звезда»), предшественнице газеты «Тавыш» («Голос»).

О д н о м у п р о т и в н и к у п р о г р е с с а. Гавриил — у мусульман архангел Джабраил, вестник бога. Немврод — мифический основатель Вавилонского царства, знаменитый охотник. По преданию, Немврод, будучи язычником, не признавал бога, враждебно встретил его посланника Джабраила и выстрелил в него из лука, но стрела, не повредив Джабраила, вернулась назад. *Евангелие тщились евреи отрицать* и т. д. По кораническим преданиям, евреи отвергли ислам, а Евангелие, которое им ниспослал бог, бросили на землю и растоптали ногами. За эти грехи бог якобы осудил их на вечные муки ада.

Р а з м ы ш л е н и я о д н о г о т а т а р с к о г о п о э т а. Рустам (Рустем) — легендарный богатырь, любимый герой персидского народного эпоса. Он же является одним из главных действующих лиц поэмы «Шахнаме» Фирдоуси (940—1020).

Мышь, попавшая в молоко. Под заголовком имеется ироническое примеч. автора: «Из одной американской газеты».

О, красавица Ст-ние написано по мотивам ст-ния М. Ю. Лермонтова «К***» («Глядися чаще в зеркала...»).

На нас напраслину возводят. Но есть немало мудрецов, Что в Бухаре и Каргалы учились тридцать лет подряд. Многие татарские муллы свое религиозное образование получали в старометодных, схоластических медресе Бухары, Каргалы (пригород Оренбурга) и др городов. Сенной базар — уголок в татарской части дореволюционной Казани, где были сосредоточены многочисленные торговые лавки, гостиницы, издательства и редакции газет. «Неверных угол» — место на Сенном базаре, у соборной мечети, где собирались татарские клерикалы и реакционеры; «неверными» они именовали каждого, кто ратовал за прогресс и культуру. «Тахир» и «Бузджигит» — популярные романтические поэмы татарского поэта XIX в. Ахмета Уразаева-Курмаши (ум. 1883) «Тахир и Зухра» (1876) и «Бузджигит» (1874). «Хидая шархи» — «Толкование истинного пути», книга по мусульманской юриспруденции среднеазиатского религиозного ученого Бурганетдина Маргелани (1152—1192). Использовалась в качестве учебного пособия в старых татарских медресе и как руководство в решении некоторых юридических вопросов среди мусульманского населения. Мухамедьяр — Мухамедьяр Султанов (1827—1915), духовный глава (муфтий) мусульман Средней России и Сибири. Мединой, Меккою назвав, мазню любую вам всучат. Религия ислама запрещала мусульманам вывешивать картины в домах, исключение составляли виды городов Мекки и Медины, которые считались священными. Продажа различных картин с видами Мекки и Медины превратилась в прибыльное предприятие. «Булгар», «Сарай» — названия гостиниц на Сенном базаре в старой Казани.

Не уйдем! Одно из лучших гражданственно-патриотических ст-ний Тукая. Написано в ответ на провокационные выступления реакционной печати и черносотенных депутатов Государственной думы, советовавших недовольным русскими порядками мусульманам переселиться в султанскую Турцию. В оригинале последние две строки ст-ния написаны Тукаем по-русски: «Если лучше вам, Туда сами пожалте, господа!»

Б о г а ч у, с п е к у л и р у ю щ е м у т и п о г р а ф и е й Тукай имеет в виду купца из г. Уральска Муртазы Губайдуллина. В начале 1907 г. он приобрел типографию издателя К. Мутыги-Тухватуллина, (см. с. 405), где печатались газеты и журналы на татарском языке, но, вместо того чтобы продолжать и развивать издательское дело, совсем ликвидировал типографию. *Немврод* — см. с. 409. *Фараон* — титул египетского царя в Библии. По преданиям, он, так же как и Немврод, не признавал небесного бога и преследовал его посланника Мусу (библейского Моисея), изгнав его и его последователей (евреев) из Египта. У мусульманских народов слово «фараон» стало синонимом злого, жестокого человека.

Н а с т а в л е н и е. Написано по мотивам стихотворения М. Ю. Лермонтова «Опасение»

В г р у с т н у ю м и н у т у. Как указывает сам автор, стихотворение было написано на мотив популярной в те годы русской народной песни «Все говорят». С некоторыми изменениями в тексте, стихотворение до сих пор поется в народе на эту мелодию.

Н а д е ж д а. *Знайте все: орел могучий на овин случайно сел!* Намек на содержание басни И. А. Крылова «Орел и куры». Эта басня, как и многие другие басни Крылова, была переведена Тукаем на татарский язык.

О ж у р н а л е «Я ш е н» «*Яшен*» («Молния») — сатирический журнал демократического направления, издававшийся в Казани на татарском языке (1908—1909). Многие сатирические произведения Тукая опубликованы в этом журнале.

К о г д а в М о с к в е т о б о й з а й м у т с я... Пародия на стихотворение из сборника «Бакырган» (см. с. 406). В «Бакыргани» каждая строфа стихотворения заканчивается рефреном: «Что ты будешь делать, если Азраил схватит тебя за ворот?»

К п о р т р е т у. *Меджнун, Лейли* — см. с. 408.

Ж а л о б а м у л л ы. Вольный перевод стихотворения азербайджанского поэта Сабира (1862—1911) «Жалоба» «*Молла Насреддин*» — азербайджанский еженедельный иллюстрированный сатирический журнал революционно-демократического

направления. Издавался в 1906—1914, 1917 гг. в Тифлисе, в 1921 г. в Тебризе (Иран). В 1922—1931 гг. журнал того же названия выходил в Баку. *Ведь привык я, чалмоносец, к уваженью и почтенью.* Чалма — мужской головной убор, распространенный у мусульман, особенно у духовенства; полотнище, обернутое поверх шапки, тюбетейки и проч. Здесь слово «чалмоносец» олицетворяет принадлежность к духовному сословию. *Узкобрючные пророки.* Имеются в виду д ж а д и д ы; в отличие от старометодников, они одевались по-европейски: носили узкие брюки, галстуки, отращивали волосы и т. д.

Л ю б о в ь. *Фархад, Ширин* — главные герои поэмы Алишера Навои (1441—1501) «Фархад и Ширин».

О т ч е г о? «Молот» — татарский сатирический журнал «Чукеч», издававшийся в Оренбурге в 1906—1910 гг. *Байбурин* — депутат III Государственной думы Джигангир Байбурин (р. 1861). Был известен пассивностью и отсутствием собственного мнения. «Шуро» («Совет») — общественно-политический, литературный и научный журнал буржуазно-либерального направления, издававшийся в 1908—1918 гг. в Оренбурге. *Башири* — татарский поэт Зариф Башири (1888—1962). *Босниею подавилась Австрия.* В 1907—1908 гг. Австрия захватила Боснию, находившуюся до этого в составе Турции. *Шехиншах* — шах Ирана Мухамед-Али, который, обещав стране конституцию, все откладывал принятие ее. Наконец в 1908 г. он был свергнут. *Отчего в чалмах вороны суетятся на кладбище?* При похоронах богатых людей муллы и ш а к и р д ы, надев чалмы, стекались на кладбище в надежде получить крупное подаяние. «Слово верного» издатель. Имеется в виду Мухаметзян Сайдашев и его газета «Баянель хак» («Вестник правды», 1906—1911, Казань). Эта клерикальная газета, из-за отсутствия подписчиков, печаталась очень малым тиражом. *Праздник жертвоприношенья* — мусульманский религиозный праздник к у р б а н - б а й р а м. Отмечается ежегодно 10-го числа двенадцатого месяца мусульманского лунного календаря. Ко времени курбан-байрама приурочивается обычно и хадж — паломничество в Мекку.

П а м я т и М у х а м е д - З а г и р а. *Мухамед-Загир* — известный татарский писатель Мухамед-Загир Бигиев (1870—1902), автор романов «Красавица Хадича» (1886) и «Великие

грехи» (1890), критикующих нравы и обычаи татарского буржуазного общества.

Н а ц и о н а л и с т ы. *Если тонет корабль, для спасенья его* и т. д. У мусульман есть легенда о корабле, который был остановлен в море морским чудовищем, потребовавшим жертвы. Нашелся храбрец, добровольно бросившийся в пасть чудовища и этим спасший корабль. *Постыдимся же в Мекку без жертвы идти.* Мусульмане, совершающие паломничество в Мекку, должны были приносить в жертву какой-либо скот.

Ч т о з а ц е н а к р а с е т в о е й? *Лейли, Меджнун* — см. с 408.

О т в е т. Написано как ответ на ст-ние поэта З. Башири (см. с. 412) «Поэту-переводчику», помещенное в журнале «Чукеч» (1908, 21 июня).

О д а. В оригинале ст-ние называется «Два солнца». *Гиззатуллина* — первая татарская профессиональная артистка Сахиб-джамал Гиззатуллина-Волжская (1892—1974).

С в о б о д а ж е н щ и н. Ст-ние написано по мотивам ст-ния В. В. Князева (1887—1937) «Либерал средней руки перед банкетом» (журн. «Сатирикон». 1909, № 24 С. 15). Тукай предпослал ст-нию следующее примеч.: «Один из сотрудников журнала «Сатирикон» высмеивает человека, который, шагая из угла в угол, страстно призывал: «Женщины! Шагайте вперед!» — а сам же обругал, как собаку, жену только за то, что та не почистила ему брюки. У меня это стихотворение, естественно, приобрело национальную окраску. Поскольку многие не поняли бы смысл стихотворения, немного добавил и от себя».

В с п о м и н а ю К ст-нию имеется примеч. автора: «Немного с русского».

М и н г а д ж. Эпиграмма на одного из татарских буржуазных интеллигентов, Мингаужетдина Кадерматова (1871—1925), получившего образование в Индии. Вернувшись в Россию, этот интеллигент-аферист пустил слух, что собирается построить в г. Хвалынске Саратовской губернии высшее учебное заведение для татар, и начал собирать пожертвования для этой

цели. Позже выяснилось, что он, женившись, собранные деньги растратил на собственные нужды.

А б д у л х а м и д *Абдулхамид* — Абдулхамид II (1842—1918), турецкий султан в 1876—1909 гг. Установил деспотический режим в стране. Турция при нем превратилась в полуколонию империалистических держав. После младотурецкой (см. с. 407) революции 1908 г. низложен. В литературе получил прозвище «кровавого султана».

В л ю б л е н н ы й *Так Моисея ослепило небесное сиянье!* По кораническо-библейскому преданию, пророк Муса (Моисей) увидел в пустыне горевший, но не сгоравший терновый куст и слышал оттуда голос бога; боясь взглянуть на бога, пророк закрыл лицо руками. *Шутить — раз приступил к намазу — ислам не разрешает.* По мусульманским предписаниям, во время совершения намаза вокруг должны прекратиться всякие хождения и разговоры.

К н и г а. Под заголовком имеется примеч. автора: «Немного с русского». При написании ст-ния Тукай использовал мотивы ст-ния русского детского поэта Н. И. Познякова (1857—1910) под тем же загл. (см.: Позняков Н. И. В лучшие годы. Спб. 1896. С. 217).

С л а в а *аллаху, субхан-алла!* *Субхан-алла* — формула восхваления бога, произносимая при удивлении, испуге и т. д. *Котбутдин, Шамсутдин* — татарские мужские имена, распространенные в те годы среди простого народа.

В о т и в о т. *Уже муллою стал указным,* т. е. получил право на данную должность официальным указом Духовного собрания мусульман в Уфе. *«Тэхрîре мэръят»* — арабское название книги прогрессивного арабского писателя Касима Эмина (1865—1909) «Освобождение женщин». В ст-нии идет речь о плохом переводе этой книги на татарский язык.

Ч у д о *Если ты расколешь камень, не появится верблюд.* По преданию, пророк Магомет (Мухамед), чтобы доказать свою чудодейственную силу, ударом палки рассек камень, и из камня вышел живой верблюд.

Н а ц и о н а л ь н ы е м е л о д и и *Трехсотлетний гнет*. Намек на время царствования династии русских царей Романовых. *И возникал передо мной Булгар*. См. с. 404. *Ак-Идель* — река Белая, протекающая по территории современной Татарии и Башкирии. *«Аллюки»* — татарская народная песня, исполняется теперь на слова ст-ния Тукая «Национальные мелодии».

М о я з в е з д а. Ст-ние впервые было напечатано в газете «Юлдуз» («Звезда», Казань, 1906—1918) с примеч. автора: «С давних пор волновали меня эти две строчки Габдуллы Джевдета, захотелось самому написать что-то похожее. Так как имеет отношение к «Звезде», опубликовал в ней». *Габдулла Джевдет* (1869—1932) — прогрессивный турецкий поэт, публицист. Две строки, приводимые Тукаем как эпиграф, взяты из его ст-ния «Отрывок», напечатанного в журнале «Феюзат» («Знание» Баку, 1906. № 3).

Н а с т а в л е н и е. К ст-нию имеется примеч. автора: «В наших деревнях, если к какому-либо дому подойдет нищий и хозяйка этого дома выругает его такими примерно словами: «Уходи, уходи, дедушка, надоели вы, и видеть не хочу!» — тогда муж, услышав ее слова, делает жене такое замечание: «Не груби, жена! Как бы он не оказался Ильей-пророком!»

О т ч а я н и е. Ст-ние написано в период разгула реакции. Преследования властей и финансовые затруднения привели к тому, что журнал «Яшен» — любимое детище Тукая — прекратил свое существование. С 1910 г. начинает быстро ухудшаться и здоровье поэта. Все эти обстоятельства усилили у Тукая душевную боль и страдание за судьбу народа, привнесли пессимистические нотки в некоторые его произведения того периода («Отчаяние», «Сожаление», «Разбитая надежда» и т. д.). Однако чувство ответственности перед своим народом поддерживало его в самые трудные дни. Поэт вскоре преодолел свой душевный кризис. *Фархад, Ширин* — см. с. 412.

С и б г а т у л л и н. По мнению исследователей, под фамилией Сибгатуллина Тукай вывел Камиля Мутыги-Тухватуллина (см. с. 405). В данном ст-нии Тукай выступает с критикой Тухватуллина, допустившего в своей деятельности беспринципность и непоследовательность. *Песнь изрыгает он о тебе*. Мутыги-Тухватуллин выступал и как эстрадный певец.

Прогресс на мясном базаре «Слово верное» — газета «Баян-эль-хак» («Вестник правды») клерикального направления, издававшаяся в Казани купцами А. и М. Сайдашевыми в 1906—1914 гг. «Звезда» — либерально-буржуазная газета «Юлдуз» (Казань, 1906—1918). «Шило» («Без») — сатирическое приложение к газете «Баян-эль-хак». «Блеск молнии». Имеется в виду сатирический журнал «Ялт-йолт» («Зарница»), издававшийся в 1910—1918 гг. в Казани при активном сотрудничестве Г. Тукая, Ф. Амирхана и Г. Камала. Выходил два раза в месяц. *И мусульманскую отныне колбасу* и т. д. Некоторые торговцы, рекламируя свой товар, загромождали газетные полосы объявлениями о «мусульманских колбасах, приготовленных по-европейски».

Разбитая надежда. Одно из проникновенных, любимых народом стихов Тукая. Именно о нем писал М. Горький С. Н. Сергееву-Ценскому (см. вступ. статью, с. 23).

Поэзия и проза. *Ассалям* — часть формулы приветствия: «ассаляме-алейкум» — «да будет мир над вами». *За деньги в рай пройдет по волоску*. По мусульманской мифологии, в день Страшного суда все люди, праведники и грешники, должны пройти через мост, который «тоньше волоска и острее меча». Грешники, не сумея пройти по нему, тут же свалятся в ад, а праведники якобы легко одолеют эту преграду. *Ишми* — Ишмухаммед Динмухамметов (1839—1919), реакционный мулла, доносчик царской охраны. «Сайяр» — театральная труппа, организованная известным татарским режиссером и артистом Габдуллой Кариевым (1886—1920). *В Астрахань забрел Камиль-чурбан*. Речь идет о Камиле Мутыги-Тухватуллине (см. с. 405), который в качестве эстрадного певца гастролировал в эти годы по городам России. Здесь Тукай критикует его за неразборчивость в выборе песенного репертуара. «Мохбир» — газета «Казан мохбире» («Казанский вестник»), издававшаяся в 1905—1911 гг. *Рамиев* — известный татарский поэт Сагит Рамиев (1880—1926).

Постижение истины. «Максади акса» (акса) — арабское выражение. Буквально: «Самая высшая цель». Здесь в значении: высший идеал.

Грех. Переработка одноименного стиха К. Д. Бальмонта (1867—1942).

Обращение сатаны к чертям в праздник Уразы. Праздник Уразы — праздник по случаю окончания мусульманского поста. В полдень — «трапезы ночные». Во время мусульманского поста человек должен воздерживаться от пищи и любых чувственных удовольствий (курения, посещения зрелищных предприятий и т. п.) в течение всего дня, от рассвета до наступления темноты. Есть и пить разрешается только ночью.

Д а ч а. Воспоминания о путешествии по Волге. В мае 1911 г. Тукай на пароходе совершил путешествие в Самару (нынешний Куйбышев) и Астрахань.

Н а м о т и в х о д а п о е з д а. Дембериха — содержательница публичного дома; слово образовано от татарского «дембер», что означает: гул, грохот. Симбер (Симбир) — татарское произношение города Симбирск. Эх, дуда, дуда, дуда... «Кому выйти, господа?» Перефразировка строфы из татарской народной песни «Дюдяк» («Дрофа»).

Б а с н я. Итало-турецкая война — империалистическая война Италии против Турции с целью захвата турецких владений в Северной Африке — Триполитании и Киренаики, происходившая в 1911—1912 гг. Закончилась поражением Турции, которая по Лозаннскому миру 1912 г. уступила эти территории Италии.

О с е н н и е в е т р ы. Эпиграф — прозаический пересказ двух последних строк стихотворения А. Н. Майкова из цикла «Из Аполлодора Гностика»: «Не говори, что нет спасенья, Что ты в печалях изнемог: Чем ночь темней, тем ярче звезды, Чем глубже скорбь, тем ближе бог». Авраам, Исмаил — пророки. В оригинале даны в мусульманском произношении: Ибрагим, Исмагил. Такбир — произнесение формулы прославления бога: «аллаху акбар» — «аллах велик».

Г н е т. Ты «свидетельствуешь» миру. Клятвенное восклицание на арабском языке («ашхаду»), которым обычно начинались молитвы.

С е л ь с к о е м е д р е с е. «Каптеркю»...«каптырсу»...«сентерсу»...«сонтырсу». Тукай высмеивает приемы чтения по скла-

дам — основной метод обучения чтению в старых татарских медресе

Светлой памяти Хусайна. Ст-ние посвящено видному татарскому революционеру-ленинцу *Хусаину Ямашеву* (1882—1912). Член РСДРП с 1903 г., Ямашев активно участвовал в революционных событиях 1905 г., организовал первую татарскую большевистскую газету «Урал» (Оренбург, 1907), был близким другом Тукая.

Восхваление Мустафы. В образе *Мустафы* Тукай вывел реальную личность, это — пантюрист Мустафа Ширванский (Исмагилов, Мустафа Лутфи), издатель газет в Астрахани, в которых он занимался травлей прогрессивных деятелей.

Казанский мулла и будущий депутат. Ст-ние написано в связи с провалом избрания в IV Государственную думу буржуазного интеллигента Шейхгаттара Иманова, выдвинутого казанскими торговцами и муллами. *Указной... мулла* — см. с. 414.

Пробуждение. В этом ст-нии Тукай возвращается к оценке первой русской революции, ее опыта политической и революционной борьбы. Подъем революционного движения в 1912 г. принес новую бодрость в настроение поэта. Тукай призывает теперь к бдительности, к правильной оценке накопленного опыта. *Пусть к своду восьмому небес откроет нам путь Джабраил*. См. с. 404.

Пора, вспоминаемая с грустью. *Тахир, Зухра* — герои популярной романтической поэмы «Тахир и Зухра» (см. с. 410).

Казань и Закабанье. *Кабан* — внутригородское озеро в Казани «*Кисекбаша*» *растянул тугую нить* Намек Тукая на его поэму «Сенной базар, или Новый Кисекбаш». *Все, конечно, мусульманки, а Катюшки не найдешь*. В Закабанье имелись специальные татарские публичные дома.

Казань и Заказанье. *Спасск, Чар, Чистополь, Чебоксары, Тетюши, Мамадыш* — города бывшей Казанской

губернии. *Малмыж* — уездный город в бывшей Вятской губернии.

В е л и к и й ю б и л е й и с в я з а н н ы е с н и м ч а я н и я н а р о д а. Опубликовано в журнале «Мектеп» («Школа», научно-воспитательное издание) 21 февраля 1913. Под стихами та же дата. Это неслучайно: именно 21 февраля 1913 г. царская династия праздновала свое 300-летие. Сохраняя внешнюю лояльность, поэт-демократ в форме юбилейного стихотворения сумел сказать горькую правду об угнетенных, о несправедливости народов России, бросил обвинение царской династии, выступил как защитник интересов народа.

М о р о з. *Магишатист* — сторонник татарского клерикального журнала «Дин вэ магишат» («Религия и жизнь», 1906—1918, Оренбург). *Ишмурат* — землевладелец и коннозаводец Габдурахман Ишмуратов. «*Как апельсины в ящике, погибнет*» и т. д. Эти две строки взяты Тукаем из народной песни.

П и с а т е л ю. *Гумер* (Гумар, Омар, ок. 591 или 581—644) — второй халиф (с 634 г.) в Арабском халифате. Один из ближайших сподвижников Мухаммеда. При нем было завоевано много территорий в Азии и Африке. Ввел в халифате мусульманское летосчисление.

Н а д о с у г е. *Молитва пятикратная* — намаз. «*Гайнель-Гыйлем*» («Источник знаний») — религиозно-нравоучительная книга арабского автора. В 1883 г. была переведена на татарский язык.

С т и х о т в о р е н и я д л я д е т е й

К и с о н ь к а. *Как суфий к еде подходит*, т. е. вежливо, с покорно благочестивым видом.

С а б и т у ч и т с я ч и т а т ь. *Подарок... от дяди Харитона*. Харитонов И. Н. (1869—1954) — владелец типографии, специалист по типографскому делу. В 1912 г., отлив для татарского письма специальные шрифты, он издал «Татарскую азбуку», к которой было приложено данное стихотворение Тукая с иллюстрациями. Приложение называлось «Буляк» («Подарок»).

Поэмы

М а л е н ь к и й р а с с к а з в с т и х а х. *Фагилятен, фагилятен, фагилят!* — традиционный рефрен в восточной поэзии.

С т а р о м е т о д н и к. В поэме пародийно использованы ритмика и строфика религиозной книги «Мухаммадия», служившей пособием для чтения в медресе. *Старометодники* — это религиозные фанатики, сторонники средневековых феодальных порядков в жизни, противники прогресса, нового. *Новометодники* — д ж а д и д ы.

Т а з. *На картинке показано, в чем тут суть.* В первом издании поэма сопровождалась рисунком, где главный герой произведения изображался с подносом, засунутым под рубашку и привязанным к спине.

С е н н о й б а з а р, и л и Н о в ы й К и с е к б а ш. Пародия на памятник старотатарской литературы XII в. «Кисекбаш» («Отрезанная голова»). Сюжет его таков: пророку Мухаммеду является человеческая голова и рассказывает, как Д и в проглотил ее туловище и, силой отняв жену и сына, скрылся на дне колодца. Мухаммед вызывает одного из четырех своих подвижников по имени Гали, и тот вместе с Кисекбашем отправляется отомстить Диву и, спустившись на веревке в колодец, убивает его в единоборстве, возвращает жену и сына Кисекбашу. Все возвращаются к пророку, который чудом превращает Кисекбаша в молодого человека. Тукай, мастерски использовав сюжетную линию, строфику, ритмику религиозной поэмы, создал остросатирическое, реалистическое произведение. *Карахмет* — борец, выступавший в казанском цирке и пользовавшийся особой любовью сеннобазарцев за свое «мусульманское происхождение». *Никитин* — владелец цирка в Казани. *Заркум, Салсал, Сейид-Баттал* — мифические герои восточного фольклора. «*Неверных уголок*» — см. с. 410. *Джидда, Санга, Мекка* — города в Аравии. *Хиджаз* — провинция в Аравии. *Гласный* — выборный член земских собраний и городских дум в дореволюционной России. *По вечерам я к «тетенькам» ходил* — т. е. в публичные дома. *Див.* Здесь подразумевается глава сектантской группы «ваистов» Гайнан Ваисов (ум. 1918), который называл свою группу «божьей партией». *Максуди* — Садри Максуди (1875—1945), депутат III и IV Государственных дум,

стоявший на платформе кадетов. *Пускай кнутом Ишан покончит с этим колдовством!* Имеется в виду казанский ишан Габдесаттар Ходжаев, «лечивший» больных ударами «священного» кнута и прозванный за это «Камчылы ишан» («Ишан с кнутом»). *Миннибай* — распространенное татарское мужское имя. *Заикин, Медведев, Пугач* — мастера французской (классической) борьбы в казанском цирке. *Редакция газеты «Аль-ислах»* («Реформа») — татарская газета демократического направления, издававшаяся в 1907 — 1909 гг. под руководством известного писателя Ф. Амирхана (1886—1926) при ближайшем участии Тукая *Крестовникова... завод* — мыловаренный завод в старой Казани, принадлежавший братьям Крестовниковым. *Медресе*. Имеется в виду м е д р е с е Касимия, расположенное на берегу озера Кабан в Казани. *Гайнан* — Гайнан Ваисов. *Багаутдин* — мусульманский святой. *Ханская... мечеть* — башня Суюмбеки в Казанском кремле. *Новая слобода* — район до-революционной Казани, население которого в основном составляли татары. Тут же находился «штаб» ваисовской секты.

Д о п о л н е н и е к «Н о в о м у К и с е к б а ш у». *Сартские книги* — т. е. книги на староузбекском (дчагатайском) языке.

Словарь ¹

Ахун — одно из основных духовных лиц в мусульманской религии; старший мулла. Заведует мечетью, совершает богослужение, наблюдает за исполнением обрядов, читает проповеди.

Бай — буквально: богач; употребляется и в смысле: хозяин.

Бешмет — татарская верхняя теплая одежда, пальто.

Бялиши — татарское национальное блюдо: большой круглый пирог с начинкой.

Гурия — в мусульманской мифологии дева, услаждающая правоверных, попавших в рай; символ безупречной красоты. Употребляется также в смысле: красавица.

¹ Имена и названия в пояснениях, выделенные разрядкой, комментируются в соответствующих частях Словаря, определяемых алфавитом.

Дервиш — последователь суфийской религиозной секты; мусульманский странствующий монах-аскет; нищий.

Джадид — сторонник культурно-просветительского движения среди татар в период конца XIX — начала XX в.; приверженец нового; реформист. Употребляется также в смысле: передовой человек.

Джаным — ласкательное обращение к близкому человеку, в смысле: мое сердечко, душенька.

Див — злой дух.

Земзем — колодец при храме *Кааба* в Мекке, воду которого мусульмане считают святой.

Иса (Гайса) — Иисус Христос, почитался мусульманами как исцелитель и пророк, предшествовавший Мухаммеду.

Исрафил — архангел, который, по мусульманским поверьям, трубным гласом возвестит о конце света и наступлении Страшного суда (Судного дня)

Ичиги — татарская национальная обувь; кожаные (сафьяновые) сапожки на мягкой подошве без каблуков

Ишан — глава религиозной секты мистико-аскетического направления; наставник рядовых членов секты — *суфиев*.

Кааба — мусульманский храм в Мекке (город в современной Саудовской Аравии), в стену которого вделан «черный камень». И храм и город Мекка считаются святынями и являются местом паломничества верующих.

Кавсар — легендарный райский поток, дно его якобы выложено жемчугом, вода белее молока, свежей снега, слаще сахара и ароматнее мускуса.

Казый — класный наставник, надзиратель.

Калфак — татарский национальный женский головной убор, расшитый бисером или жемчугом.

Каф-гора — мифическая гора. В народе иногда отождествляется с Кавказскими горами.

Кумган — медный кувшин с носиком и ручкой, служащий для умывания и религиозных омовений

Курбан-гаит (курбан-байрам) — мусульманский праздник жертвоприношения.

Марут и Харут — ангелы, которые, по мусульманским преданиям, спустились с неба на землю, чтобы предостеречь людей

от развращающего влияния сатаны, но вскоре сами сбились с праведного пути.

Медресе — религиозное учебное заведение у мусульман.

Мюрид — послушник, последователь духовного наставника, и ш а н а.

Намаз — ежедневная пятикратная молитва у мусульман; совершается обычно в мечети в строго определенное время суток, и каждый раз перед его началом слугитель мечети — муэдзин с минарета провозглашает азан (призыв к молитве). Намаз включает в себя чтение отрывков из Корана, восхваляющих аллаха, его доброту и величие. Произнесение молитвенных формул сопровождается поклонами, prostиранием ниц и другими действиями.

Пери — легендарные искусительницы, женщины соблазнительной красоты. Здесь: олицетворяют райских дев.

Пурки — презрительное прозвище ш а к и р д о в.

Саваб — богоугодное дело; воздаяние за доброе дело.

Саз — струнный музыкальный инструмент. Здесь: поэтический символ — лира, муза.

Суфий — приверженец одного из мусульманских философско-мистических учений — суфизма; благочестивый аскет; странствующий д е р в и ш.

Таз — шалун, сорванец.

Такбир — произнесение формулы прославления бога: «аллаху акбар» — «аллах велик».

Тур-гора — мифическая гора, куда, по религиозному преданию, поднимался пророк Муса (Моисей), чтобы беседовать с богом.

Ураза (праздник Уразы) — праздник по случаю окончания мусульманского поста. Уразу обязан соблюдать каждый мусульманин в течение месяца рамазана (девятого месяца мусульманского лунного календаря).

Форкан — синоним Корана.

Хаджи — человек, совершивший паломничество в Мекку и к

другим «священным местам», связанным с именем пророка Мухаммеда.

Хазрет — уважительное обращение к мусульманскому духовному лицу, в значении: высочество, сиятельство.

Харут — см. *Марут* и *Харут*.

Хатем — чтение Корана над покойником.

Хаттаб — пророк Ибрагим (библейский Авраам). По преданию, он разбил каменных идолов в *Каабе*, которым поклонялись арабы-язычники, и выбросил осколки в море.

Хафтияк — глава Корана (буквально: седьмая часть), которая служила учебником в *медресе*.

Хызыр (Хызыр-Ильяс) — один из святых в мусульманской мифологии (христианский Илья-пророк), чудотворец. По преданию, он нашел источник живой воды, а потому будет жить до скончания веков; покровитель путешественников.

Чапан — долгополая верхняя одежда мусульманского духовного лица; символ причастности к духовному сословию; верхняя одежда вообще.

Шайтан — сатана, дьявол, совращающий, соблазняющий людей.

Шакирд — учащийся *медресе*, студент.

Шейх — глава мусульманской религиозной общины, секты; духовный наставник; почетное звание мусульманского духовенства.

Шурале — мифическое существо, персонаж татарских народных сказок; его любимое занятие — щекотать людей.

Яцин — отходная молитва.

Основные издания
стихотворных произведений
Габдуллы Тукая на русском языке

Избранное в двух томах. Казань. 1960—1961.

Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1963 (Б-ка поэта, МС).

Избранное. М., 1974.

Избранное. М., 1986.

Содержание¹

Габдулла Тукай. Вступительная статья Гали Халита 7

СТИХОТВОРЕНИЯ

О свободе. Перевод Р. Морана 35 403

В саду знаний. Перевод А. Ахматовой 37 404

Слово друзьям. Перевод С. Олендера 39 404

О единстве Перевод Р. Морана 41 405

* О нынешнем положении. Перевод С. Ботвинника 43 405

Шакирд, или Одна встреча. Перевод П. Шубина 45 405

О перо! Перевод А. Ахматовой 48

Приход весны. Перевод В. Звягинцевой 50

* В разлуке. Перевод Г. Пагирева 52

Не только для газеты «Фикер» («Мысль»). Перевод В. Ганиева 54 405

Голос с кладбища мюридов. Перевод Р. Морана 55 405

О, эта любовь! Перевод В. Тушновой 57

Пушкину. Перевод С. Ботвинника 59

* Разве я не скорбящий? Перевод Г. Пагирева 60

* Газетным наборщикам. Перевод С. Ботвинника 62

Где муллы, что хотят омусульманить Японию? Перевод
Р. Морана 64 406

В память о «Бакыргане». Перевод Р. Морана 66 406

* Трутням. Перевод С. Ботвинника 68

Кому верить? Перевод К. Арсеновой 70 406

* Татарским девушкам. Перевод С. Ботвинника 72 406

Редактору. Перевод Р. Морана 74 406

* Ужель погубишь? Перевод Г. Пагирева 76

Братское наставление. Перевод В. Ганиева 78 407

* Стеклянная голова. Перевод Г. Пагирева 80 407

Осень. Перевод А. Ахматовой 81

¹ Цифры в левой колонке указывают страницы текста, в правой (курсивом) страницы примечаний. Звездочкой (*) обозначены переводы, выполненные заново.

Государственной думе. Перевод Р. Морана	83 407
К народу. Перевод С. Ботвинника	85
Надпись на могильном камне. Перевод В. Тушиновой	86
«Стрелы» («Уклар»). Перевод С. Ганиева	87 407
Самому себе. Перевод В. Звягинцевой	88 408
Бахвалы. Перевод Р. Морана	89 408
* Нашей молодежи, устроившей литературный вечер Перевод С Ботвинника	92
Что говорят те, кто сотрудничает в «Эль-гаср-эль-джадиде»! Перевод Р Морана	94 408
Что рассказывают шакирды, покинувшие медресе Перевод С. Ботвинника	96
Вопросы Перевод Р. Морана	104 408
К свободе. Перевод Р. Морана	105 408
Если б ты не была... Перевод В. Тушиновой	108 408
Журналу «Детское воспитание». (Рассказ мусульманского мальчика). Перевод Р. Морана	109 409
* Видели? Перевод В. Леоновича	111 409
* Весна. Перевод Р. Бухараева	112
Бесталанному поэту. Перевод Р. Морана	114
Пара лошадей. Перевод А. Ахматовой	115 409
О газете «Голос» Перевод Р Морана	117 409
В чем сладость? Перевод В. Тушиновой	119
Приятелю, который просит совета — стоит ли жить на свете. Перевод К. Липскерова	121
Одному противнику прогресса. Перевод Р. Морана	123 409
Театр. Перевод Р. Морана	124
Против золота Перевод В. Звягинцевой	126
Размышления одного татарского поэта. Перевод Р. Морана	127 409
Беседа. Перевод В. Державина	129
Мышь, попавшая в молоко. Перевод Р Морана	131 410
О, красавица. (По Лермонтову). Перевод В. Тушиновой	132 410
Родной земле. Перевод А. Ахматовой	133
На нас напраслину возводят. Перевод Р. Морана	134 410
* Не уйдем! Перевод В. Шефнера	136 410
Богачу, спекулирующему типографией. Перевод Р. Морана	138 411
Наставление. (По Лермонтову). Перевод О. Дмитриева	140 411
Из жизни редакции одной газеты. Перевод В. Ганиева	142
Уподобление. Перевод Л. Озерова	144
Праздник в детстве Перевод Л. Руст	145
* Кодекс одного шейха. Перевод А. Чепурова	147
Из турецкого. (Мудрые слова). Перевод Р Морана	148
Не впервые. Перевод Р. Морана	149
Украденный смысл. Перевод Р. Морана	150
Парень и девушка. Перевод Л. Руст	151
Пускай смеется! Перевод В. Тушиновой	152
* Поэт. Перевод А. Чепурова	153
Правда и Ложь. Перевод К. Липскерова	154

В грустную минуту. (На мотив «Все говорят»). Перевод	
Р. Морана	155 411
Ей. Перевод В. Бугаевского	156
К. . Перевод В. Ганиева	157
Странная любовь. Перевод И. Сельвинского	158
Надежда. Перевод А. Ахматовой	160 411
Жизнь. Перевод К. Липскерова	162
Красавице с некрасивыми зубами. Перевод Р. Морана	163
Твоя рука. Перевод Вс. Рождественского	164
О журнале «Яшен». Перевод Р. Морана	165 411
Когда в Москве тобой займутся Перевод С. Ганиева	166 411
К портрету. Перевод В. Тушиновой	168 411
Жалоба муллы. (По «Молле Насреддину»). Перевод С. Север-	
цева	169 411
Совет. Перевод К. Липскерова	171
Любовь. Перевод В. Тушиновой	173 412
Отчего? Перевод Р. Морана	174 412
Памяти Мухамед-Загира. Перевод Р. Морана	175 412
Националисты Перевод Р. Морана	176 413
Что за цена красе твоей? Перевод С. Северцева	178 413
На память. Перевод В. Тушиновой	179
Ответ. Перевод В. Звягинцевой	181 413
Ода. Перевод А. Гатова	182 413
* «Люби ты жизнь, люби народ, пойми его стремленья...»	
Перевод А. Чепурова	183
Сердце. Перевод Р. Морана	184
Колебания и сомнения. Перевод А. Ахматовой	185
Свобода женщин. (По В. Князеву). Перевод В. Тушиновой	187 413
Вспоминаю. Перевод В. Тушиновой	189 413
Старье в номерах. Перевод А. Ахундовой	190
Ишан. Перевод В. Тушиновой	191
Современные женихи. Перевод В. Ганиева	192
Мингадж. (Эпиграмма). Перевод В. Любина	193 413
Гласный. Перевод Р. Морана	194
Проявляет. Перевод Р. Морана	195
* Абдулхамид. Перевод С. Ганиева	197 414
Муллы. Перевод С. Северцева	198
Спокойствие семьи. Перевод Р. Морана	199
Опозоренной татарской девушке. Перевод В. Тушиновой	200
Влюбленный. Перевод Р. Морана	201 414
В часы раздумий. (Из дневника). Перевод В. Ганиева	202
Из Шекспира Перевод Р. Морана	203
Книга. Перевод М. Петровых	204 414
Слава аллаху, субхан-алла! Перевод В. Ганиева	205 414
Вот и вот. Перевод Р. Морана	207 414
Чудо. Перевод Вс. Рождественского	208 414
Родная деревня. Перевод В. Тушиновой	209
Национальные мелодии. Перевод В. Тушиновой	210 415

Можно любить... Перевод Р. Морана	.211
Моя звезда. Перевод В. Тушиновой	.212 415
«Коль хочешь, чтоб тебе в ответ звучали...» Перевод В. Дер- жавина	.213
* Родной язык. Перевод А. Чепурова	.214
Молитва матери. Перевод В. Ганиева	.215
Татарскому писателю. Перевод О. Дмитриева	.216
Наставление. Перевод Р. Морана	.217 415
Летняя заря. Перевод В. Тушиновой	.218
Вчера и сегодня. Перевод Л. Озерова	.219
Самоубийце. Перевод В. Тушиновой	.220
Голос горького опыта. Перевод В. Цвелева	.221
Иногда. Перевод В. Тушиновой	.223
Вступающим в жизнь. Перевод Н. Шамсутдинова	.224
Отчаяние. Перевод С. Северцева	.226 415
Сожаление. Перевод В. Тушиновой	.228
О своеобразии. Перевод Р. Морана	.230
Молодежь. Перевод Р. Морана	.231
Сибгатуллин. Перевод В. Державина	.233 415
Неведомая душа. Перевод Д. Бродского	.234
Последние слезы. Перевод А. Тарковского	.236
Прогресс на мясном базаре. Перевод Р. Морана	.237 416
Сон. Перевод В. Ганиева.	.238
Разбитая надежда. Перевод А. Ахматовой	.239 416
Где? Кто? Перевод Л. Озерова	.241
Грусть. Перевод В. Державина	.242
Нос. Перевод Д. Бродского	.243
К***. Перевод Н. Сидоренко	.244
Поэзия и проза. Перевод Р. Морана	.246 416
Постижение истины. Перевод Р. Морана	.248 416
Молния. Перевод А. Тарковского	.250
Трудная доля. Перевод В. Ганиева	.251
Грех. (По Бальмонту). Перевод В. Любина	.252 416
Философия умников. Перевод Р. Морана	.253
Обращение сатаны к чертям в праздник Уразы. Перевод Р. Морана	.254 417
Дача. (Воспоминание о путешествии по Волге). Перевод В. Тушиновой	.255 417
На мотив хода поезда. Перевод Р. Морана	.256 417
Басня. (По поводу итало-турецкой войны) Перевод С. Се- верцева	.259 417
Осенние ветры. Перевод П. Радимова	.260 417
Гнет. Перевод В. Звягинцевой	.261 417
Мальчик с дудочкой. Перевод С. Маршака	.262
Сельское медресе. Перевод В. Цвелева	.264 417
Приметы весны. Перевод В. Звягинцевой	.265
Светлой памяти Хусаина. Перевод В. Ганиева	.266 418
Еще одно воспоминание. Перевод В. Звягинцевой	.267

Восхваление Мустафы. Перевод Р. Морана	.268 418
* Казанский мулла и будущий депутат. Перевод Г. Пагирева	270 418
Пробуждение. Перевод Р. Морана	.271 418
Просьба. Перевод А. Ерикеева	.272
Враги. Перевод С. Ботвинника	.273
Вечерняя дума. Перевод В. Тушиновой	.274
Юноши. Перевод Т. Ян	.275
Иду своим путем. Перевод Р. Морана	.276
Пора, вспоминаемая с грустью. Перевод М. Синельникова	277 418
Старики. Перевод Р. Морана	.279
Больной в деревне. Перевод В. Тушиновой	.281
Картофель и просвещение. Перевод Р. Морана	.282
Буря. Перевод С. Ганиева	.284
Неожиданно. Перевод Р. Морана	.285
Не смешно. Перевод В. Ганиева	.287
Безнравственность. Перевод С. Северцева	.288
Лицемеру. Перевод А. Гатова	.289
Критик. Перевод Р. Морана	.290
О критике. Перевод Н. Сидоренко	.291
Комментарии к любви. Перевод О. Дмитриева	.292
Казань и Закабанье. Перевод М. Синельникова	.293 418
Казань и Заказанье. Перевод Р. Морана	.296 418
Татарская молодежь. Перевод С. Северцева	.297
Религия. Перевод К. Липскерова	.298
Чего же не хватает сельскому люду? Перевод С. Северцева	300
* Великий юбилей и связанные с ним чаяния народа. Пере- вод В. Ганиева	.301 419
Мороз. Перевод Т. Спендиаровой	.303 419
Больной. Перевод Д. Бродского	.306
Гению. Перевод Я. Хелемского	.308
Сил своих на черный день. Перевод М. Львова	.309
Слава. Перевод В. Звягинцевой	.310
Писателю. (Отрывок). Перевод Р. Морана	.311 419
Слова Толстого. Перевод Р. Морана	.312
Отрывок. Перевод В. Ганиева	.313
На досуге. Перевод В. Ганиева	.314 419
Казань. Перевод С. Ботвинника	.315

Стихотворения для детей

Дождь и Солнце. Перевод Вл. Соколова	.316
Ель. Перевод С. Ганиева	.318
Счастливый ребенок. Перевод Р. Морана	.319
Арба, Сани и Лошадь. Перевод С. Ганиева	.320
В школе. Перевод А. Ахматовой	.321
Фатима и соловей. Перевод С. Обрадовича	.322
Колыбельная песня. Перевод В. Тушиновой	.323

Белый Дед	Перевод М Акчурина	. 324
Не всё то золото, что блестит.	Перевод В. Тушиновой	. 325
Кончил работу — играй!	Перевод Р. Морана	. 326
В мастерской.	Перевод Р. Морана	. 328
Ребенок, получивший похвальную грамоту.	Перевод В. Тушиновой	. 329
Озорной котенок.	Перевод М Акчурина	. 330
Ленивый пес.	Перевод А. Ахундовой	. 331
Наша семья	Перевод В. Лунина	. 332
Гали и коза.	Перевод В. Лунина	. 333
Лестница.	Перевод А. Флешина	. 334
Забавный ученик	Перевод А. Ахундовой	. 335
Бедняга заяц.	Перевод Гл. Семенова	. 336
Летом.	Перевод А. Ахматовой	. 337
Утро	Перевод В. Тушиновой	. 338
Кисонька.	Перевод А. Шпирта	. 339 419
Сабит учится читать	Перевод В. Тушиновой	. 347 419

ПОЭМЫ

Маленький рассказ в стихах	Перевод А. Шпирта	. 351 420
† Шурале	Перевод Г. Пагирева	. 360
* Водяная. (Со слов деревенского мальчика).	Перевод А. Чепурова	. 367
Мольба. (Из уст одной женщины)	Перевод Вс. Рождественского	. 370
Старометодник.	Перевод П. Шубина	. 373 420
Таз	Перевод Вс. Рождественского	. 377 420
Сенной базар, или Новый Кисекбаш	Перевод С. Ботвинника	. 379 420
Дополнение к «Новому Кисекбашу»	Перевод Р. Морана	. 396 421
Коза и Баран. (Сказка).	Перевод П. Радимова	. 397

Примечания	. 401
----------------------	-------

Словарь	. 421
-------------------	-------

Основные издания стихотворных произведений Габдуллы Тукая на русском языке	. 425
---	-------

Тукай Г.

Т 81 Стихотворения: Пер. с татар./ Вступ. статья Г. Халита. Сост. В. Ганиева, ред. стих. переводов С. Ботвинника, примеч. Р. Даутова.— Л.: Сов. писатель, 1988.— 432 с., портр. (Б-ка поэта. Малая сер.)

ISBN 5-265-00269-3

В сборнике представлены стихотворения, поэмы и сказки Г. Тукая (1886—1913) — зачинателя татарской реалистической литературы, гуманиста, патриота, певца свободы. Произведения Тукая переведены на русский язык А. Ахматовой, В. Звягинцевой, В. Тушновой, В. Державиным, Вс. Рождественским. Ряд стихотворений представлен в новых переводах С. Ботвинника, В. Ганиева, Г. Пагирева, А. Чепурова и др.

Т 4702510000—308 435—86
083(02)—88

ББК 84. Тат. 1

Габдулла Тукай

Стихотворения и поэмы

Л О изд-ва «Советский писатель», 1988 г 432 стр

План выпуска 1986 г. № 435

Худож. редактор Б. А. Комаров

Техн. редактор Л. П. Полякова

Корректоры Е. Я. Лапинь и Е. Д. Шнитникова

ИБ № 5157

Сдано в набор 20.02.87. Подписано к печати 28.10.87. Формат 70 × 100¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Литературная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 17,55. Уч.-изд. л. 10,93. Тираж 50 000 экз. Заказ № 880. Цена 1 р. 10 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель» Ленинградское отделение 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

